Петухова А.Н

Детский фольклор народа мари

П29

Марийский научно-исследовательский институт языка,
литературы и истории им. В.М.Васильева
при Правительстве Республики Марий Эл

А.Н.Тетухова

Детский фольклор народа мари

72218
МАРНИИЯЛИ
НАУЧНАЯ
БИБЛИОТЕКА
1 - 07

Йошкар-Ола
2004

Рецензенты:

доктор филологических наук, профессор М.И.Ахметзянов,
доктор филологических наук, профессор Р.К.Ганеева

Петухова А.Н.

Детский фольклор народа мари.- г. Йошкар-Ола, 2004.-287с.

Монография А.Н.Петуховой представляет собой первое в марийской фольклористике системное монографическое исследование национального детского фольклора. В ней на довольно обширном архивном и полевом материале, собранной автором, дается видовая классификация, исследуются основные жанры марийского детского творчества, а также анализируются идейно-тематические и художественные особенности конкретных произведений относящихся к этим жанрам.

При этом поэтические тексты в работе рассматриваются в сопоставлении с материалами детского фольклора финно - угорских и соседних народов и определяются их типологические и национальные признаки.

В марийской фольклористике материал детского фольклора впервые исследуется в тесной связи с народной педагогикой и ее нормами и методами воспитания.

Книга расчитана как на профессионалов - фольклористов, этнографов, литературоведов, так и на всех интересующихся проблемами "культуры детства" - педагогов, психологов, лингвистов, а также для родителей.

Посвящаю памяти моего отца Якимова Николая Павловича, сельского учителя и историка-краеведа, а также памяти моей бабушки Петуховой Анны Ивановны в честь столетия со дня рождения с благодарностью за ее «бабушкину педагогику».

Автор

Введение

Никакая созидательная модернизация школьного дела немыслима без опоры на свои вековые традиции. Игнорирование этих традиций ведет к деградации общества и человека.

Г.Н.Волков, этнопедагог,
доктор педагогических наук

Марийский детский фольклор – неотъемлемая часть устно-поэтического творчества марийского народа. На протяжении многих веков он являлся основным средством воспитания подрастающих поколений. По мнению фольклориста Г.С.Виноградова, детский фольклор был вызван к жизни «едва ли не исключительно педагогическими надобностями народа». (Виноградов, 1930: 16).

Народная педагогика через детский фольклор в народной школе на всю жизнь передает человеку щедрый благодатный импульс духовности. Под влиянием детского фольклора формируются мировоззрение и мировосприятие ребенка, первоначальные представления об основах морально-нравственных принципов. Устная поэзия народа не утратила своего художественного и воспитательного значения и в наши дни.

Детский фольклор во всем своем жанровом богатстве: колыбельные песни, пестушки, прибаутки, заклички, приговорки, считалки, дразнилки и «прочая стихотворная шумиха» (Мельников, 1987: 14) – окружает человека с момента рождения на протяжении детских лет и отрочества.

Детский фольклор во всем своем жанровом богатстве: колыбельные песни, пестушки, прибаутки, заклички, приговорки, считалки, дразнилки и «прочая стихотворная шумиха» (Мельников, 1987: 14) – окружает человека с момента рождения на протяжении детских лет и отрочества.

Детские фольклорные произведения с их веселыми, задорными стихами, словесной игрой, яркой образностью способствуют глубинному овладению богатствами родного языка, развитию речи. К сожалению, и по сей день официальная педагогика в полной мере не использует воспитательный потенциал смеховой народной культуры, практически не разработаны адекватные методы обучения малым жанрам детского фольклора. Уроки родного языка, внеклассного чтения, а также интегрированные уроки с использованием этого богатейшего пласта устно-поэтического народного творчества могут способствовать повышению у детей интереса к истории своего народа, его культуре, традициям, обычаям и быту.

В силу гуманности содержания и разнообразия художественных форм детский фольклор является благодатным материалом и в творчестве писателей, композиторов, художников, создающих

произведения для детей.

Объектом научного исследования марийский детский фольклор стал сравнительно недавно. Научная оправданность выделения детского фольклора в отдельную область исследования объясняется проявлением в нем специфики детского мировосприятия и психологии, а также четкой возрастной ориентации.

Детский фольклор всех народов имеет определенную общность. В частности, можно провести типологические параллели марийского детского фольклора с мордовским, удмуртским, коми, а также татарским и русским детским устно-поэтическим творчеством. Вместе с тем, при жанровом сопоставлении произведений детского фольклора с идентичным материалом других народов выявляется и специфичность марийского фольклора, его ярко выраженный национальный колорит.

Произведения национального детского фольклора несут в себе в зашифрованном виде упоминания о временах и событиях давно утраченных памятью народа. Они дают материал языковедам, филологам, этнографам, историкам для более глубокого проникновения в культуру и быт наших предков.

Детский фольклор – неоценимый источник изучения основ народной педагогики, дающий мощный стимул для творчества и педагогического поиска в решении такой насущной задачи современности, как воспитание в человеке Человека.

Из истории собирания и изучения марийского детского фольклора

Конкретное целенаправленное собирание произведений марийского детского фольклора в Республике Марий Эл было предпринято в 80-90-е годы XX века. До этого времени детский фольклор не вычленялся из общей разножанровой массы фольклорных произведений. Со второй половины XIX в., когда было положено начало сбору и записыванию устно-поэтического народного творчества, исследователи и собиратели основное внимание уделяли сказкам и песням, пословицам, поговоркам и загадкам марийцев. Произведения же колыбельной поэзии, игровой и внеигровой фольклор, как правило, оставались вне поля их внимания. И все же одно десятилетие шел процесс сбора по крупицам и накопления материала из области детского фольклора.

Начало собирания произведений устного творчества народа мари было неразрывно связано с организацией в 1879 году при Казанском Императорском университете Общества археологии, истории и этнографии (ОАИЭ). Члены общества собирали и записывали фольклорные произведения народов Поволжья, Сибири и Средней Азии. Надо отметить, что тексты отдельных произведений марийского фольклора были записаны еще в XVIII веке, во время экспедиций П.Г.Георги, П.И.Рычкова,

Г.Ф.Миллера и других. Однако, как указывает марийский фольклорист К.А.Четкарев, «образцы фольклора мари с более и менее точным переводом стали публиковаться значительно позже – лишь со второй половины XIX века» (Четкарев, 1951: 10).

«Среди народа мари активную собирательскую деятельность вели представители местной национальной интеллигенции, первые марийские просветители XIX века А.Минаев (Григорьев), Г.Семенов, И.Моляров, С.Нурминский, П.Ерусланов, Г.Яковлев, В.Васильев и другие. Научные работники Казанского университета, члены ОАИЭ И.Н.Смирнов, С.К.Кузнецов, Т.Ефремов, А.Знаменский и другие собрали богатый математериал по истории и культуре марийского народа, среди которого были и произведения устного народного творчества для детей. Они сделали большой вклад в марийскую фольклористику, сохранив уникальные записи текстов преданий, сказок, загадок, песен, а также сделали первые попытки научного осмысления отдельных вопросов марийского фольклора». (Китиков, 1971: 12).

Несомненный вклад в дело собирания, публикации и изучения произведений марийского фольклора Поволжья и Приуралья внесли историко-этнографические и географические общества при крупных исследовательских центрах Петербурга, Москвы, Екатеринбурга, Оренбурга, а так-

же Финно-угорское общество в Хельсинки, организованное в 1883 году.

В середине 80-х годов XIX века члены Финно-угорского общества предприняли несколько научных экспедиций по собиранию языкового, этнографического, фольклорного материалов среди мари, проживающих в разных губерниях России. В 1885-86 гг. Марийский край посетил финский ученый Вольмари Поркка. Он записывал произведения фольклора среди унжинских и моркинских марийцев. В работе ему непосредственно помогали представители местной национальной интеллигенции К.Н.Бурнаев, Г.Я.Яковлев и др. Собранные финским исследователем материалы с переводом на немецкий язык были опубликованы Арвидом Генетцем в «Черемисских текстах». В этой книге помещены 142 загадки, 144 песни, 42 поговорки, 3 молитвенных текста, 10 сказок.

Среди активных помощников финского ученого В.Поркка был и учитель Шимшургинского приходского училища Царевококшайского уезда Михаил Васильев, уроженец этих мест. Среди собранного им материала имеются и произведения, относящиеся к детскому фольклору: детские слова, игры с описаниями действий, прибаутки. Например:

Тойки-мойки,	***Тойки-мойки,***
Мый мойки.	***Я мойки.***
Савыри саска.	***Савыри ягода,***
Ме саска.	***Мы – ягоды.****

* Здесь и далее подстрочный перевод наш. – А.П.

Записи М.Васильева хранятся в рукописном фонде Научной библиотеки им. Н.Лобачевского Казанского государственного университета им. В.И.Ульянова-Ленина. Здесь же хранятся и другие тетради с записями произведений устного народного творчества мари. Среди них ценность представляет рукописный сборник «Тушто-шамыч» («Загадки», 1894). Судя по подписи на рукописи, материалы собраны учителем в Чебоксарском уезде летом 1894 года. Хотя место записи конкретно не указано, но есть все основания предполагать, что эти материалы были собраны на территории нынешних Звениговского и Волжского районов Республики Марий Эл (РМЭ).

Кучо, мурза!	*Держи, мурза!*
Кучо, мурза!	*Держи, мурза!*
Кучо – вара ораза!	*Держи – потом*
	будет пост!

Именно на звениговском диалекте слово «ораза» означает «пост».

Определенную ценность представляют фольклорные материалы, собранные учителем Аринского училища В.Я.Колибровым и кандидатом Казанской учительской семинарии Ф.П.Петровым, работавшими по заданию профессора Казанского Императорского университета М.П.Веске. Целью сбора материалов марийского фольклора было в дальнейшем издание произведений народной сло-

весности в рамках финских народностей Волжско-Камского края. В связи с кончиной М.П.Веске начатая работа была прервана, но рукописи сохранились в фондах библиотеки Казанского университета.

Итак, первыми непосредственными собирателями материалов устно-поэтического творчества марийского народа, в том числе и детского фольклора, были представители коренной национальности, получившие в свое время хорошее образование в учебных заведениях г. Казани.

Большой вклад в дело собирания марийского фольклора внес член Гельсингфорского финно-угорского общества доктор Арвид Генетц. Летом 1887 года в течение трех месяцев он собирал фольклорный материал в деревне Нижний Потам Красноуфимского уезда Пермской губернии. Помогал ему учитель местной школы Н.Т.Удюрминский. Во время экспедиции было записано 100 песен, 100 загадок, 11 заклинаний и 20 сказок, которые были опубликованы Финноугорском обществе вышла в свет книга фольклорных текстов Г.И.Рамстедта «Горномарийские языковые этюды» (Ramstedt, 1902: 56).

В 1905-1906 годах большую экспедицию по Марийскому краю с целью сбора языковедческого материала предприняли финские ученые-супруги Юрье и Юлия Вихманн. Экспедиционную работу они начали в селе Еласы Козьмодемьянского уезда,

затем посетили деревню Люльпанур Яранского уезда Вятской губернии и село Сернур Уржумского уезда Казанской губернии. За время экспедиции исследователи записали 64 песни, 37 пословиц, 60 загадок, 34 поговорки. Среди собранного ими материала были и прибаутки, названные ими как «шуточные слова», бытующие среди детей, например:

– Мари, мари, кушко кает?
– Пондаш налаш каем.
– Пондашыже молан кӱлеш?
– Ӱдыр ончаш.

– *Мужик, мужик, куда идешь?*
– *За бородой.*
– *Зачем нужна борода?*
– *Чтобы невесту приглядеть.*

Собранный материал Юрье Вихманн опубликовал отдельной книгой с переводом на венгерский язык «Материалы по языку уржумских мари». В своей книге он отмечал, что во время экспедиции устно-поэтических произведений успели собрать очень мало, т.к. были вынуждены сократить поездку, из-за грянувшей первой русской революции, отголоски которой докатились и до Марийского края (Wichmann, 1909: 124).

В 1898-1902 годах стипендиат Хельсинского

университета профессор Хейкки Паасонен предпринял четырехгодичное путешествие по России с целью исследования языка некоторых ее народностей. В их число вошел и восточный диалект марийского языка. В записях ученого сохранились тексты лирических песен, сказок, жертвенных молитв, заклинаний, загадок и пословиц. Смерть ученого помешала завершить обработку собранного материала. Позднее его приобрел доктор Кайц Доннер. Обработал материалы Х.Паасонена стипендиат Будапештского университета Пааво Сиро, работавший под руководством венгерского ученого Эдена Беке. В записях Хейкки Паасонена из материалов детского фольклора можно найти прибаутки подобные тем, что записал в свое время Юрье Вихманн, например:

– Киса-киса, кушко кает?
– Нӧшмӧ кочкаш каем.

– *Синица-синица, куда пошла?*
– *Семена кушать.*

Записи текстов Х.Паасонена представляют ценный материал для исследования фольклора детей мари.

Произведения марийского фольклора, собранные и опубликованные зарубежными учеными, являются важным научным источником. Благодаря их стараниям последующие поколения исследователей получили возможность познакомить-

ся с образцами произведений устного народного творчества, относящихся к концу XIX - началу XX веков. Но необходимо отметить, что зарубежные издания вначале долгое время были малодоступны для российских читателей, вплоть до 1930-х гг.

Более целенаправленное собирание марийского фольклора началось в первые годы XX века и связано оно с началом периодического издания в г. Казани «Марийского календаря» («Марла календарь»).

«В годы первой русской революции, предоставившей некоторую политическую свободу малым народностям России, большую организационную работу по сбору и изучению произведений народного творчества среди марийцев проводят издатели «Марла календарь» во главе с будущим марийским ученым В.М.Васильевым. В.Васильев первый затронул вопрос о роли фольклора в изучении древней истории, культуры марийцев. Издатели журнала страстно призывали марийский народ включиться в сбор произведений устно-поэтического творчества. Призыв был поддержан. В адрес редакции стали поступать от местных корреспондентов образцы устных произведений на родном языке» (Китиков, 1971: 27).

С 1906 по 1912 год на страницах «Марийского календаря» на языке оригинала было опубликовано более 1000 фольклорных произведений различных жанров. Преимущественно это были песни, загадки, пословицы, поговорки и приметы. Материалы игрового и внеигрового фольклора,

колыбельной поэзии практически оставались в стороне.

«Марийский календарь» главным образом был адресован крестьянскому читателю, значительное место в нем отводилось публикации мудрых мыслей народа. В одной из статей, призывая читателей беречь родной язык от неоправданных заимствований, создатели календаря указывали на богатство и красоту устной поэзии марийского народа: «Если мариец хочет дать добрый совет, у нас есть пословицы и поговорки; хочет загадать загадку – есть множество загадок; захочет спеть – песням нет конца, а о сказках говорить нечего – не переслушаешь. Ввиду ограниченности места публикуем лишь самое лучшее, самое необходимое» (Марла календарь, 1908: 39).

Во время первой мировой войны 1914-1917 годов немалое количество солдат, представителей разных народностей России, среди которых были и марийцы, оказались в плену в Австро-Венгрии, Германии и ряде других стран. В научных кругах запада появился интерес к фольклору финно-угорских народов. Воспользовавшись ситуацией, ученые использовали военнопленных в качестве респондентов. Так было записано большое количество произведений устного творчества и марийского народа. Одним из собирателей марийского фольклора был венгерский ученый Эден Беке, впоследствии академик Венгерской Академии Наук. Он последовательно собирал материал и исследо-

вал устно-поэтическое творчество, религию и язык народа мари. Со слов 29 военнопленных марийцев, уроженцев Казанской, Вятской, Уфимской, Пермской, Костромской губерний, Э.Беке записал 281 текст сказок, легенд и рассказов, 580 песен, 1177 пословиц, 658 загадок, 1268 рассказов и суеверий, 76 небольших молитв, 4 описания жертвоприношения, 4 описания праздничного обряда. Собранный фольклорно-этнографический материал публиковался в различных изданиях западноевропейских стран. Наиболее полно он был издан в 1950-е годы на венгерском и немецком языках в Будапеште. В первой книге «Народная поэзия и обычаи черемис (мари)» (1951) автор знакомит читателей с образцами устной народной поэзии мари, причем основное внимание было уделено сказкам. Во вторую книгу «Черемисские тексты» (1957) вошли произведения разных жанров, которые составитель сгруппировал по территориальному признаку: ветлужские, яранские, йошкаролинские и т.д. Малые жанры детского фольклора остались практически вне поля зрения ученого.

Собиранием языкового материала от военнопленных солдат-марийцев занимался и немецкий филолог Эрнст Леви. Результатом его труда стала публикация сборника «Марийские тексты», который вышел в свет в 1926 году в городе Ганновере. В сборник вошли самые разнообразные фольклорные тексты, вероятно, Э.Леви записывал все,

что военнопленные помнили из области фольклора. Наряду с произведениями других жанров в сборнике встречаются и считалки, дразнилки, приговорки.

Последовательная и научно-обоснованная работа по собиранию и изучению марийского фольклора на территории Марийского края началась лишь после Октябрьской революции. Выдающиеся марийские писатели и ученые С.Чавайн, М.Шкетан, В.Васильев, В.Мухин-Сави и др. со страниц газет и журналов обратились к народу с разъяснением о необходимости и важности сбора и сохранения устно-поэтического наследия наших предков. Продолжая традиции «Марийского календаря», В.М.Васильев (Ӱпымарий) в 1918 году издал сборник «Марий мут» («Марийское слово»). Среди опубликованных в нем фольклорных текстов интерес с точки зрения нашего исследования представляют некоторые загадки, поговорки, краткое описание ряда игр, а также тексты прибауток.

Другой, более полный его сборник «Марий мут. Образцы народной словесности и литературного творчества» вышел в 1931 году. Материалы были собраны автором среди мари, проживающих на территории Марийской, Татарской, Нижегородской областей. Большая заслуга В.М.Васильева заключается в том, что им был сделан первый шаг в систематизации жанров марийского фольклора.

С первых лет советской власти возникает массовая печать на марийском языке. На страницах газет «Йошкар кече» («Красный день») и «Марий

72218

ял» («Марийская деревня»), центральной марийской газеты, издававшейся в Москве, а также журналов «У илыш» («Новая жизнь»), «Арлан ден кестен» («Хомяк и кистень»), «Туныктымо паша» («Педагогическое дело»), «Пионер йӱк» («Голос пионера»), «У вий» («Новая сила») и др. как продолжение традиций «Марийского календаря», публиковались фольклорные произведения, присылаемые в редакции селькорами, учителями, школьниками и т.д. Чаще всего это были сказки, песни, пословицы, загадки и ребусы. Изредка встречались и произведения малых жанров детского фольклора.

Заметные изменения в собирании и изучении марийского устного народного творчества произошли после первого Всесоюзного съезда советских писателей в 1934 году. А.М.Горький в своем докладе четко сформулировал основные задачи советской науки в области народного творчества. С этого времени начинает налаживаться планомерное собирание произведений фольклора.

Центральной организацией, занимающейся сбором, публикацией и научным исследованием фольклора в республике становится Марийский научно-исследовательский институт языка, литературы и истории, созданный в Йошкар-Оле в 1930 году.

Фольклорная экспедиция 1939 года была масштабной как по количеству участников, так и по территориальному охвату. Экспедиционной группой в 18 человек руководил аспирант Ленинград-

ского государственного университета К.А.Четкарев. Экспедиция проводила записи в Волжском, Сотнурском, Моркинском и Еласовском районах Марийской АССР, 4 человека были откомандированы в Калтасинский и Мишкинский районы Башкирской АССР. В результате было записано 237 сказок, 2385 песен, 28 легенд и преданий, 162 загадки и 24 образца детского фольклора – считалки, песенки, рассказы.

Работа по сбору фольклорного материала не прекращалась и во время Великой Отечественной войны. Она продолжалась, но с меньшим размахом. В научный фонд института продолжали поступать сказки, пословицы и поговорки, загадки, песни от учителей и учащихся, от журналистов.

Следует отметить, что произведения малых жанров детского фольклора – колыбельной поэзии, игрового и внеигрового фольклора – как правило, редко попадали в поле зрения исследователей. Главное внимание их было сосредоточено на сборе и изучении двух жанров – сказки и песни.

В конце 1940 – начале 1950-х гг. вышли в свет отдельные работы фольклориста К.А.Четкарева. На основе полевого материала, собранного им в 1930 гг., он выпустил ряд сборников марийских сказок и легенд. В своих научных исследованиях «Марийские предания о родоплеменных богатырях» и «Героические образы в марийских сказках» (1951) К.А.Четкарев проанализировал данные о марийских божествах Кугурак и Чумбылат,

относящихся к земным божествам и оказавшихся в числе мифологических образов в результате обожествления их людьми.

В 1960 году вышел в свет сборник «Марийские народные пословицы, поговорки и загадки», составленный С.И.Ибатовым. Во вступительной статье ученый приводит краткую историю собирания малых жанров марийского фольклора и анализирует поэтическое своеобразие марийских загадок.

В 1967 году Марийским НИИ был издан сборник «Марийские народные загадки». Составитель сборника А.Е.Китиков во вступительной статье раскрывал этимологию марийского термина *тушто* – «загадка», проследил особенности бытования загадки в различные исторические периоды, обобщил историю собирания и публикации произведений этого жанра, проанализировал содержательную и художественно-изобразительную стороны марийских загадок. Монографическое исследование о марийских згадках А.Е.Китиковым было издано в 1973 году.

В 60-е годы по инициативе А.Е.Китикова к сбору и пропаганде национального фольклора подключилась редакция детского вещания Комитета по радиовещанию и телевидению Совета Министров Марийской АССР. В рамках ежемесячной тематической передачи «Литературный клуб» писатели, фольклористы и языковеды разъясняли детям важность и необходимость сбора произведений устного народного творчества, сохранения услышан-

ных от дедушек и бабушек сказок, песен, частушек, загадок и т.д. В адрес редакции начали поступать письма с записями фольклорных текстов, представляющих определенную научную ценность. Поток поступающей информации все увеличивался, в результате в редакции был накоплен обширный материал, в том числе и по детскому фольклору: описания игр, считалки, заклички и т.д.

В 1993 году вышли в свет две книги А.Е.Китикова: сборник считалок, скороговорок и смешинок для детей «Пире, пире, йолагай» («Ленивый волк») и вобравший в себя описание более чем 30 марийских народных игр сборник «Модыш – уш погыш» («Игра – копилка ума»). Обе книги приобрели широкую популярность среди детей младшего школьного возраста.

Работа по сбору материалов устного поэтического творчества детей народа мари не прекращается и на современном этапе. В 1980-90-е годы она получила еще больший размах. По инициативе МарНИИ и редакции газеты «Ямде лий!» («Будь готов!») в 1981-1984 годах ежегодно проводился конкурс по сбору материалов различных жанров детского фольклора. В итоге в научный рукописный фонд Марийского научно-исследовательского института поступило 40 сказок, 166 преданий и легенд, 4445 песен-частушек, 1198 загадок, 663 пословицы и поговорки, а 114 произведений детского фольклора.

В 1994-2000 годах автором этих строк был проведен ряд экспедиционных поездок по более

чем 30 населенным пунктам Куженерского, Сернурского, Моркинского и Параньгинского районов Республики Марий Эл, во время которых впервые в марийской фольклористике велся целенаправленный сбор материалов марийской колыбельной поэзии, детского игрового и внеигрового фольклора.

Поиск произведений колыбельной поэзии был затруднен из-за того, что марийская женщина, получившая во времена Советской власти равное с мужчиной право на труд и традиционно ведущая домашнее крестьянское хозяйство, была значительно потеснена в главнейшем деле своей жизни – воспитании детей. «Нам некогда было сидеть рядом с младенцем и петь колыбельные песни. Одним концом пояса опоясываешь ребенка, другой конец привязываешь к ножке стола, а сама – в поле, в лес – на работу. Вот и вся колыбельная» (ЛАА).

Во время экспедиций разных лет интересный материал – 8 колыбельных песен, 24 дразнилки и 3 страшилки – был записан в деревне Иван-Сола Куженерского района РМЭ в семье Каменщиковых. Каменщикова Наталья Трофимовна (1925 г. рожд.) является признанной хранительницей и исполнительницей, детских произведений а ее сын, Каменщиков Евгений Анисимович (1958 г. рожд.), заслуженный работник культуры Республики Марий Эл, прекрасный знаток национального фольклора и продолжатель песенных традиций матери.

В течение многих веков, живя в соседстве с

другими народами, марийцы вступали в экономические, культурные и бытовые отношения с ними. Для сравнения произведений марийского детского фольклора с произведениями татарского детского фольклора автором была предпринята экспедиционная поездка по ряду населенных пунктов Параньгинского района. В материалах марийского и татарского детского фольклора можно найти немало сходных тем, мотивов, образов и других общих мест.

Не все жанры марийского фольклора изучены в равной степени. Отрадно то, что за последние годы в газетно-журнальных публикациях отводится место и детскому фольклору. Расширяются формы и средства пропаганды его лучших произведений. А проблема фольклоризма марийской детской литературы имеет огромное теоретическое и практическое значение, заслуживает глубокого и всестороннего исследования.

Колыбельная поэзия.

Колыбельные песни

С самого рождения жизнь ребенка окружена народной поэзией. Родные песни звучат для него с колыбели. Простая нежная мелодия колыбельных песен успокаивает, усыпляет малыша, ласкает его, доставляет ему радость. Ребенок чувствует любовь матери и тех, кто поет ему колыбельные в процессе заботливого ухода за ним. Младенцу, лежащему в колыбели, слова песни еще непонятны, но нежность интонации, вложенная в мелодию, западает в его душу. И мать, своим врожденным чутьем понимая это, поет для него умиротворяющую, светлую, монотонную песню, главную песню в мире.

Колыбельная матери - это начало всех человеческих песен, не будь колыбельных песен, не было бы и других. В Дагестане про никчемного человека говорят: «Наверно, мать не пела над его колыбелью». «Он слушал, лежа в колыбели, не пение, а ругань», – говорят чуваши о грубом человеке. Колыбельная песня – величайшее завоевание народной педагогики. Она складывалась веками, сосредотачивая в единое целое мысли, движения и настроения души человека.

Колыбельную песню марийцы называют *аза малтыме муро*. Краткого термина в марийском язы-

ке до сих пор нет. Но есть слова, обозначающие действия «качать», «укачивать» – *рӱпшаш.* Следовательно, колыбельную песню можно назвать *рӱпшыммур* (досл.: песня-укачивание) или *малтыммур* (песня-усыпление).

В марийском фольклоре, как и в фольклоре русского, а также других финно-угорских народов, выделяются три группы колыбельных песен, отличающиеся друг от друга по степени сложности.

Для первой группы важна мелодия, она, как правило, состоит из повторения звуковых сочетаний. В качестве колыбельной марийцы использовали мелодии грустных старинных песен.

– *О-о-о, о-о-о* (и так бесконечно)

В марийском языке преобладает звук *ш.* Это тоже отражается в колыбельных песнях марийцев. Вместе с традиционным *о-о-о* использовались и другие звуки, например: *ш-ш-ш* или *ӱ-ӱ-ӱ* и т.д.

– *Ш-ш-ш-ш-ш-ш*
– *Изи эка папалта.*
– *Ш-ш-ш-ш-ш*
– *Маленькая крошка спит.*

Эка в данном случае – малыш, дитятко, крошка. Аналогичные тексты встречаются в фольклоре финно-угорских народов.

У коми:

– *Ӧ-ӧ-ӧ-ӧ-ӧ*
– *Изь-изь-изь-изь*
– *Эуввэ, уввэ, бобе...*

У удмуртов:

– Ӧ-ӧ-ӧ-ӧ (баю)

– *Спи, спи, спи, спи.*

В колыбельных песнях первичной основой является не словесная ткань, а мелодическая. Отсюда характерные их зачины: *О-о-о, ӧ-ӧ-ӧ, фӱ-фӱ-фӱ, ш-ш-ш, изь-изь-изь.* Интересно сравнить финно-угорские колыбельные песни с русскими и татарскими. У русских колыбельные песни называются *байки*, от глагола *баять*, отсюда и зачин *баю-баю-баиньки.*

– *О-о,о,о!*

– *О-о! Баиньки.*

– *О! Баю, баю, баю!*

– *Баю, милую*

У татарского народа это слово произошло от слова *бавету*, что означает уговаривать ребенка скорее уснуть. Таким образом, татарские колыбельные песни начинаются со слов *элли-белли, беу-беу, алла-ху, алла-ху, йом-йом.*

– Элли-бэлли бишеккэе,
Ачылмасын ишеккэе.
Ишеккэе шырт-шырт итэ,
Улым йокыга китэ.

– *Люли-люли, люлечки,*
Не отворитесь, дверочки.
Дверочки скрып-скрып,
А сыночек спит, спит.

В более ранних записях марийских колыбель-

ных песен встречается обращение матери к ребенку в третьем лице. У марийцев такое обращение связано с поверьем, согласно которого нельзя вслух произносить имя новорожденного. Это суеверие бытует и поныне. Когда ребенка укачивают или купают, обычно приговаривают: *«Это – не мой ребенок, это – волчонок, медвежонок, зайчонок».* Наши предки полагали, что всем видимым и осязаемым земным миром управляют духи. Чтобы не навредить ребенку, запрещалось называть его по имени

О-о-о-о
Маска иге папалта,
Тумна толын тӱкалта.

О-о-о
Медвежонок спит,
Сова прилетит и заденет.
О-о-о,

О-о-о-о,
– Мӧмӧ кая, пыси толеш,
Изи падыраш папалта,
Изи маска папалта,
Меран иге папалта.

– Мохнатый уходит,кисонька приходит,
Маленькая крошка спит,
Маленький медвежонок спит,
Зайчонок спит.

Постепенно мать начинает усложнять тексты своих колыбельных песен. Колыбельные такого

рода причисляются ко второй группе. В таких песнях мать, обращаясь к своему ребенку, как правило, сулит ему что-то приятное:

О-о-о.
Куван аза шепкаште,
Пу моклака конгаште.
Мемнан чинче падырашна
Мотор шепкаште папалта.
Ава эрден кынелеш,
Мелнам кўэшташ тўнгалеш.
Ача пазарыш кая,
Тамле мўгиндым конда.

О-о-о.
У женщины ребенок в люльке,
Полено в печке.
Наша серебряная крошка
Спит в красивой люльке.
Мама утром встанет,
Начнет блины печь.
Папа поедет на базар,
Сладкий пряник привезет.

Подобный текст можно встретить и в татарских колыбельных песнях:

Элли-белли, спи, утенок.
Куда мама ушла?
В березовую рощу за ягодками,
Маленькому Иреку за подарком.

В марийской колыбельной песне все время повторяются строки: *«Ой, дитя мое, дитятко, ой,*

дитя мое, крошечка» – «Ой, изием мыйын, падыраш-шем». Монотонное, ласковое повторение этих слов действует на ребенка успокаивающе, усыпляюще. В материнскую нежность вплетаются строки, так или иначе связанные с марийской природой:

Тек тувырет лиеш шоло лышташ,
Вакшет лиеш писте лышташ,
Ачат лиеш сур меранг.

Пусть рубашкой твоей будет вязовый лист,
Постелью твоей будет липовый лист,
Пусть отцом твоим будет серый заяц.

В этой древней песне ребенок – часть природы, ее дитя.

В марийских колыбельных песнях, как правило, постоянный образ-персонаж не наблюдается. Чаще используются сравнения-обращения: *чинче падырашем – моя серебряная крошка; колоем, чукаем – дитятко; тумна иге – совенок; ньоньоем – нехорошенький* (в благопожелательном смысле – *А.П.*).

О-о-о-о-о!
Изи чукаем папалта.
Куку, чача, чанга, ӧрш,
Пӧрткайык, киса, тумна иге,
Маска иге папалта,
Кизажат папа, чапажат папа,
Чичажат папа, чылажат папа.

О-о-о-о-о!

Маленький дитятко спит.
Кукушка, игрушка, галка, снегирь,
Воробей, синица, совенок,
Медвежонок спит,
И ручки спят, и ножки спят,
И глазки спят – все спит.

Интересно отметить, что излюбленными образами колыбельных песен эрзя-мордовского и мокша-мордовского народов являются сорока и ворона, у удмуртов – голуби, у русских – тоже голуби, гуленьки.

– Чагыр, чагыр, дыдыке,
Малы ялан бӧрдисокод?
Чебер пис – нуныс
Малы тодде жабаськод?
Баӣдзӹм будод, тир кутод...

– Сизый, сизый голубок,
Отчего все время плачешь?
Красивый сыночек, мое дитя,
Почему все время ножками стучишь?
Большой вырастешь - топор возьмешь.

Марийские колыбельные песни, построенные на обращении матери к ребенку, уже хорошо понимающему речь и реагирующему не только на ее голос, но и на ее слова, относятся к третьей груп-

пе. Такие песни, в свою очередь, делятся на два вида: песня о будущем ребенка и песни о заботах матери, отца. По такому же принципу дается классификация колыбельных песен в фольклористике коми (Рочев, 1972: 225), мордвы (Таракина, 1971: 240) и удмуртов (Долганова, 1992: 28).

С ранних лет у марийцев, как и у многих других народов, ребенок готовится взрослыми для последующей трудовой деятельности. Отцы обучали мальчиков многим видам сельскохозяйственных работ, а также тем видам ремесел, в которых были искусны сами. Традиционно уже лет с семи мальчики помогали отцам: вместе ездили за сеном, дровами и т.д. Матери обучали своих дочерей рукоделию: прядению, ткачеству, вышиванию, вязанию. Это являлось обязательным при подготовке детей к будущей жизни. Все это отразилось в содержании колыбельных песен, в которых мать в удивительно поэтической форме, без всякой назидательности поет о будущей жизни ребенка, надеясь, что он станет помощником своим родителям.

О-о-о!
Изи колоем папалта,
Ачаж ден авaжым вучалта.
Ачаже чодыраш каялын,
Чодырам руэн ярналын.
Аваже пасушко каялын,

Комдым нумал ярналын.
Изи падыраш кушкалеш,
Чылалан полшаш тӱнгалеш.

О-о-о!
Маленькое дитятко спит,
Маму с папой поджидает.
Отец в лес пошел,
Лес рубя, устал.
Мать в поле пошла,
Лукошко таская, устала.
Маленькая крошечка подрастет,
Всем будет помогать.

Колыбельные песни обычно подразделяются на традиционные, литературного происхождения и свободные импровизации. Для марийского народа характерна импровизация.

Более распространенным видом марийских колыбельных песен являются песни с импровизированным текстом. Такой своего рода рифмованный рассказ бытует непосредственно в народной разговорной речи. Взрослый, обращаясь к ребенку, рифмует свою речь. Исполняются они во время работы, разговора или специально для забавы, веселья. Колыбельные песни марийского народа близки по тематике к колыбельным песням финского, эстонского, мордовского народов. Они представляют собой обращение к ребенку с рассказом о том, чем родители занимаются, какой

подарок ожидает малыша после сна.

– Аляце тусь Питери,
Сирень-сиян кандами.

– Отец твой уехал в Питер,
Деньги зарабатывать.

(Мордовская)

Изи колой папалта,
Ачаже Чарлаш каен.
Урым, мерангым ужала,
Калачым, мӱгиндым конда.
Изи падраш нямеш – кугу лиеш.

Маленькое дитя спит,
Отец в город (в Царевококшайск) ушел.
Белку, зайца продаст,
Баранки, пряники привезет.
Маленькая крошечка поест –большой станет.

Для марийских колыбельных песен характерно обилие определений-эпитетов. Они играют большую роль в создании ярких колоритных образов, привлекающих внимание детей. Постоянными эпитетами являются *чинче* – блестка, *изием* – малюсенький, которые часто употребляются со словом *падыраш* – крошка. Это объясняется тем, что все самое лучшее у марийцев сравнивается с блеском

серебра. Украшения марийских женщин состояли из серебряных монет, соединенных металлическими цепочками. Считалось, что звон серебра отгоняет злых духов и болезни. Ведь для любой матери ее ребенок – самое лучшее, дорогое в ее жизни.

Примечательно, что удмурты, мордва, коми и другие финно-угорские народы в своих колыбельных песнях часто называют ребенка «красавчиком», «голубчиком», «здоровеньким». Марийцы же в своих колыбельных к маленькому и пока не обращаются с любовью со словами *кака* – бяка, *ньоньо* – нехороший, *коракиге* – вороненок, *маскаиге* – медвежонок, дабы не сглазить его.

В марийском детском фольклоре традиционно принято создавать образ какого-либо страшного или мифического существа, которым запугивают ребенка. Такие существа встречаются в произведениях многих жанров фольклора, в том числе и в колыбельных песнях. Мифический персонаж ведет себя как живое существо: ходит, ищет детей, уводит с собой того, кто ложится на край кровати, кто без причины плачет, кто садится на порог и т.д. Подобного рода запугивания имеют определенную цель – уберечь ребенка от несчастных случаев и увечий. Страшным мифическим существом в марийском фольклоре является *Мömö*. Иногда в этой роли выступал шмель – *ошымшӱлыш*. Моя бабушка, укладывая нас, внуков, спать,

говорила: «Глазки закройте и тихо дышите, ждите и слушайте, как шмель прилетит и будет летать над вами, ш-ш-ш...». С чувством затаенного страха мы ожидали шмеля и... засыпали.

Папе, папе, падырашем,
Шинчат кумо, колоем.
Мömö толын руалта,
Шем чодырашке нангая.
Кай, Мömö, ит тол тышке,
Мый тыланет эргым ом пу.
Кай тышеч!
Мömö кайыш!

Спи, спи, моя крошечка,
Закрой глазки дитятко,
А то Мохнатый придет, ухватит,
И в темный лес унесет.
Уйди, Мохнатый, не приходи сюда,
Я тебе сыночка не отдам.
Уходи отсюда!
Мохнатый ушел!

Иногда в колыбельной песне описывались какие-либо поступки страшного *Мömö*.

– Мömö толеш,
Кö тӱрыштö мала,
Тудым нангая.
– Мömö придет,
Кто на краю спит,
Того заберет.

Слова колыбельной предостерегают ребен-

ка от падения, если он ложится на край. В конце песни ребенок обычно оказывается «послушным» и мать «прогоняет» всех, кем в начале пугала его.

Некоторые колыбельные песни завершаются фразой – *маска умша* (рот медведя), *оп!* . Это значит, что мама дает установку на полную тишину, все должны замолчать.

В русских колыбельных песнях также встречаются подобные устрашающие существа, чаще всего это Серый волк или Бука, а в мордовских колыбельных – это Бобо.

В колыбельных песнях зарождаются первые зерна поэзии для малышей. Их напевы, элементы подражания звукам природы прививают малышам речевые навыки и развивают музыкальный слух. «Самым лучшим в мире исполнителем колыбельных песен является мать. Материнское чувство совершенствовало не только поэзию и музыку народа, но и сокровенные движения души человека, его духовное богатство, самые нежные и человечные стороны народной нравственности» (Волков, 1999: 88).

Марийские колыбельные песни являются прекрасными образцами устного народного творчества. В них с помощью различных художественных средств (сравнение, олицетворение, эпитет и т.д.) оживает каждая строка. Через колыбельную песню формируется первичный словарный запас ребенка, без которого невозможно познание окружающего мира, развивается его мышление. Здесь

каждый стих – новая динамичная картинка. Ребенок еще не в состоянии долго удерживать в памяти тот или иной образ, но многократное повторение простых слов способствует накоплению у ребенка чувственных впечатлений и словарного багажа, восприятию человеческого голоса как сигнала общения, пониманию родного языка.

Таким образом, колыбельная песня — это гибкий инструмент педагогического воздействия пестуньи на ребенка, имеющий целью познакомить ребенка с простейшими формами взаимосвязи предметов и окружающим миром. Это заговор, оберег, основанный на магической силе воздействия слова и музыки.

Пестушки

Наряду с колыбельными песнями, исполнение которых имеет цель успокоить, усыпить ребенка, немалое место отводится текстам, сопровождающим его пробуждение и бодрствование. Как и у всех народов, подобные произведения имеются и в марийском устно-поэтическом творчестве. Пестушки, потешки, прибаутки – это особые стишки и приговорки, которые сказывает мать, бабушка, когда нянчит, пестует ребенка. Пестушки помогают сделать занятия с ребенком веселыми и интересными. Во время исполнения пестушек ребенок полностью завладевает вниманием взрослого. Эти короткие стихотворные припевы сопровождают движение ребенка при пестовании. Так, например, ласково массируя тело ребенка, слегка потягивая ручки и ножки, мама высказывает пожелание: *«Кус-кус-кус! Кугу лий*!» – «Кус-кус-кус! Будь большим!», – ласково массируя тело ребенка, слегка потягивает его.

Пестушки – это не только комплекс простейших физических упражнений, выполнение которого сопровождается песенными благопожеланиями. В них пестунья акцентирует внимание на развитии определенных умений у младенца, выстраивает ближайшую перспективу его роста:

– А в ножку – ходуношки,
А в ручки – хватунушки,
А в роток – говорок,
А в головку – раздумок.

(Русская пестушка)

В марийском детском фольклоре специаль-

ного термина для обозначения пестушек нет. Нет такого термина и в мордовском фольклоре. Но произведения сохранились и бытуют поныне. Действия, сопровождаемые веселыми забавными песенками, в марийском языке обозначаются глаголом *онгараш* – пестовать. Следовательно, пестушки по-марийски можно назвать *онгарчык*.

– А в ножку – ходуношки,
А в ручки – хватунушки,
А в роток – говорок,
А в головку – раздумок.

(Русская пестушка)

В марийском детском фольклоре специального термина для обозначения пестушек нет. Нет такого термина и в мордовском фольклоре. Но произведения сохранились и бытуют поныне. Действия, сопровождаемые веселыми забавными песенками, в марийском языке обозначаются глаголом *онгараш* – пестовать. Следовательно, пестушки по-марийски можно назвать *онгарчык*.

В русском фольклоре пестушки получили названия от слова *пестовать* – лелеять, нянчить, ходить за кем-либо, воспитывать, носить на руках, приговаривая. Эти приговорки являются словесными формулами, высказываемыми при движении ребенка после сна, при потягивании. Вот проснулся ребенок, открыл глазки. Он еще в полусне и вставать из мягкой, теплой постельки не хочет. Мама обращается к нему с ласковыми словами:

– Кус-кус-кус-с!

Йогыжо йол мучашке,
Пиалже вуй мучашке.
Кече пыл помыш,
Коля кашка помыш,
Мичу аваж помыш,
Оза паша конгга йымаке.

-Кус-кус-кус-с!
Лень к ногам,
Счастье к голове.
Солнце в облака,
Мышка в валежник,
Мичу в мамину пазуху,
Работа хозяйки под печку.

При этом мать ласково поглаживает ребенка по спинке, по животику. Получается своего рода массаж тела и гимнастика, сопровождаемые веселой незатейливой песенкой. Проделывающий эти упражнения пропевает слова с нежностью и любовью к ребенку, который получает от этого огромное удовольствие.

Максимальное воздействие оказывают при сочетании их с тактильными действиями – легкими прикосновениями. В пестушках учитываются все основные моменты физического развития ребенка. В конце упражнений ребенка переворачивают на живот и тихонько постукивают по спине:

– Сукыржо кӱн уке-е? Уке-е-е!
– Каравай испекся, нет? Не-е-т!

Кўын! *Испекся!*
Ночкырак! *Сыроват еще!*

Затем ребенка ставят на ножки, поднимают ручки вверх и говорят:

– Могай кугу лиеш?

– Тыгай, тыгай, тыгай кугу лиеш.

– *Какой большой будет?*

– *Такой, такой, такой большой будет.*

Привыкнув к этим словам и действиям, со временем ребенок сам начинает показывать, приподнимаясь на носочки, каким он будет большим.

Каждому этапу развития ребенка соответствуют свои пестушки. Так, начинающему становиться на ножки малышу говорят одни пестушки, а делающему первые шаги – другие. Например, когда ребенок уже научился держать головку и хорошо сидеть, мать или кто-то из взрослых берет его головку в свои руки и, осторожно переваливая ее с ладони на ладонь, приговаривает:

– Киндым пыштем, – *Хлеб пеку,*
Киндым пыштем, *Хлеб пеку,*
Чук – конгашке! *Чук – в печку!*

Эти нехитрые упражнения не что иное, как массаж спины и плечевого пояса.

Или, например, ребенок стал самостоятельно стоять. По этому поводу говорят:

Тӱньык шикш, — *Дым из трубы,*
Тура шикш! *Прямо дыми!*
Тӱньык шикш, *Дым из трубы,*
Тура шикш! *Прямо дыми*
Лай мардеж, ит пуал! *Ласковый ветер,*
не трогай.

Первые шаги ребенка — радостное и знаменательное событие в жизни семьи, по народной традиции принято сопровождать стихами. Звучный, складный стишок задает ритм движения и создает эмоциональный настрой.

У марийского народа существует немало пестушек, побуждающих ребенка смелее двигаться, тверже держаться на ножках. Забавляясь с делающим первые шаги ребенком, приговаривают:

— Изи эргым кузе кепшылым руа?
Тып-топ, тып-топ руа.

— *Как мой маленький сыночек путы рубит?*
Тып-топ, тып-топ рубит.

Пестушки подобного содержания есть и в мордовском фольклоре:

— *Иди, иди, мой сыночек!*
Иди, иди, моя лапонька.
Нужно его распутать,
Чтобы ты шагал.

У марийцев есть обряд, посвященный моменту, когда ребенок начинает делать первые шаги: *кепшылым руалме* – разрубание пут. Он существует и поныне. Глубинный смысл его заключается в том, чтобы начинающий ходить ребенок меньше падал и хорошо ходил. «В этом случае ноги ребенка завязывали бечевкой, и кто-то из уважаемых членов семьи разрезал ножницами символическую веревочку и говорил: *Кепшылым руална, кепшылым руална, ынде кошт, ынде кошт* (разрубили путы, разрубили путы, теперь ходи, теперь ходи). Часто этот обряд выполняется и так – мать водит ребенка за руки, а кто-нибудь из пожилых членов семьи, постукивая топориком об пол вслед за переставляющим ноги ребенком, произносит те же слова» (Молотова, 1993: 91).

Когда ребенок начинал увереннее двигаться, пытаться бегать, мать, делая вид, что догоняет его, в ритме шага приговаривала:

– Поктем, поктем –
Поктен ом шу,
Кучем, кучем –
Кидем ок шу.
А-а, тевыс изи чукаем,
Ынде мӧнгӧ нангаем!

– Догоняю, догоняю –
Не догоню,
Ловлю, ловлю –
Руки не достают.
А, вот она, маленькая девочка,
Теперь домой унесу!

Ребенок начинает бежать, а мама подхватывает его на руки – радость заполняет сердца обоих. Когда ребенок падает и начинает плакать, мать или кто-то из взрослых безымянным пальцем водит вокруг ушибленного места и несколько раз произносит:

– *Маска игын коршта,*
Рывых игын коршта,
Меран игын коршта,
Изи Сашан ок коршто.

У медвежонка болит,
У лисенка болит,
У зайчонка болит,
У маленького Саши не болит.

– Кузе салма ӱй шонг шулен кая,
Туге Сашикын корштымыжо
Шулен кайыже!
Кузе шӧр шонг шулен кая,
Туге Сашикын корштымыжо шулен
кайыже!
Уф, уф, уф-ф!

Как тает на сковороде пена на масле,
Пусть также Сашина боль растает!
Как тает пена на молоке,
Пусть также Сашина боль растает!
Уф, уф, уф-ф!

Когда маленькому ребенку нездоровится, мама поглаживает его и говорит:

Корштымыжо шем маскалан лийже,
Черже сур пирылан лийже,
Изи Таня вашке тӧрланыже.

Пусть боль черному медведю уйдет,
Пусть болезнь серому волку уйдет,
Пусть маленькая Таня быстрее поправляется.

Ласково звучащие слова, сопровождающиеся поглаживанием, упоминание знакомых животных отвлекают внимание ребенка от боли, успокаивают его, поднимают настроение. Дети сами любят приговаривать эти стишки самим себе или же они «лечат» плачущего товарища, сестру или брата. Так развивается в детях чувство сострадания, действенное отношение ко всему. Не нужно бежать и жаловаться взрослому, можно помочь себе самому. Эмоциональное напряжение также можно снять с помощью приговорок, например:

Ит шорт, ит шорт,	*Не плачь, не плачь,*
Калачым пуэм!	*Дам калач,*
Шӱйышкет сакалтем,	*На шею повешу,*
А вара чаманем!	*А потом пожалею!*
Шорт, шорт!	*Плачь, плачь!*
Шем шорыкым пуэм.	*Черную овечку дам.*

Ребенку не всегда приятна процедура умывания. Благодаря ласковым словам, она может превратиться в веселую игру.

Ший памашын ший вӱдшӧ
Чыр-чыр йогалеш.

Шер падыраш гай изием,
Чип-чип мушкалеш.
Шоптыр гае шинчаже
Коп-коп модалеш,
Чевер олма чурийже
Пыль-пыль шыргыжеш.

Серебряная вода серебряного ключа
Чыр-чыр течет.
Как бусинка, мой маленький
Чип-чип умывается.
Глазки, как смородинки,
Коп-коп поигрывают,
Личико, как яблочко румяное,
Пыль-пыль улыбается.

Когда ребенка после купания окатывают, поливают чистой водой, то приговаривают:

Кузе ош комбо (лудо, чыве)ӱмбач
Вӱд йоген вола,
Изи Сашик ӱмбач
Туге осалже йоген волыжо...

Как с белого гуся (утки, курицы) стекает вода,
Так и с маленького Саши
Злое пусть истечет...

Вӱдлан – йогаш,
Эргымлан – кушкаш!

Воде – течь,
Сыну – расти!

Вӱд ава, вӱд ава!
Шемым ошым ыштет,
Лавырам яндарым ыштет.
Осалжым, шакшыжым
Мушкын колто!

Мать воды, мать воды!
Ты черное делаешь белым,
Грязное – чистым.
Все злое, нечистое
Смой!

В ситуации, когда девочка не любит расчесывать волосы и заплетаться, мама, плетя косу, тихонько ее подергивает и ласково приговаривает:

– Ньоньо чичи пыжашым оптынеже,
Ӱпым кӱрлын кайынеже.
Ньоньо чичи, кай тышеч!
Тиде изин кӱляш ӱпшӧ,
Кужу-кужу лийже,
Кӱжгӱ-кӱжгӱ лийже!
Изи ӱдырем ача-аван мутшым
Колыштшо лийже!

Бяка-птичка гнездышко хочет строить,
Волосы хочет выдрать.
Бяка-птичка, уйди отсюда!

Эти шелковые волосы этой малышки
Пусть будут длинные-длинные,
Пусть будут густые-густые!
Пусть моя маленькая дочка
Будет послушной!

Буквально к каждому значительному событию в жизни ребенка приурочены определенные стишки и пестушки. Когда ребенок начинает «гулить», т.е. произносить первые звуки в ответ на мамино обращение к нему, обычно приговаривают:

– Кол ер изи лудигыже
Пик-пик кычкыра,
Кован йошкар чывыже
Кыт-кыт-кыт кыдетла
Мыйын изи падырашем
Выч-выч-выч вычымата,
Гыл-гыл-гыл логыманда.

Маленькие утята
Пик-пик кричат,
Бабушкина красная курица
Кыт-кыт-кыт кудахтает
Выч-выч-выч щебечет,
Моя крошечка
Гыл-гыл-гыл лепечет.

В ответ ребенок обязательно скажет свое «а-гм, а-гу».

Традиционно в семье с маленькими детьми

играли мамы, бабушки, старшие сестры и братья. Среди первых игр отца с ребенком следует отметить качание на ноге и подбрасывание вверх. Как только ребенок начинает самостоятельно стоять, отец ставит его на ступню своей правой ноги, держа его за предплечья и то, приподнимая ступню кверху, то, опуская книзу, качает его, при этом посвистывает или приговаривает:

– Учики-вачики,
Учики-вачики!
– Куку, Чачи, чанга, ӧрш.
Пӧрткайык, киса, тумна иге.

Учики-вачики!
Учики-вачики!
Кукушка, Чачи, галка, снегирь
Воробей, синица, совенок.

– Учики-вачики,
Учики –вачики!
Эчук кӱшкӧ,
Йогыжо ӱлыкӧ.
Пикш гай(е) писе,
Ур гай(е) куштылго,
Маска гай(е) патыр,
Когыльо кӧргӧ гай(е) тамле.

– *Учики-вачики,*
Учики-вачики!
Эчук – вверх,

Лень – вниз.
Быстрый, как стрела,
Проворный, как белка,
Сильный, как медведь,
Сладкий, как начинка в пироге.

После этого отец обычно подкидывает ребенка вверх, ловит его на руки и обнимает. Покачивание ребенка на ноге могло сопровождаться пением. В этих играх были призваны оберегать ребенка.

Потешки

Игры и забавы по мере подрастания ребенка постепенно усложняются. Пестушки постепенно уступают место *потешкам*, сопровождающим игры с пальчиками, ручками и ножками ребенка. В этих играх уже присутствует педагогический момент – настрой на трудолюбие, доброту, дружелюбие. Например, в русской детской потешке «Сорока» щедрая белобока накормила кашей всех, кроме одного, хотя и самого маленького, но ленивого:

– Зачем дрова не таскал,
Воды не носил?

Народ не оправдывает лентяя в любом возрасте и считает, что психологическая подготовка к трудовой деятельности должна начинаться с момента пробуждения сознания.

Потешки – это веселая забава взрослого с ребенком, сопровождаемая определенными словами. Следует отметить, что марийские потешки существенно отличаются от потешек других народов. Само предназначение потешек – потешить, пошутить, позабавиться с ребенком. По-марийски это значит *онгайым ышташ* – насмешить, *мыскарам ышташ* – пошутить. Следовательно, можно ввести новый термин *онгайчык* – потешка.

Сохранившиеся и дошедшие до нас тексты потешек говорят нам об этом.

Взрослый сажает ребенка на колени и спра-

шивает:

– Пёртет уло? – *Дом у тебя есть?*
– Уло. – *Есть.*
– Илаш лиеш? – *Жить можно?*
– Лиеш. – *Можно.*
– Гармонет уло? – *Гармонь у тебя есть?*
– Уло (Уке). – *Есть (Нет).*
– Шокташ лиеш? – *Играть можно?*
– Лиеш (Ок лий). – *Можно (Нельзя).*

Если ребенок говорит *лиеш* – можно, взрослый щекотит его под мышками, имитируя игру на гармошке. Эта игра-потешка поднимает настроение ребенка, учит быть внимательным при ответе на вопросы взрослого. Сохранился другой вариант этой потешки. Текст записан в деревне Иван-сола Куженерского района в семье Каменщиковых.

– Пазарыш(ке) миенат? – *На базар ходил?*
– Миенам. – *Ходил.*
– Гармоньым налынат? – *Гармонь купил?*
– Налынам. – *Купил.*
– Йӱкшӧ уло? – *Купил.*
– Уке (Уло). – *Нет (Есть).*
– Улыс!.. – *Как нет! Е-есть!..*

(Взрослый берет ребенка за оба уха и «теребит», играя. Ребенок кричит и смеется.)

Таким образом, игра взрослого с ребенком сопровождается несложными упражнениями и движениями. Например, взрослый легкими движения-

ми пальцев руки перебирает волосы ребенка, почесывает (массирует) его головку и говорит:

– Кычалыьм, кычальым,
– Шийым муым.
Шийжым кувайлан пуышым –
Кувайже тулвуйым пуыш,
Тулвуйжым ерыш шуышым –
Ерже колым пуыш,
Денис дене коктын колым
кочкын шинчена ыле.
Чевер агытан тольо да
кек-рек-крек манын,
Денисын ӱпшым кӱрын кайыш.

Искала, искала
Серебро нашла.
Серебро бабушке отдала –
Бабушка головешку дала,
Головешку в озеро бросила –
Озеро рыбу дало,
С Денисом вдвоем сидели и ели рыбу.
Вдруг петух прибежал,
Ку-ка-ре-ку закричал,
Дениса за волосы пощипал.

(После этих слов взрослый слегка дергает ребенка за волосы. Для внимательно слушавшего ребенка это действие бывает неожиданным.)

Другой вариант игры более забавный по содержанию и требует большого внимания к словам собеседника:

– Шарнет, икана тый денет
Корем воктене ошкылына ыле.
Кайышна, кайышна –
Лакыш пурентгайышна.
Тый – мӱй лакыш,
Мый – шур лакыш.
Лаке гыч пыкше-пыкше лекна.
Ну-у вара эрыктена.
Мый тыйым нулем,
Тый – мыйым!

– Помнишь как-то мы с тобой
Шли с тобой возле оврага.
Шли, шли –
В яму провалились.
Ты – в яму с медом,
Я – в яму с г...ном.
Из ямы еле-еле выбрались.
Ну-у друг друга чистить.
Я тебя облизываю,
Ты – меня!

Такие приговорки-потешки исполнялись, видимо, для того, чтобы неожиданно подшутить над собеседником, тем самым вызвать смех. Однако кумулятивный способ их создания позволяет уловить определенную целевую установку. Слушая, ребенок получает конкретное понятие о пространстве, о предметах в этом пространстве, их связях и одновременно знакомится с миром простых вещей. Потешки-приговорки пробуждают в детском

сознании поэтическое воображение, подспудно готовят к восприятию более сложного мира волшебной сказки и образного строя языка устной народной поэзии в целом.

Или другой пример. Взрослый берет ладошку ребенка, гладит ее и приговаривает:

– Псиям-псиям,
– Куван окса кушто?
– Омарта йымалне,
Кумыж дене пӱтырымӧ.
Кунам налаш лиеш?
– Кумышто марте, йывышт!

– *Киса, киса,*
– *Где бабушкины деньги?*
– *Под ульем,*
- *В бересту обернуты.*
- *Когда можно взять?*
– *Послезавтра, втихаря!*

Иногда в ладошку кладут маленький предмет. Взрослый, играющий с ребенком, делает вид, будто обнаружил на ладошке какой-то предмет и говорит: «А это что?» Ребенок начинает «оправдываться». Смысл игры в том, что без спросу ничего брать нельзя. Иначе это – воровство: так в процессе игры ребенку ненавязчиво объясняли, что нельзя брать чужое без спроса.

Ой, Микувыр, Микувыр,
Поравече коремыштет
Сар кукужо ушо ыле мо?

– Ой, Никифор, Никифор,
На речке кукушка
Была или нет?

(Взрослый ставит ребенка ножками себе на колени, поддерживая его за обе руки, и под марийскую плясовую мелодию, приплясывая ногами, поет песню, повторяя несколько раз). Эта песенка-потешка также учит ребенка говорить правду. Ребенок не мог видеть кукушки и дает отрицательный ответ: «*Ужын омыл*» («Не видел»). Взрослый, похвалив его за правду, спрашивает: «*Ужмет шуеш?* («Хочешь увидеть?») и высоко поднимает ребенка над головой – «показывает» кукушку.

Марийский народ – по своей природе очень музыкальный. Часто действия потешек выполнялись под плясовую мелодию.

– Кертеш, кертеш!
Кушан гына шочын,
Кушан гына кушкын?
Ачаж дечат мастар,
Аваж дечат мастар!
Ушкал вӱчаш(те) шочын,
Шорык вӱчаш(те) кушкын,
Аваж(ын) тувырым чиен,

Ачаж(ын) йолашым чиен,
Мелгандырам кылден,
Поснагандырам пӱтырен,
Кертеш, кертеш!

– Может, может (умеет, умеет)!
Где только родился,
Где только вырос?
Талантливей папы,
Талантливей мамы!
Родился в хлеву коровы,
Мамину рубашку одел,
Отцовы штаны надел,
Завязал завязку,
Обмотал бечевку,
Может, может (умеет, умеет)!

В марийском детском фольклоре есть много произведений заимствованных из русского детского фольклора. Потешка, похожая на русскую потешку «Сорока», есть и у марийских детей, содержание которой отражает быт марийского народа. Взрослый раскрывает ладошку ребенка, указательным пальцем другой руки водит по ней, приговаривая:

– Шыдырдок-шыдырдок,
Ош тупан шогертен
Пурсам поген,
Вакшеш йонгыштен,
Пуштым шолтен,
Игыжым пукшен.

Шыдырдок-шыдырдок,
Сорока с белой спинкой
Горох собирала,
В мельнице молола
Толокно варила,
Детей кормила.

(Далее взрослый у ребенка начинает поочередно загибать пальчики).

– Кугу акалан пыштен пуэн,
Изи акалан пыштен пуэн,
Кугу изалан пыштен пуэн,
Изи изалан пыштен пуэн.
– Старшей сестре наложила,
Сестре помладше наложила,
Старшему брату наложила,
Брату помладше наложила.

Когда останется большой палец, его прячет, приговаривая:

А тиде изи падырашлан
Пыштен огыл!
Пурсам поген огыл,
Йонгышташ миен огыл,
Вӱдым конден огыл,
Пуштым шолтен огыл.

А этой крохе
Не наложила!
Горох не собирал,

Молоть не ходил,
Воду не носил,
Толокно не варил.

Не менее забавная потешка «*Кӧн нерже?*» («Чей нос?»). Малыша шутливо треплют по носу, протяжно приговаривая:

– Тиде кӧн нерже?
– Савин.
– Савиже кушко миен?
– Пазарыш.
– Мом налын?
– Калачым (кампеткым).
– Кӧн ден кочкеш?
– Шкетын!
– Шкет ит коч!
– Шкет ит коч!

– *Чей это нос?*
– *Савин.*
– *Куда Сави ходил?*
– *На базар.*
– *Что купил?*
– *Калачи (конфеты).*
– *С кем ест?*
– *Один!*
– *Не ешь один!*
– *Не ешь один!*

С потешек начинается обучение детей счету. Взрослые уже на втором году жизни начинают

обучать малыша счету. Марийцы, так же как и другие финно-угорские народы, обучение счету связывали с игрой с пальчиками на руках

– Тиде – чочо (большой палец),
Тиде – вово (указательный),
Тиде – ача (средний),
Тиде – ава (безымянный),
Тиде – Саша (мизинец).

– Это – дедушка,
Это – бабушка,
Это – папа,
Это – мама,
Это – Саша.

Или другая потешка, которая также обучает счету с помощью пальчиков. Пять пальцев – пять братцев. Загибая каждый пальчик на руке ребенка, взрослый говорит:

– Эргаш-эргаш,
Кушко миенат?
– Тиде иза дене
Чодыраш миенам,
Тиде иза дене энгерыш миенам,
Тиде иза дене кочкынам,
Тидын дене модынам.
– А тиде иза дене мом ыштенат?

– Мальчик-мальчик,
Куда ходил?
– С этим братцем
В лес ходил,
С этим братцем – на речку,
С этим братцем кушал,
С этим играл.
– А с этим братцем что делал?

Ответ на последний вопрос ребенок должен придумать сам.

Потешки безо всякого назидания прививали малышу представление о распределении обязанностей между членами семьи, о том, что каждый должен выполнять посильную работу по дому. Таковы основные мотивы марийских потешек. Их немного, но вполне достаточно для развития познавательных способностей ребенка в возрасте 2–3 лет.

Дети любят потешки. Они доступны им по содержанию: говорится в них о птицах, домашних животных, которые действуют, как люди, и порой попадают в смешные ситуации. Потешки звучны, в них часто используются звукоподражание: *кыт-кыт* – квохочет курица, *ку-ка-ре-ку* – кричит петух, *ти-ли, ти-ли* – поет пила. Звукоподражания надо особо выделять голосом. А малыша, только начинающего говорить, можно спрашивать: «Как петушок кур сзывает?», «Как ворона кричит?» То есть потешки можно использовать для развития речи ребенка и чувства ритма. Для этого, произнося стишок, нужно отбивать ритм рукой, под-

черкивая его таким образом.

Ко-ко-кáх!
Ко-ко-кáх!
Кушко куржында адак?
Агытан сырен пешак!
Чыве-влакше
Кыт-кыт, кыт-кыт пелештат.
Тыштак улынас, калтак!

Ко-ко-кáх!
Ко-ко-кáх!
Куда опять убежали?
Петух очень рассердился!
А курицы
Кыт-кыт, кыт-кыт говорят.
Да здесь же мы, здесь.

Псиям, псиям,
Логалат тый мылам!
Тый нӧрӧпыш миенат,
Лайым нулен, толынат.
Теве тылат, кадыр поч!
Конгамбаке кӱзен воч!

Киса, киса,
Попадешься ты мне!
Ты в погреб ходила,
Сметану лизала.
Вот тебе, кривой хвост!
Полезай на печку, лежи!

Дети постепенно начинают заниматься песенками более сложного содержания. Пестушки и потешки уступают место прибауткам.

Прибаутки

По мере подрастания ребенка, в возрасте 2–4 лет на смену пестушкам и потешкам приходят прибаутки.

В марийской фольклористике термина адекватного русскому термину *прибаутка* не существует. Имеющееся слово *мыскара* – шутка, юмор – лишь частично отражает значение слова *прибаутка*. Для обозначения жанра прибаутки, т.е. шутки или шуточной песенки сюжетного характера, не связанной, как потешки или пестушки, с игрой, мы предлагаем новый термин – *мыскаранчык*.

По содержанию прибаутки разнообразны и интересны. Одни из них создавались для того, чтобы развеселить ребенка, другие же отошли к этому жанру из плясовых, шуточных поддевок-дразнилок. Таким образом, сложились две группы прибауток. Четкую границу между ними провести невозможно, но вполне обоснованно будет предположить, что те тексты, в которых говорится о предметах, животных или близких ребенку людях, создавались народом специально для детей.

Те же шуточные тексты, образная система которых была далека и непонятна малышу, отбирались взрослыми для исполнения детям из-за их звучности или четкой ритмики. Чаще всего это были произведения, перешедшие из жанра песни. Почти всегда такой переход сопровождался определенными изменениями в тексте, песенка «приспосабливалась» к новому слушателю. Иногда текст

оставался в первоначальном виде.

В марийских прибаутках высмеиваются невнимательность, лень.

– Метрий, а Метрий!
Айда ӱдаш каена.
– Мӱшкырем коршта.
– Метрий, айда тӱредаш каена.
– Йолем коршта.
– Метрий, пучымышым кочкат?
– Кушто мыйын кугу совлам?!

– Метрий, а Метрий!
Айда сеять пойдем.
– Живот болит.
– Метрий, пойдем жать.
– Ноги болят.
– Метрий, кашу есть будешь?
– Где моя большая ложка?!

– Опанас, Опанас!
Мо тӱрвет шуен шинчынат?
– Тувырем йӱлен.
– Рожшо кугу мо?
– Шӱшаже веле кодын.

– Опанас, Опанас!
Что губы вытянул?
– Рубашка сгорела.
– Дыра-то большая?
– Только воротник и остался.

Забавляясь с детьми, взрослые использовали не только «чисто детские» песенки, но и песни из взрослого репертуара. Данные тексты, составляющие вторую группу прибауток, во многом отличаются от первых. Они так же просты по содержанию, но чаще в них говорится о нереальных действиях и событиях, например:

–Сапани, Сапани,
Айда рывыж лӱяш каена.
– Рывыж дене мом ыштет?
– Рывыж упшым ыштем.
– Рывыж упш дене мом ыштет
– Ӱдыр ончаш каем.
– Пондашет дене мом ыштет?
– Нӱжем.
– Нӱжет гын, йорангеш.
– Йорангеш гын, йытын ӱйым шӱрем.
– Йылгыжеш гын, мом ыштет
– Ӱдырым шупшалам да пыта.

– Сапани, Сапани,
Пойдем лису стрелять.
– Что из лисы делать будешь?
– Лисью шапку сошью.
– Что из лисьей шапки делать будешь?
– Поеду невесту выбирать.
– С бородой что делать будешь?
– Сбрею.
– Побреешь – болячки будут.
– Будут болячки – намажу

маслом растительным.

– Если блестеть будет –

что делать станешь?

– Поцелую девушку – пройдет.

– Марий, марий, куш кает?

– Сату налаш каем.

– Кушан возын малет?

– Чевер олыкыштет.

– Мом тонгед малет?

– Ӱмыр шиалем.

– Кушан шӱргетым мушкат?

– Эр лупсеш.

– Мо дене шӱргетым ӱштат?

– Макарын солыкеш.

– Мужик, мужик, куда идешь?

– За товаром.

– Где ночевать будешь?

– На красивом лугу.

– Чего постелешь?

– Свое счастье.

– Где лицо умоешь?

– В утренней росе.

– Чем лицо вытирать будешь?

– Полотенцем Макара.

Неотъемлемым элементом марийских прибауток является благопожелание. Ярким примером этого могут служить банные прибаутки, в которых, говорилось: *«Кугу лий, таза лий, енгым пага-*

лыше, ен пагалыме лий. Изиракым изилан, кугуракым кугулан шотлышо лий. Аватым, ачатым ончаш йӧршӧ лий» («Расти большой, будь здоровый, людей уважающий, будь людей уважающий и людьми уважаемым. Маленьких считай за маленьких, взрослых – за взрослых. Будь годным за отцом-матерью ухаживать»).

«У луговых марийцев младенца в бане символически парили рябиновым веником, тогда ребенок будет защищен от болезней и «дурного глаза». В воде, где мыли новорожденного ребенка, помещали серебряные украшения или монеты, или украшения из серебра, чтобы ребенок был здоровым и богатым. Использование рябинового веничка и серебряных монет было связано с рациональными действиями, поскольку рябиновые ветки выделяли фитонциды, серебро – ионы металла, обеззараживающие воду от микробов, что было немаловажно для здоровья новорожденного. После бани ребенка заворачивали в отцовскую рубаху для того, чтобы его любил отец» (Молотова, 1993: 87).

Во время купания ребенка мамы говорили слова-пожелания: девочке, чтобы росла пригожей, для замужества годной – *марлан каяш йӧршӧ лий*, мальчику, чтобы вырос годным для армейской службы и способным присмотреть за своими престарелыми родителями – *армийыш каяш йӧршӧ лий, шонгго ачат-ават ончаш йӧршӧ лий*. «Девочке прежде всего умывали лицо и ягодицы, чтобы девочка была красивой и хорошо сложенной. Мальчика на-

чинали мыть со спины, чтобы рос широкоплечим, крепким и здоровым» (Молотова, 1993: 87).

Когда девочке заплетают косичку, трижды дергают за нее и говорят: *«Сӱанышкет ӱж!»* («Приглашай на свадьбу!»). А про новую одежду, которую надели в первый раз, говорят: *«Тувырет лу тумышан лийже»* («Чтобы рубашка носилась до 10 заплат»).

Пестушки, потешки, прибаутки являются прекрасным средством воспитательного воздействия на подрастающего ребенка. Эти короткие стихотворные припевы — подлинные золотые крупинки устного народного творчества. В них народ блестяще разрешил проблему поэтической формы произведений для самых маленьких детей (Васильцова 1983: 31).

Как только ребенок немного подрастет и станет свободно говорить, он сам будет пересказывать потешки, пестушки, прибаутки. Связные повествовательные тексты, например сказки, ему еще не под силу. Он может их слушать, но повторить еще не в состоянии. А вот короткие стишки, складные приговорки он легко запоминает и может даже при случае применить.

Календарный детский фольклор. Заклички

Закличка (заклинание) – по-марийски *юлымаш* – обращение к кому-либо в иронической форме громким голосом. Но более точным, на наш взгляд, будет термин *онгартыш* (закличка).

Когда-то люди верили, что если обратиться к дождю с просьбой, он может усилиться или прекратиться, если обратиться к солнцу, оно может выйти из-за туч или скрыться. Позднее заклички стали лишь детской игрой, забавой. Дети их обычно исполняют хором, часто повторяя по несколько раз. Так, например, когда летним солнечным днем идет дождь, дети бегают босиком по лужам и задорно выкрикивают:

– Кече онча, йӱр йӱреш,
Маска ӱдырым налеш!

– Солнце светит, дождь идет,
Медведь женится!

Марийские заклички по своей структуре, как правило, двучастные и состоят из зачина и основной части. Зачин, в свою очередь, состоит из обращения к силам природы (солнцу, дождю, ветру и т.д.) с какой-либо просьбой (светить, уйти за тучи, лить и т.д.). В основной части оглашается перечень «вознаграждения» за исполнение

просьбы.

– Йӱр-йӱр, йӱрок,
Йӱр-йӱр, йӱрок!
Пряникым пуэм.

– Дождик, дождик, лей.
Дождик, дождик, лей!
Пряник тебе дам.

Тематика закличек чаще всего определяется кругом житейских забот. Благополучие крестьянской семьи в первую очередь зависело от солнца и дождя. Поэтому-то обращение к ним стало излюбленным в многочисленных детских закличках. Когда нужен дождь, дети распевают:

– Вӱд-ава, йӱрым пу,
Вӱд-ава, йӱрым пу!
Немырводым пуэм,
Ший совлам пуэм!
Нугыдым пуэм,
Коштал-коштал!
Ведрам пуэм,
Оптал-оптал!

Мать воды, дай дождя,
Мать воды, дай дождя!
Дам тебе кашку,
Дам серебряную ложку!
Гущу дам,
Черпай-черпай!
Дам ведро,
Лей, лей!

(После этих слов обливают друг друга водой.)

Содержание этой заклички ярко отражает элемент языческого обрядового моления марийцев, когда они обращались к Богу с просьбой послать им дождь.

Когда дождь шел слишком долго, мешал работе, заклички о дожде сменялись закличками о солнце. О том, будет ясно или дождливо, «узнавали» с помощью божьей коровки.

Тыра-тыр-тыр,
Тыра-тыр-тыр!
Йӱр йӱреш гын, ӱлык,
Йӱр ок лий гын, кӱшкӧ!

Тыра-тыр-тыр,
Тыра-тыр-тыр!
Если будет дождь – лети книзу,
Если дождя не будет – лети кверху!

Канаган калт-кат,
Янаган калт-кат,
Кужу пондаш – шу-у-у!
Канаган кай-кай,
Янаган кай-кай,
Чевер кече, лек!

Канаган калт-кат,
Янаган калт-кат,
Канаган уйди-уйди,
Янаган уйди-уйди,
Яркое солнце, выйди!

В марийских закличках большое значение

отводится звукоподражанию. Приведенная выше закличка имеет форму звукоподражательной загадки.

В марийском фольклоре сохранились заклички, обращенные к смерчу. Так, в жаркие летние дни, когда взрослое население деревни работало в поле, ребятишки, увидев столб пыли, поднятый налетевшим ветром, кричали:

– Чарагутан кая!
Чарагутан кая!

– *Бесштанный идет!*
Бесштанный идет!
(луг. мар.)

Заклички такого рода сохранились и в мордовском фольклоре:

– *Чур, буря, на шестке.*
Ножик точу, зарежу!

В настоящее время многие заклички, обращенные к другим явлениям природы, позабыты, что говорит об угасании этого жанра устно-поэтического творчества, но сохранившиеся прочно вошли в детский репертуар.

Некоторые исследователи считают, что заклички, обращенные к дождю, связаны с земледельческим трудом наших предков и заклинают силы природы с целью способствовать ему. Другие связывают слова закличек, обращенных к дождю, с

индоевропейскими мифами, в частности, с сюжетом открывания небесных ворот божьей сиротой. По мнению третьих, в закличках дождю звучит мотив «кормления» дождя.

У марийцев заклички-обращения к дождю восходят, по-видимому, к обряду зазывания дождя, когда помимо магических действий, произносились и словесные призывы. Когда долго не было дождя, жители деревни собирались в священной роще на моление. Согласно обряду, варили специальную кашу – *корак пучымыш* (воронья каша), приносили в жертву водоплавающих птиц: гусей, уток, а если засуха была долгой – то и крупных животных.

У марийцев, живущих среди удмуртов (*одо-мари*), обряд обращения к дождю имеет сходные черты с удмуртским обрядом. Марийцы варили кашу на берегу реки. А перед этим группа почитаемых людей во главе с картом обходила все дома и окропляла водой встречных. Возможно, такой обряд был и у луговых мари.

Дети рано приучались разделять печали и радости, труды и заботы взрослых. Заклички наполняли детские сердца надеждой на обильный урожай, достаток, богатство. Следует отметить, что закличек, обращенных к солнцу, до наших дней сохранилось немного.

Сохранились и бытуют заклички, обращенные к птицам, насекомым, названия которых в диалектах марийского языка звучат по-разному. Так, например, луговые марийцы называют божью коровку *тра*, горномарийцы *аяр вырвык*, восточ-

ные мари – *трей*. В этих названиях отразились не только диалектные различия, но и древние народные воззрения. У восточных мари божью коровку называли мужским именем Максым-Трей, трей, Максым-трей». Это было связано с примерами табуации, когда необходимо было скрыть настоящее имя персонажа.

В закличках, обращенных к птицам, можно отметить слова, используемые в различных марийских заговорах.

– Турий-тур-тур,
Турий-тур-тур,
Ший кӱмыжетат уке,
Шӧртньӧ совлатат уке.
Кӱшкӧ кӱзет, ӱлык волет,
Юмын ӱдырым садак налын от керт.

– Жаворонок,
Жаворонок,
Нет у тебя серебряного блюда,
Нет у тебя золотой ложки.
Вверх взлетаешь, вниз спускаешься,
На дочери бога все равно
жениться не сможешь.

А закличка о ласточке целиком состоит из звукоподражательных слов:

– Тит-тит-тура,
Тут-тут-тура,
Коман тару-ватру.

(Про ласточку).

Приговорки

Существительное *приговорка* произошло от глагола *приговаривать*, т.е. сопровождать словами какое-либо действие – *ыштышыла ойлаш*, *сӧрвалаш*. Цель исполнения приговорок – упросить, уговорить кого-либо совершить какое-то определенное действие. Таким образом, приговорки, обращенные к птицам или животным, имеют целью упросить их улететь, прилететь, выглянуть из домика и т.п. Исходя из содержания текстов этого жанра детского фольклора, можно вывести определение – *сӧрвалтыш*.

Например: во время купания, когда в ухо попадала вода, дети обычно прыгают на одной ножке и приговаривают:

– Коля, коля,
Вӱдым пу:
Совлам мушкаш,
Кӱмыжым мушкаш.

– *Мышка, мышка,*
Дай водицы:
Ложки помыть,
Тарелки помыть.

Здесь обращение к мышке является скорее обращением к мифологическому существу, связанному с различными поверьями, а не к конкретному виду животных. К мышке обращались

за помощью и в случае потери какой-либо вещи:

– Коля, коля,
Мод, мод да луктын пу!

– *Мышка, мышка,*
Поиграй, поиграй да отдай!

Иногда в приговорках животных называли человеческим именем. В свете традиционных суеверий марийцев считалось, что «злой дух» леса не догадается, к какому именно животному обращается человек, и не будет препятствовать в охоте. К зайцу, например, обращались так:

– Эй, чодыра марий
Кыргорий, лек!

– *Эй, лесной мужик*
Григорий, выходи!

Не имеют связи с магическими действиями звукоподражательные приговорки про птиц, в частности, про ласточку – *варсенге.*

– Качыри-кучыри,
Кушко кает?
Молан кает?
– Лохашым налаш.
– Лохашыже мош?
– Иктенгеат ныллe.
Шун-чык-чык,

Шун-чык-чык!
Чоя Метрий,
Чоя Метрий!

– Качыри-кучыри,
Куда пошла?
Зачем пошла?
– Муки купить.
– Мука почем?
Шун-чык-чык
Шун-чык-чык!
Хитрый Метрий,
Хитрый Метрий!

Как правило, все звукоподражательные приговорки сопровождаются игровыми действиями. Например, играя в паровоз, дети изображают, как он трогается с места, с такой приговоркой:

– Сапан Йыван, Сапан Йыван.
Ондрей Микита,Ондрей Микита.
Тынапий! Тынапий!

(Звукоподражание, мужских имен.)

Среди марийских приговорок можно выделить тексты, рассказывающие о труде взрослых. Игровые действия дети придумывают сами. Так, например, отражена в приговорке работа коноплемялки:

– Кычи-качи, кычи-качи,
Айык-майык, айык-майык,

Сита-тиз, сита-тиз.

И в настоящее время марийские дети играют в игры, отражающие трудовую деятельность взрослых, при этом тексты приговорок сочиняются ими с помощью импровизации.

Хлеб-соль в марийском народном гостевом этикете традиционно признавался первым и самым ярким показателем гостеприимства хозяев. Гостей встречали у ворот с хлебом и солью. У удмуртов, коми, мордвы – хлебом и маслом.

– Пырыс, тырыс,
Кадыр поч,
Шинчал дене киндым коч.
Мӱшкыретше темалеш гын,
Конгамбаке кӱзен воч.

– Кошка, кошка,
Кривой хвост,
Ешь хлеб с солью.
Когда наешься,
Полезай на печку.

В другой приговорке, в обращении к кошке, скрывается негативный оттенок:

– Пырыс, пырыс, йолагай,
Йол йымачын коранг кай.

– Котик, котик, ты лентяй,
Убирайся из-под ног.

Итак, марийские заклички-приговорки, составляющие определенный пласт детского фольклора, тематически тесно связаны с окружающей природой и трудовой деятельностью взрослых. Приговорки бытуют и в наше время. Они прочно вошли в репертуар детей дошкольного и младшего школьного возраста.

Словесный детский фольклор

Игры со словами

С древних времен в детской среде существовали и сохранились до настоящего времени своеобразные игры – игры словами (*мут модыш*), в основном рассчитанные на простаков. По терминологии Г.С.Виноградова игры словами – «поддевки» или «словесное одурачивание» – это нарочитое подведение слушателя под нелепый, противоестественный ответ (Виноградов, 1930: 23). Например:

– Мый чодырашке кайышым.
– Мыят.
– Понгым погышым.
– Мыят.
– Понго пушенге йымалне кушкеш.
– Мыят.

– *Я в лес пошел.*
– *И я.*
– *Грибы собрал.*
– *И я.*
– *Грибы под деревом растут.*
– *И я.*

Или другая игра «Скажи так»:

– *Тыге ман: сакан.*
– *Сакан.*
– *Пӧрт покшелнет таракан.*

– Скажи: стакан.

– Стакан.

– У вас дома таракан.

В конечном счете, принцип одурачивания в детском фольклоре основан на вызывающем смех сравнении либо с животными (свинья, овечка и т.д.), либо с отклоняющимся от нормы поведением человека (пьяного, ущербного и т.д.).

– На, – ман.	– *Скажи: на.*
– На.	– *На.*
– Тый улат сӧсна.	– *Ты – свинья.*

Почему дети в своих играх часто прибегают к одурачиванию? Вероятно, ответ необходимо искать в стремлении к очищению, снятию напряжения. Необходимо помнить, что всякий раз, когда игра или словесный текст произносится заново, кто-то один оказывается в роли одураченного. В иной ситуации недавний одураченный выступает уже в ипостаси насмешника. Смех над другими и смех над собой – это разный смех. Детский фольклор и переменчивость ситуации приучает быть снисходительно добрым в функции обидчика и умению посмеяться со всеми над собой, если оказался в дураках. И то, и другое учит доброте и мудрости, качествам, занимающим в системе жизненных ценностей не последнее место.

«К мотивам одурачивания в фольклоре при-

мыкают всякого рода небылицы, в них создается ряд жизненно-природных нелепиц и несообразностей, которые предлагаются воспринимать как действительно реальный мир. Мир, заведомо перемешанный в своем порядке до нелепицы доставляющий именно поэтому большую радость детям» (Бахтин, 1990: 71).

Другой весьма распространенной словесной игрой является игра «тайный язык» – *шолыпой*. Эта игра доступна не каждому ребенку, она требует наличие языкового чутья и определенных знаний.

Трудно установить время и историю возникновения этой игры, но материалы экспедиций свидетельствуют о том, что наиболее широкое распространение игра получила в 40-60-е годы XX века. Суть этой игры заключается в создании особого «зашифрованного» языка, чтобы разговор двоих не понял третий. В качестве одного из способов подобного засекречивания можно отметить добавление к каждому слогу в слове дополнительного слога, любого, но одного и того же. Например, зашифрованное с помощью слога фа предложение будет выглядеть следующим образом:

Айда модаш каена. – *Давай пойдем играть.*

Айфадафа, мофадафашфа кафаефанафа.

А со слогом «ши» так:

Айшидаши мошидашиш кашиешинаши.

Другим приемом усложнения текста является перестановка слогов в слове местами, иногда с добавлением определенных игроками слогов в нача-

ле и в конце предложения. Обязательное условие игры – предварительный сговор участников, говорящих на засекреченном языке.

Таче тӱнӧ йӱштӧ. -
Сегодня на улице холодно.
Шичетанс шинӧтӱнс шиштӧйӱнс:

В марийском детском фольклоре игры этого рода не получили широкого употребления и распространения. Однако, то, что через эту игру развивается память ребенка, чистая речь, языковое чутье – это несомненно.

Ряд игр, бытующих в русскоязычной среде, был заимствован и занял достойное место среди игр марийских детей. При этом правила и условия игры с одного языка калькировались на словесный материал другого. К этому ряду игр могут быть отнесены следующие игры: «Испорченный телефон» — «Телефон», «Краски» — «Чия», «Садовник» — «Мом йӧратышыч?» и др.

Возросший общий культурный уровень современных детей не мог не сказаться на их игровом репертуаре. Получили распространение словесные игры географической тематики, например, «в города», «в озера», «в реки» и т.д., которые требуют определенных знаний в области географии, смекалки и эрудиции. Все эти игры полезны и широко бытуют в детской среде.

Скороговорки

Дети очень наблюдательны и чутки к слову. Мы, взрослые, привыкаем к родному языку и перестаем ему удивляться. А дети, только что освоившие язык, очень тонко замечают все новое в нем. Скороговорки – это тоже игра, игра со словом. В них рядом поставлены слова, похожие по звучанию, в которых используются одни и те же или сходные звуки в разных комбинациях. Произносить их трудно, при быстром произнесении органы речи не успевают перестроиться, получается что-то не то, и это вызывает у детей веселье и смех. Но скороговорки не только забава, они и хорошая гимнастика для органов речи. В марийской фольклористике скороговорки называются *писпылудыш*.

В энциклопедическом словаре скороговорка определяется как фольклорный жанр, построенный на сочетании звуков, затрудняющих быстрое произношение слов.

Скороговорки построены на аллитерации и ассонансах. Они способствуют выработке у детей правильной артикуляции, освоению особенностей родного языка, развивают языковое чутье, речь и правильную артикуляцию. В этом заключается их большое педагогическое значение.

1. **Кавырля кевыт гыч краплям конден.**

Кавырля из магазин грабли принес.

2. Качий, Качий кува, чырам конгашке чыка.

Бабушка Качий лучину в печку сует.

3. *Пыш-пыш, пыш-пыш,*
Поездна шем шикшым
Шенгекше шикшеш.

Пыш-пыш, пыш-пыш,
Наш поезд черным дымом
Назад дышит.

Скороговорки или, как их иногда называют, частоговорки отличаются ярко выраженной развлекательной установкой. Тексты некоторых скороговорок, как и дразнилок, трудно поддаются переводу. При переводе теряется сочность звучания слов и их сочетаний.

Палиндромы

Следующий вид словесных игр у марийских детей – палиндром – *мöнгешлудыш*. Чаще в игре используются уже готовые слова и предложения, реже – сочиняются самими играющими. Особая радость и удовольствие в игре состоит именно в составлении слов и предложений самими детьми.

1. **Тек шога шкет.** ***Пусть стоит один.***

2. **Темыч – чымет.** ***Наелся – убегаешь.***

3. **Ушшым ыш пу.** ***Шапку не дал.***

4. **Лек, Тит, ангат ит кел.**

   Выходи, Тит, грядку не топчи.

5. **Матрос налеш шелан сортам.**

   Матрос берет свечку.

6. **Очук, мыйым кучо.**

   Очук, держи меня.

7. **Ази ала иза?**
   Лач, но, манам: ончал.

   Маленький или брат?
   Как раз, но говорю: смотри.

Среди марийских писателей в настоящее время в жанре палиндрома работают поэты А.Мокеев, В.Крылов и др. Составленные ими палиндромы часто печатаются на страницах республиканских детских периодических изданий и книг.

Палиндром – одно из ярких украшений марийского языка, свидетельствующее о его богатстве, красоте и жизненной силе. Он способствует развитию детского ума, расширению кругозора, стимулирует словесное творчество.

Внеигровой фольклор марийского народа известен издавна. Назначение словесных игр – позабавить, повеселить, потешить играющих. Эти игры не сопровождаются какими-либо действиями и движениями. Весь интерес сосредотачивается на слове и выражен словом. Но это и не поэтическое произведение, дающее наслаждение своей формой и содержанием, а игра, состязание. И как в любой игре имеет решающее значение степень занимательности, индивидуальные способности участников игры, их определенные навыки и умения. Побеждает сильнейший, а точнее сказать – искуснейший.

Дразнилки

Жанром, несущим в себе выраженные черты собственно детского творчества, являются дразнилки – *лӱмдылтыш*. Это остроумные двустишия или четверостишия, используемые для осмеяния нарушителей морально-этических норм и правил в игре. Термин произошел от глагола *лӱмдылаш, игылташ* – дразниться. Дразнилка является частью словесного игрового фольклора. Дети весьма часто пользуются дразнилками. Обычай давать клички и обидные прозвища дети перенимают от взрослых, но в детской среде они в известной мере смягчаются. «Дети очень любят поддразнивать друг друга и петь насмешливые песни. Такие песенки-дразнилки и песенки-насмешки представляют очень забавный вид творчества» (Рочев, 1972: 149). При изображении «виновного» краски намеренно сгущаются: ему приписываются и явно вымышленные отрицательные качества и поступки. Первоначально это рифмованные прибавления к имени – прозвища. Если к ним добавляется несколько зарифмованных строк, то образуется дразнилка.

– Васли-кусли, шопке рож,
Лудо шоло, муш пондаш.

– Васли-кусли, дыра вяза,
Кишка утки, мочало бороды.

В большинстве случаев дразнилки высмеи-

вают внешность человека.

– Ики-вики кавалер,
Кугу мӱшкыр, полдыш нер.

– Ики-вики кавалер,
Большой живот, нос пуговкой.

Хотя дразнилки малоэтичны, без них дети не обходятся: они осуждают ябедничество, обжорство, лень и другие пороки. Дразнилки, как в кривом зеркале, отражают собственные недостатки и тем самым способствуют их исправлению.

– Йогыр-Йогыр, йолагай.
Мӱшкыр-тӱмыр, пудий гай.
Пашам ышташ ӧркана,
Ӱй ден мӱйым йӧрата.

– Йогыр-Йогыр, лентяй.
Живот-барабан, как у клопа.
Работать ленится,
Любит масло с медом.

Слышать о себе подобное нелицеприятно. И прежде, чем вновь совершить некрасивый поступок, ребенок задумывается.

«Г.С.Виноградов относил дразнилки к детской сатирической лирике. О.И.Капица и М.Н.Мельников считают, что термин «сатирический мир» не совсем удачен. Некоторые отмечают, что в основе дразнилок лежит не столько сатира, сколько игра рифмующихся звуков и слов» (Таракина, 1971:

170). Действительно, не будь в текстах рифмы, дети вряд ли бы стали дразниться с такой легкостью и удовольствием. Эта своеобразная словесная и звуковая игра крайне увлекательна. Дети возбуждаются и с азартом стараются выдумать более хлесткий эффектный текст. Так появляются звучные рифмованные стишки. Отсутствие ритма в дразнилках сказывается на их красочности, звучности слов. Известно, что дети легко поддаются магии звуков. «Они играют не только вещами, но и произносимыми звуками. Эти звуковые и словесные игры, очевидно, чрезвычайно полезны, т.к. в фольклоре всего мира они занимают заметное место. Даже, когда ребенок становится старше, у него часто возникает потребность потешиться и поиграть словами, т.к. он не сразу привыкает к тому, что слова выполняют только деловую, коммуникативную функцию» (Чуковский, 1963: 278).

Большое место в собственно-детском творчестве занимает словесное творчество. Дети часто в своих попевках из слов, имеющих определенное значение, создают новые мелодии созвучия (морфологические формы), которые создают рифму и рифмованные предложения. «В дразнилках часты совпадения слов, целых слов. В качестве приложений и определений к имени выбираются слова не по содержанию, а по их звуковому определению. Для дразнилок характерно также применение вульгаризмов» (Барташевич, 1974: 20).

В марийском детском фольклоре много именных дразнилок, причем имена в них легко заменяемы. Подтверждением сказанному являются сле-

дующие дразнилки:

– Андрий-Мундрий,
Шопке рож,
Агытан муным
Шолтен коч.

–Андрей-Мундрей,
Осиновая дыра,
Петушиное яйцо
Свари и съешь.

– Ач-уч! Меран!
Фадей Макакович черан.

– Ач-уч! Заяц!
Фадей Макакович болен.

– Эчан – пелчан.
– Саша – бодяк.

– Ондан – шондан.
Антон – туалет.

– Гентос – паровоз.
Гентос – паровоз.

Тематика марийских детских дразнилок весьма разнообразна, в них часто осуждаются такие пороки, как воровство:

– Йыван-Йыван-Йывыштик,
Клат омса – кылдырдик,
Ӱй вочко – йылдырдик.

– Йыван-Йыван-Йывыштик,
Дверь клети – кылдырдик,
Бочка с медом – йывылдик;

ябедничество:

– «Ики-бики» манметлан,
Каза капкам почметлан,
Авaетлан каласем гын,
Кутанетлан логалта.

– Про слова «ики-бики»,
Про то, что открыла калитку для козы,
Если расскажу маме,
По заднице получишь.

<u>а также некрасивое поведение:</u>

– Татарина Марина,
Пече ломаш Орина,
Агытансола Настачий,
Куэрйымал Овдачий.

– Татарина Марина,
Жердина Орина,
Настя из Агытансолы,
Под березой Овдачи.

К.И.Чуковский, большой знаток и собиратель детского словесного творчества, писал: «В старое время эти стихи (дразнилки) обычно выкрикивались толпой возбужденных детей, преследовавших какого-нибудь ненавистного им человека. При этом дети не просто бежали за врагом, а прыгали и плясали как дикие, что опять также сказывалось в ритме стихов» (Чуковский, 1956: 160).

В детском фольклоре мари есть традиционные тексты, в которых, несмотря на запреты взрослых, подвергаются осмеянию внешность и черты

характера детей.

– Раз, два, три,	*– Раз, два, три,*
Кужу Йынатий,	*Длинный Йынатий.*
Ӱпшӧ еда тий,	*В волосах вши,*
Мешак тичак ший,	*Полный мешок серебра.*
Йолаш тичак шур.	*Полные штаны какашек.*

– Очи-Очи-оч!	*– Очи-Очи-оч!*
Тол, воктекем воч!	*Иди, ляг рядом!*
Кампеткым коч!	*Ешь конфетку!*

– Ондрий-Мундрий-таракан,
Китайский сарафан.

– Андрей-Мундрей-таракан,
Китайский сарафан.

Ать-прӱть (тӱрвӧ дене) меранет!
Таче лиеш сӱанет,
Эрла лиеш куанет,
Кумышто лиеш кувает!

Ать-пруть (губами) заяц!
Сегодня будет свадьба,
Завтра будет радость,
Послезавтра будет жена!

Есть дразнилки для плакс, которых также не жалуют в детском коллективе:

– Нечке премеч! – *Неженка-ватрушка!*
– Нечке-печке! – Неженка-бочка!

Дразнилка – *лӱмдылтыш, мыскылтыш, кой-дарчык, онгартыш мут* – в марийском детском фольклоре занимает значительное место. Она отличается внешней эффектностью, наличием рифмы и ритмической организации, играет воспитательную роль. Эстетическая и нравоучительная ценности дразнилок весьма сомнительны. Как правило, прозвища и дразнилки, несут заряд большой сатирической силы, дают емкие поэтические образы, по ним можно судить о нравственных критериях того или иного детского коллектива.

Игровой фольклор
Подвижные детские игры

В жизни ребенка огромное место занимает игра. В ней он реализует свои творческие возможности, учится жить в коллективе, в игре закаляется его характер. Подвижные игры на свежем воздухе тренируют тело, укрепляют здоровье.

«Игра – удивительно разнообразная и богатая сфера деятельности детей. Вместе с игрой в жизнь детей приходит искусство, прекрасное. Игра связана с песней, танцем, пляской, сказкой, загадками, скороговорками, речитативами, жеребьевками и другими видами народного творчества как средствами народной педагогики. Игра – урок жизни, это материализация сказки-мечты, мифов-желаний, фантазий-сновидений, это драматизация воспоминаний о начале жизненного пути человечества» (Волков, 1999: 133). У марийского народа есть изречение: *Рвезе годым от мод гын, шонгеммеке от мод* – Молодым не будешь играть, а в старости играть не захочешь.

Почти все исследователи детского фольклора в своих работах выделяют игровой фольклор. «Сюда обычно входит та часть произведений детского фольклора, которая исполняется самими детьми и потребителями которых являются они сами. Эти жанры самостоятельно не бытуют, а находятся в тесном взаимодействии с детскими играми» (Рочев, 1972: 133).

Детская игра *йоча модыш* включает в себя

множество различных форм игрового фольклора, каждая из которых, в конечном счете, способствует всестороннему развитию детей: физическому, психическому, умственному, эстетическому. Игра – плод детского воображения и фантазии.

Своим появлением детские игры обязаны родителям-гуманистам. Любовь к детям помогла им увидеть в игре ключ к воспитанию без насилия детской природы. Для этого и созданы разнообразные эмоциональные способы вовлечения детей в игру — игрушки, потешки, хороводы, состязания. Этому же служит непосредственная игра со взрослым, общение с которым жизненно важно для ребенка. Порождение народной педагогики — игра способна нести детям тепло родного очага, богатство народных обычаев, душевную щедрость предков. Именно сейчас настало время возродить лучшие традиции народной игры.

Игра по своей сути демократична, интернациональна. Нет, пожалуй, места на земле, где дети не играли бы в «классики», в мяч, не прыгали со скакалкой. И все же в играх каждого народа есть что-то свое, неповторимое, самобытное.

Марийский край – это край охотников, рыбаков, лесорубов, земледельцев, где особо ценятся сильные руки, меткий глаз, неутомимость и выдержка. Отсюда и в детских играх издавна преобладали метание на дальность и в цель, бег, испытания на силу и ловкость, выносливость.

Природа марийского края оказала огромное влияние на характер марийских игр. Игровой инвентарь – биты, чурки, шары – традиционно изго-

тавливался из дерева.

Марийские народные игры преимущественно имели спортивный, гимнастический характер, как правило, они сопровождались шутками. А.Е.Китиков отмечал, что многие игры народа мари взаимосвязаны с календарной обрядностью. Об этом поется в народной песне:

– Шорыкйол толеш – пура йўаш,
Ўярня толеш – мунчалташ,
Кугече толеш – лўнгалташ да
Семык толеш – таҥ кучаш,
Петро толеш – марлан каяш.

– Рождество приходит – квас пить,
Масленица придет – кататься,
Пасха приходит – качаться,
Семик придет – дружить (влюбляться),
Петров день придет – замуж выходить.

Связь игр с календарными обрядами обнаруживается и в играх других народов, как родственных, так и неродственных марийцам. Это объясняется, видимо, тем, что у многих народов игры являются завершением какого-либо определенного процесса (охоты или земледельческих работ и т.д.). «Главная научная обоснованность марийских народных игр в том, что игра раскрывает историю народа мари» (Китиков, 1990: 6).

Игры *«Йос коштыктымаш»* – «Преследование куницы», *«Рывыж капкан»* – «Капкан для лисицы» отражают занятия древних марийцев охотой.

Игры *«Сӱан»* – «Свадьба», *«Салтакыш ужаты-маш»* – «Проводы в армию», *«Монча»* – «Баня» и др. отражают определенные социальные явления.

Игры *«Маке ӱден»* – «Посев мак», *«Шӱртӧ эрген»* – «Нитка в иголку», знакомят нас с трудовой деятельностью марийцев. Вера марийцев в явления и силы природы отражают игры *«Вувер тоя»* – «Палка ведьмы», *«Вувер патыр ден Тылзе патыр»* – «Ведьма-богатырь и Луна-богатырь», *«Мухан»* – «Колдун» и др.

Играя в разные игры, наши предки верили, что силы природы можно расположить, повернуть к себе. Например, если ты на масленице с горки до конца длинных жердей докатишься до того места, где завязана веревка, то весной дружно взойдут зерновые, стебли льна и конопли будут высокие. Будешь яйцами в Пасху играть – семена льна, конопли будут крупные, вкусные» (Китиков, 1990: 6).

На рождество (*Шорыкйол*) самыми любимыми игровыми персонажами были ряженые *Васлий кугыза* и *Васлий кува*, которые не только смешили, но и наказывали за лень.

В праздник сохи (*Агавайрем*) соревновались наездники. Девочки участвовали наравне с мальчиками и нередко побеждали их. Девочки-марийки в играх отличались смелостью, ловкостью, меткостью. При стрельбе из лука их мишенью были глаз белки и круг перстня.

Во время летнего праздника Семик (*Семык*) каждый в игре мог показать свое мастерство в

прыжках через перекладину, в отбивании мяча, в стрельбе из лука, метании палки или камня в цель и т.д. Было поверье, что, если до Семика семь раз искупаешься да семь разных трав поешь, – до следующего Семика будешь здоров.

Разнообразными были игры во время выпаса лошадей на лугах. Все они практически были соревновательного характера: состязались, кто быстрее проскачет определенную дистанцию, например, до опушки леса или до реки и т.д. В данной игре могли быть различные усложняющие задания: перепрыгнуть через высокий огонь костра, пройти по раскаленным углям и т.п.

У марийского народа традиции, обряды взаимосвязаны. Такая связь существует и в играх. Об этом образно говорится в народной песне:

Тӧрлыш гына тӧр мланде,
Айдыза шовыч кышкен модына.
Теат мӱндыр, меат мӱндыр,
Айдыза салам колтен илена.

Ровная-ровная земля,
Давайте, играть в платки.
Вы далеко, мы далеко,
Давайте жить, посылая приветы.

Куржыльдальым, ошкылдальым:
Пӱнчӧ йымалне йос модеш,
Пӱнчӧ вуйышто луй модеш.
Тиде луйын модмыжым ончалын,
Меат модылдалына.

Пробежалась, прошлась:
Под сосной горностай играет,
На верхушке сосны куница играет.
Глядя на игру куницы,
И мы поиграем.

Мочыла йолвам шалатен,
Писте шуркам шындалам.
Изарня кастен легылден,
Лыштык-лаштык курхталам.

Разбросав кисти мочалки,
Липовую шапку одену.
Выйду вечером в четверг,
Лыштык-лаштык побегаю.

Пӧртет воктен, клатет воктен
Тыртыш-тыртыштен модаш сай,
Тыят мӱндыр, мыят мӱндыр
Салам колтен илаш сай.
Рядом с домом, рядом с клетью
Хорошо играть в кругляшки.
Я далеко, и ты далеко,
Хорошо жить, посылая приветы.

Курхтална. Чу! – шогална.
Пӱнчӧ йымалне йос модеш.
Йос модеш гын, тек модшо,
Меат модаш тӱнгалына.

Бегали. Чу! – остановились.
Под сосной горностай играет.
Играет горностай, пусть играет.
Мы тоже начнем играть.

В последнее время игры утратили свое былое значение. Стремительно беднеет и сухается игровой репертуар, из него исчезают традиционные народные игры. Хотя некоторая часть сохраняется в детской среде, но изменение в них отдельных традиционных элементов ведет к изменению всей игры. Так, например, в игре *«Куд пангa»* (Шесть палочек) традиционные деревянные палочки, которые в ходе игры забрасываются в лунку, заменяются значками, монетами, расплющенными пивными пробками.

Постепенно уходят из игрового репертуара марийских детей и считалки, которые в традиционных играх занимали значительную часть игрового времени. Все чаще они заменяются русскими считалками.

В современном игровом репертуаре доминируют подвижные игры (со спортивным и драматическим содержанием). Эту группу составляют современные игры, заимствованные из народных и адаптированные для детей. В народных подвижных играх с использованием предметов ярче всего проявляется взаимосвязь прикладного искусства с трудовым воспитанием. Умение изготовить лук или чижик, или другой спортивный инвентарь отличного качества рождало в подростке гордость. Уже одно это служило стимулом к игре. Многие игры, встречающиеся у марийцев, известны также и другим народам Поволжья. Отдельные элементы игр, начиная со способов построения игроков и жеребьевок, кончая игровым фольклором и игровыми наказаниями, у разных народов этого регио-

на очень своеобразны и зачастую несут яркий национальный колорит.

Большинство подвижных игр проводится на открытом воздухе: во дворе, на поляне, на лужайке. Игровой инвентарь, как правило, прост: палки, биты, мячи, городошные рюхи, деревянные чурки, банки (консервные), щепки, пробки, деревянные кубики, веревки. Изготовление такого инвентаря по силам самим играющим. В марийских играх сочетаются как самобытные, национальные, так и заимствованные из русских игр элементы.

Для традиционных марийских игр характерна их связь с условиями труда и быта в лесном окружении. Много игр с палками, жердями, мочалом, веревкой, есть игры с поленом, деревянными чурками, луком: *«Вувер тоя»* – «Палка ведьмы», *«Йыдал пазар»* – «Базар лаптей», *«Меран поктен»* – «Гонка зайца», *«Мечым перен»* – «Отбивание мяча», *«Мелнам кочкын»* – «Поедание блинов», *«Куд панга»* – «Шесть палок», *«Салтак вуй»* – «Голова солдата», *«Турняйол»* – «Ходули», *«Тыртыш пӧрдыш»* – «Крутой мяч», *«Ӱярня вара»* – «Жердь масленицы», *«Парпанга»* – «Парные кубики», *«Василий калпак»* – «Колпак Василия».

С течением времени в эти игры играют все реже, но они все-таки еще бытуют в детской среде, часто под новым названием. В этих играх отражены реальные жизненные отношения, острые драматические моменты борьбы сильного и слабого. Быстрота реакции, меткость, сноровка – все эти черты воспитываются в процессе игры.

Бытует много игр с мячом. В старину мячи

скатывали из вычесанной по весне шерсти домашних животных – *кулап* или конского волоса. В настоящее время мячи обычно резиновые. Игры с мячом тоже относятся к подвижным играм. Их у марийцев сравнительно немного. Самой любимой игрой с мячом является игра *«Мечым перен»* («Отбивание мяча»), очень схожая с русской лаптой.

Среди марийских игр, сохранившихся по сей день и бытующих среди детей, следует отметить игры *«Вувер тоя»* («Палка ведьмы»). Палку ведьмы кладут на костёр. Водящий берет горящую палку и бросает в сторону. В это время играющие прячутся. Водящий бежит за палкой, возвращается к костру, кладет палку около огня. Но далеко от палки не отходит, следит, чтобы палку не забрали и не спрятали. Если водящий находит кого-то из спрятавшихся, то просит его выйти и стучит палкой, произнеся слово *«накас»*. Кого находит первым, тот водит. Особую яркость и зрелищность придает этой игре огонь костра, горящий во время игры, ночью.

Все известные марийские игры можно разделить на несколько групп.

1. Игры бытовые

а) *«Салтакыш ужатыме»* («Проводы в солдаты»). В ней пародируется рекрутский набор: военный приемщик и помощник меряют рекрутов, беря по ходу действия взятки. Женщины причитают, изображая матерей. Дядька обучает новобранцев, угощая их тумаками и затрещинами.

б) *«Шорык йол»* («Овечья нога») сопровож-

дается ряженьем и сценическими представлениями, которые разыгрывают ряженые. В этой игре принимали участие и взрослые.

Русский ученый-этнограф П.Зорин в своей работе «Как веселится черемисская молодежь» (Кострома, 1919: 194) описал свои наблюдения за жизнью черемисской молодежи. «Как не зайдешь, бывало, к черемисам, все дети, за исключением самых маленьких, заняты какой-либо работой. Взрослые парни пилят дрова, мальчики плетут лапти, девушки прядут лен, ткут полотно или вышивают сложные узоры для своего национального костюма. Часто работа сопровождается пением грустных песен. Часто я слышал от черемисской молодежи, хочешь посмотреть, как мы играем, приходи в пятницу после Рождества. Черемисские игрища в общих чертах хотя и сходны с игрищами русских крестьян, но имеют свои особенности. Игрища у черемис бывают не больше двух раз в год. Назначаются в пятницу и длятся неделю. Заранее делается повестка, что в такой-то деревне у такого-то будет игрище. Съезжаются 2-3 деревни. Изба выбирается просторная. Во время вечеринок поют песни. Черемисы редко поют хором или в хороводах, большей частью поодиночке. Из черемисских детских игр более обращает на себя внимание «щелчки» – *«чибкла»*, «крючки» – *«кагакла»*. В щелчки играют зимой мальчишки от 8 до 15 лет. Щелчки приготавливаются из липовых палочек, толщиной с большой палец. Берут палку и режут ее на несколько частей, на цилиндрики, играют на полу по несколько человек».

в) *«Сӱан»* («Свадьба»). В играх этой группы пародируется свадебный обряд.

2. Игры производственные

У марийского народа много игр, связанных с охотой на пушного зверя: *«Йос коштыктымаш»* («Преследование куницы»), *«Рывыж капкан»* («Капкан для лисы»).

3. Игры земледельческие

Марийскому народу присуща трепетная любовь к природе. Земледелие является основным видом деятельности марийцев. Не случайно среди марийских детей бытует много игр, связанных с культом земледелия: *«Шӱйшӧ ковышта»* («Гнилая капуста»), *«Маке ӱден»* («Посев мака»), *«Йытын кӱрын»* («Теребление льна»).

4. Игры семейные

Гостеприимство как одна из характерных черт марийцев ярко выражается в популярной игре *«Чес пӧрт»* («Дом угощений»). Эти семейные игры бытовали до недавнего времени. Игра происходит в основном на улице, под деревьями. Оформляется «дом» со всей домашней утварью из глины, разбитой посуды, с «угощениями» из листьев, ягод и т.д. Дети разделяются на «семьи» и начинается хождение друг к другу в гости. Во время игры строго соблюдаются все правила гостевого этикета. К этой же группе игр могут быть отнесены игры *«Шӱжер ленгеж»* («Кувшин с молоком») и *«Ешым тӧрлем»* («Семью поправлю»).

5. Игры спортивные

Марийские народные игры преимущественно имеют спортивно-соревновательный характер. Такие игры как *«Йос дене модмо»* («Игра с куницей»), *«Вувер тоя»* («Палка ведьмы»), *«Вувер патыр ден Тылзе патыр»* («Ведьма-богатырь и Луна-богатырь») позволяют выделить среди играющих самого сильного, быстрого, ловкого игрока.

Следует признать, что к концу XX века игры значительно помолодели. Если в былые годы человек играл до тех пор, пока хватало сил, то сейчас в игры играют в основном дети 8-12 лет, а в сельской местности – чуть более старшего возраста. С сожалением приходится констатировать, что из жизни детей ушли игры, требующие широты, размаха, простора. Традиционные народные игры способствовали раскрытию индивидуальных качеств ребенка, его характера. В игре ценились ловкость, сила, храбрость не сами по себе, а во взаимодействии с другими поступками. Сильный жалел слабого, слабый брал пример с сильного.

Считалки

Большинство детских игр, особенно подвижных, начинаются со считалок. Считаются для того, чтобы выбрать водящего. Считалка уравнивает в правах всех играющих, делает выбор справедливым. В считалке главное – четкий ритм, позволяющий считаться. Содержанию считалок дети значения не придают, им нравится звучное произнесение слов. Ради ритма и рифмы дети придумывают новые слова, не имеющие смысла, например: «Акы-ты-пакыты, чукыте – пе»...

Марийский термин *шотлеммут* – считалка произошел от глагола *шотлаш* – считать и существительного *мут* – слово.

Знание считалок и умение произвести расчет в игре высоко ценится в детской среде, позволяет ребенку утвердиться, завоевать авторитет.

Для расчета играющие обычно встают в круг и декламируют. При распределении ролей между участниками игры, при выборе водящего или ведущего выделяют несколько групп. Выбор водящего производят при помощи определенных действий: с помощью жеребьевых приговоров, счета, вымеривания на палке или на веревке. Иногда эта роль поручается тому, кто проиграл в предыдущей игре.

Считалки входят в жизнь детей, начиная с младшего возраста. По мнению Г.С.Виноградова, «считалки сравнительно рано детьми усваиваются и позднее всех других жанров оставляются» (Виноградов, 1930: 53).

Наличие в них заумных элементов и слов

объясняется тем, что «считалка перешла к детям от взрослых вместе игрой, которую она сопровождает и которая в свое время была далеко не детским занятием» (Аникин, 1984: 30). А другой исследователь детского фольклора А.Д.Бранцев другого мнения. Он считает, «что считалка самобытно возникает и сохраняется в детской среде» (Баранцев, 1970: 175, 194).

Характерной чертой считалок является наличие в них счета. Эта особенность отражается и в поэтике считалок. Для счета в считалках применяются количественные и иногда порядковые числительные, обычно до десяти. Употребление чисел лишь первого десятка объясняется, видимо тем, что эти цифры доступны маленьким детям и при этом в процессе игры они овладевают счетом.

Применение счета в считалках исследователь детского фольклора Сибири Г.С.Виноградов связывает с педагогическими, а вернее учебными целями, «когда запоминание облегчает сочетанием слов счета с конкретными образами, а также симметричным размещением, взрослые подсказывают детям своеобразную игру в числа» (Виноградов, 1930: 120). Счет в считалках применяется в разных формах. Иногда он проходит через всю считалку:

– Ик алче,
Кок алче,
Кум алче,
Ныл алче,
Вич алче,
Куд алче –
Шымалче!

Подобную считалку используют в своих играх и татарские дети, живущие в Параньгинском районе (перевод):

– Во-первых – один мак,
Во-вторых – хлеб,
В-третьих – три мака,
В-четвертых – четыре мака,
В-пятых – пиджак,
В-шестых – стрелок,
В-седьмых – дурачок,
В-восьмых – колпачок,
В-девятых – толкушка,
В-десятых – толстушка,
На сковороде блины,
В печке – пирожки,
Возьми да беги,
Худая утка – выходи!
(п. Параньга)

Встречаются в считалках и искаженные названия цифр. Принцип искаженного счета очень умело используется в считалках, что составляет одну из самых ярких художественных особенностей этого жанра.

– Икыт-микыт,
Каза пача,
Кузьма Япык,
Колтинча!

– Ика рож,
Кока рож,
Кума рож,
Ныла рож,
Вича рож,
Кутарож!

– Разик, двазик, тризик,
Шындыр-мындыр,
Око-око Евентюк!

Боязнь выдать животным и птицам, рыбам свои намерения создала у многих народов мира своего рода табу счета. У марийского народа это сохранилось до наших дней. Как правило, прямой счет не допускался. «У охотников считалось, что пересчет убитой дичи принесет в будущей охоте неудачу. А так как без пересчета обойтись трудно, то люди придумывали иносказательные формы счета, появились заменители числительных» (Василенко, 1956: 355).

– Чий-чий чичала,
Чича-мачи чавала.
Икчий, кокчий, таганчий,
Таганчий, моя есть!

– Ценге, лӧнгӧ,
Кылтик-калтик, лоц!

У марийского народа под запретом было даже желание охотника сообщить, что он собирается на

охоту. Он не мог открыто сказать: *«Сонарыш каем»* («Иду на охоту»). Возможно, поэтому о рыбаках и охотниках марийцы и в настоящее время загадывают загадку: *«Нимом ок уж – кучаш толаша, нимом йомдарен огыл – кычал коштеш»* («Ничего не видит – хочет поймать, ничего не потерял – ходит ищет») (Китиков, 1967: 14.).

Ачли-вучли,
авта-овта,
артма-ортма,
чывта, оч!

Игыр-когыр,
Якташ-тӱвем,
Шылаган-шылаган,
Пиянган-санган,
Кекрек-шокльык!

Особенности ведения счета проявляются и в повторах отдельных измененных слогов числительных, которые придумывают сами дети в целях ритмизации считалок:

Икым, кокым,
Кумым, нылым,
Виат, куат,
Тыкым-пакым,
Тумем пытлоч!
Ика-тика,
Мама-тика,
Шылдыр-шолдыр,

Шарачок!
Чой-пойн, пани-руки
Ипай, Инай, лек!

В марийском детском фольклоре можно встретить считалки с искаженным текстом. Такие считалки, в основном, возникали в двуязычной среде. Там, где живут представители других национальностей, дети обычно владеют несколькими языками. В условиях Марийской республики в деревнях, где рядом проживают татары или удмурты, дети, как правило, знают их языки. Поэтому лексика их считалок многоязычна.

– Тыридал-туридал,
На четыре побежал.
Пятый – шутый,
Якын – черный,
Муглан – баран,
Тиглай, Тикын, пошел вон!

– Шарик-Шурик на меня,
Тоня призик козырек.
У Шурика на меня –
Чыж-чож!

Иногда не все слова в считалках бывают понятны, при употреблении их в иноязычной среде облик слова принимает форму более «родную» для говорящего. Непонятные, но звучные слова и словосочетания привлекают детей, и они увлеченно скандируют их. Порой на подобное искажение идут

сознательно, находя удовольствие в своем словотворчестве.

– Аньыки-муньыки,
Ший каласи,
Аньики-муньики, ба!

– Арча-бурча,
Лынги-лунги.
Тыкыс-тукыс,
Коян, чык,
Ами, мар!

В данной считалке невозможно выделить чисто марийские слова, если они и есть, то искажены до неузнаваемости. Нет понятных слов и в такой считалке:

Экте-пекте чуктама,
Авыль-павыль дальма на,
Экс, пекс, пуле пукс – наус!

В подобных считалках старые слова теряют свое первоначальное значение, а новые искажены так, что «сегодня о первоначальном происхождении многих из них лингвисты могут только догадываться» (Виноградов, 1930: 80).

В настоящее время уже невозможно судить о первоначальном происхождении непонятных, заумных считалок, опираясь только на письменные источники. Хотя «учитывая распространенность считалки, сопоставляя различные их вари-

анты, можно только установить ранние формы и явления нового порядка» (Рочев, 1972:143).

Замена непонятных слов другими, близкими по форме, является причиной появления все новых и новых вариантов считалок. Вот пример широко распространенной считалки, дошедшей до нас из далекого прошлого, которая несет в себе элемент загадки. Имеется несколько вариантов:

1 вариант
Кылдырикым-мулдырикым,
Спатникым, сотникым.
Чере-чиньке, булдо-булдо,
Казанский юлдырик.

2 вариант
Кычырикым-мугырикым,
Скатныкым, сотныкым.
Черечинче, вылде-волдо,
Казанский йылдырдик(лоштырдик).

При сопоставлении текстов можно выделить повторяющиеся конструкции, что, несомненно, говорит об их традиционности.

Существует несколько способов создания так называемых заумных считалок:

а) путем повторения слов с добавлением согласного ко второму слову:

Экте-пекте,
Чукта-ма,
Авыль-павыль, даль мана,

Экс, пекс, пуля пук-наус!
– Аньыки-муньыки,
Ший каласи,
Аньыки-муньыки, ба!

б) путем замены начальных согласных одного и того же слова:

– Кова-нова,
Сембат-нова,
Кай, бей-поп

– *Разик, двазик,*
Трикузик.
Шындыр-мундыр,
Око-око Еветюк.

в) путем замены первого или второго слога или вообще начала слова.

– Оки-пеки-пояси,
Околицы-поколицым.
Шал-шал-шапляка,
Шинча-мари-шинчара!

Некоторые марийские заумные считалки очень схожи с подобными считалками коми и удмуртов. Такие тексты, созвучные вышеприведенной марийской считалке «Акыты-пакыты...», встречаются и в удмуртском фольклоре:

<u>в удмуртском:</u>
Экете-пекете,
Чукете-ме,
Абыл-бабыль,
Дай манэ.
Экс-пекс- пуляпух,

Угауль!
коми фольклоре:
Экӧтӧ-пекӧтӧ,
Пукӧтӧма,
Кабыр-чабыр,
Дай-мана.
Экс, пекс, туля, пуля,
Уса ур!

Иногда дети полностью приспосабливают фонетический облик слов и содержание считалки к родному языку, и тогда считалка начинает бытовать в нем как самобытное фольклорное произведение. Для сравнения приведем текст одной считалки, адаптированной в соответствии с фонетическими законами разных языков:

<u>марийского:</u>
– Акыты-пакыты,
Чукыты-пе,
Амбуль-Памбуль,
Ду ма не.
Икс-Пикс,
Пере пукс, наус!

<u>русского:</u>
– Экете-пекете,
Чукота на,
Абуль-фабуль,
Дай ма на.
Экс, пэкс, пуля, пукс,
Нау (ль)!

<u>удмуртского:</u>

– Экете-пекете,
Чукете-ме,
Абыль-бабыль.
Дай-менэ,
Пауль!

<u>коми:</u>

– Акото-макötö,
Чукортöма.
Абуль-бабуль,
Дömöма...

Приведенные выше примеры говорят о том, что установить национальный первоисточник подобных считалок в настоящее время уже не представляется возможным. На почве каждого из перечисленных языков считалка прижилась и приспособилась к речевым нормам соответствующего языка. Как справедливо отмечено исследователем русского фольклора Э.В.Померанцевой, «при ассимиляции культур соседствующих народов этнические особенности фольклора стираются, этнические его функции становятся неосознанными для носителей фольклора и живут на другом уровне» (Померанцева, 1979: 105).

При адаптации иноязычных считалок изменению подвергается как фонетическое звучание, так и его ритмичность, например:

– Шыж-когыж,
Кенет-нерет,
Виш-туш,

Йактем-тӱгыл,
Лоч-пыч-караган,
Мараган-кекрек,
Шоклек, вайта, дий!

– Игыр-когыр,
Йактам-тӱвес,
Шылаган-мылаган,
Пианган-сангган,
Кекрек-шокльыкдий!

Подобную считалку можно найти и в коми фольклоре:

– Анка-танка,
Зима-зия,
Нощикован, зелян белян!

Через русский детский фольклор в марийский проникли тексты французских, а также латинских считалок. О влиянии школярно-словесного творчества в свое время писал исследователь русского детского фольклора Сибири Г.С.Виноградов (Виноградов, 1930: 155, 156).

Бытуют распространенные во множестве вариантов считалки, первооснову которых составили латинские тексты. Именно эти считалки наиболее популярны в настоящее время среди марийских детей.

– Эни-бени, руки-факи,
Торба-орба, шыдыр-маки,
Дэу, дэу, космодэу, баy!

– Ана-бенэ, рес,
Твинтер-Гвинтер, жес,
Ано-бонэ, ряба,
Твинтер-гвинтер-жаба.

Марийские дети нередко пользуются и русскими считалками, такими как *«Аты-баты...», «На златом крыльце...»*

Характерной особенностью считалок является также построение их в форме вопросов и ответов, как правило, в диалоге обыгрывается какой-либо количественный показатель. Ответ может дать любой из играющих, но далее начинают считать с того игрока, на ком закончилась считалка. Названо может быть любое число, но чаще называются однозначные. Отвечающий называет то число, которое ему выгодно, исходя из расклада игры:

– Ик марий чодыраш каен,
Ораваже шаланен.
Орава ачалаш
Мыняр пуда кӱлеш?
– Кумыт.
– Ик(ыт), кок(ыт), кум(ыт).

– Один мариец поехал в лес,
Телега сломалась.
Чтобы отремонтировать телегу,
Сколько надо гвоздей?
– Три.
– Один, два, три.

Такую последовательность действий в считалках, их цепную взаимосвязь некоторые исследователи определяют в качестве «цепной организацией сюжета» (Аникин, 1984: 305).

Главная особенность считалок – строгое соблюдение ритма. Исчезает ритм, исчезает и считалка. Ритм регулируется движением руки считающего, который, по свидетельству Г.С.Виноградова, «способствует выковке мерной речи» (Виноградов, 1930:97).

То, что предпочтение в подобных считалочных ситуациях отдается однозначным числам от одного до девяти, имеет глубокий смысл. Этот же феномен отмечен и исследователями других жанров марийского фольклора, в частности, загадок. «Особенность ввода какого-либо числа обусловлена характером произведений, ее целями: дать точную характеристику предмета или абстрактную. Числа первого десятка обозначают точное число и служат ключом к загадке» (Перевозчиков, 1982: 29).

Согласно другого мнения, считалки – это просто пересчет или распределение игровых функций, поэтому содержание и образы в них не имеют функционального значения. Так, в нижеприведенной считалке абсолютно все равно идет ли речь о метрах, штуках или каких-либо животных:

– Колым вӱд гыч шупшын лукташ
мыняр метр кандыра кӱлеш?
– Кудыт.
– Икыт, кокыт, кумыт, нылыт, визыт, кудыт.

– Сколько метров веревки надо,
чтобы поймать рыбу?
– Шесть.
– Один, два, три, четыре, пять, шесть.

В марийских считалках ритмоорганизующим элементом чаще всего является чередование ударных слов:

– Чик-чок-пятачок,
Шере муно калачок!

– Тойки-мойки, *(игра слов)*
Мый мойки.
Савыри саска,
Ия-саска.

Весьма часто звуковая организация в марийских считалках осуществляется при помощи ассонансов и аллитераций. Аллитерация (повторение согласных звуков) и ассонанс (повторение гласных звуков) – это наиболее регулярные приемы, с помощью которых достигается интонационная окраска считалок. Например, марийские считалки с 3-4 и более аллитерирующими звуками:

– Илен улмаш ик марий,
Тудын лӱмжӧ Метырий.
Конгам олтен петырен,
Пырыс почым йӱлалтен.

–Жил-был мариец,
Звали его Метрий.
Печку затопил, закрыл,
Коту хвост опалил.

Шопке воктеч куку каен,
Почешыже йоча каен.
Йоча ойлен кукулан:
– Ик игет кудалте-ян.
Куку манеш:
– Уке, Яку. Ондак мыйым кычал му!

Шла кукушка мимо осины,
За ней шел ребенок.
Говорит ребенок кукушке:
– Брось мне одного кукушонка.
Кукушка говорит:
– Нет, Яку. Сначала найди меня!

В первом примере это звуки *и, у, о, м, п,* во втором – *к, у.*

Характерные для считалок аллитерация и ассонанс способствуют быстрому запоминанию текста, учат детей четкой артикуляции. Кроме того, аллитерационные сочетания придают считалке особую прелесть.

Другой характерной чертой считалок является рифма. В качестве рифмообразующих могут быть использованы отдельные звуки, слова, группы слов, в исключительных случаях – целые строки. Рифма в считалке играет важную роль.

– Маска кӱзен писте вуйыш,
Мӱйым йышт тамлен ончаш.
Шинчын мӱкш маска нер вуйыш –
Кушко нерже кок пачаш.
Толын мӱкш мемнан коклашке,
Пӱшкылеш – куржаш торашке!

– Медведь влез на верхушку липы,
Втихаря отведать меду.
Пчела села медведю на кончик носа –
Нос стал в два раза больше.
Теперь пчела прилетела к нам,
Ужалит – разбегайтесь подальше!

– Чыве шылеш вараш деч,
Мераҥ чыма пире деч.
Почеш ит код, мӧчырес!
Икыт, кокыт, кандаш, лу,
Саню, мемнам поктен шу!

– Курица прячется от коршуна,
Заяц убегает от волка.
Не отставай, тихоня!
Раз, два, восемь, десять,
Саня, догоняй нас!

Порой в марийских считалках используются неточные рифмы, не дающие полного совпадения звуков:

– Икыт, кокыт, кандаш, лу,
Корем воктен олмапу.
Кӧ шылын шуктен огыл,
Мый кычалшаш омыл.

– Раз, два, восемь, десять,
Возле речки яблоня.
Кто не успел спрятаться,
Я искать не буду.

Кроме неточных рифм, в считалках могут присутствовать и внутренние рифмы, которые создаются путем повторов целых строк или грамматических форм отдельных слов. «Детям нравится темп звучания стиха. Не понимая, подчас смысла, они упиваются безудержными ритмами считалок, дразнилок, закличек» (Радова, 1976: 31).

В отдельную группу можно выделить считалки, в которых употребляются собственные имена, что придает им конкретность и звучность. Упоминаемые в считалках топонимические названия городов, деревень, рек позволяют определить ареал распространения той или иной считалки.

– Карман тура курык гыч
Иман мундыра кудалеш.
Тудым кӧ куча гын,
Мемнам кычалеш.

– С горы Карман-курык
Катится клубок с иголками.
Кто его поймает,
Будет нас искать.

– Матран Метрий каен-каен,
Мӱй вочкыш пуренггаен.

– Метриев Матран шел, шел
И упал в бочку с медом.

Таким образом, считалка является не только компонентом игры, но и средством развития язы-

кового чутья, постижения красоты и поэтических богатств родного фольклора. «Благодаря считалке у ребенка развивается слух, обогащается речь, он живет с нею в своей игре» (Рыбникова, 1935: 163).

Считалки дают богатый материал для исследования поэтики не только детского фольклора, но и фольклора в целом. Марийские игры и считалки, как и другие жанры детского фольклора, имеют много общих черт с устно-поэтическим творчеством других народов. Некоторые игры, например, полностью калькированы из репертуара русского фольклора.

Детский бытовой фольклор

Загадки

Загадки – один из распространенных жанров устного народного творчества.

Загадки по-марийски называются *тушто*; *туштым тушташ* – загадать загадку. «Есть у марийского народа загадка про загадку: *«Мучашдыме мен-гыш унчыливуя кӱзем»* («На бесконечный столб поднимаюсь вниз головой»). Это значит, что признаков у каждого предмета бесчисленное множество, но в загадках подчеркиваются самые характерные, необходимые, и все это преподносится намеками. Выбрать из них нужно самые точные, самые близкие. А это почти то же самое, что подниматься на столб вниз головой» (Китиков, 1973: 37).

Отгадывание загадок требует сообразительности, наблюдательности, знания бытового уклада жизни и природы. В загадках много неожиданного, необычного, того, чему нет места в реальной жизни. Например:

1. Ик коля кок почан –

У одной мыши два хвоста (лапоть);

2. Кӧн шинчаже пылышыште? –

У кого глаза в ушах?

(ушат с двумя короткими ручками – выступами, в которых сделано отверстие для коромысла).

Марийские народные загадки представляют

большую ценность в изучении детьми родного языка. Они напрягают ум ребенка, развивают фантазию и воображение. Как много, например, интересного и полезного можно поведать ребенку при объяснении следующих поэтических загадок: 1. *Тумо, тумо ӱмбалне шоло, шоло ӱмбалне писте, писте ӱмбалне куэ* – Дуб, на дубе вяз, на вязе липа, на липе березка (*тер* – сани); 2. *Каем – кая, шогем – шога, пукшем – ок коч, йӱктем – ок йӱ* – Иду – идет, стою – стоит, кормлю – не ест, пою – не пьет (*ӱмыл* – тень). Первая загадка отражает сочетание различных древесных материалов для изготовления саней. Вторая – пробуждает познавательный интерес: почему собственную тень нельзя догнать, накормить или убежать от нее. Ребенок обязательно догадается самостоятельно.

Загадки призваны развивать мышление детей, приучать их анализировать предметы и явления окружающей действительности; причем наличие большого количества загадок об одном и том же явлении или предмете позволяет составить разностороннее представление о нем.

Марийские народные загадки ценны не только высокой поэтичностью, но и богатством лексики, в них очень удачно используется игра слов:

Чондымо – чонаным куча. – Неживой живого ловит (паутина).

Большое воспитательное значение загадок подчеркивали многие исследователи детского фольклора и писатели. «Через загадки, – писал А.М.-Горький, – дети постигают красоту, силу, ясность и точность литературного языка» (Горький, 1953: 113).

Происхождение загадок все исследователи относят к глубокой древности. Как отмечает Ф.И.-Буслаев, загадка в первоначальном своем виде была «не что иное, как смелый вопрос пробужденного ума о таинственных силах и явлениях природы» (Буслаев, 1864: 128).

В.В.Митрофанова считает, что «загадка ушла в одни эпохи к навыкам тайной речи, в другие – магическим заклинаниям враждебных человеку существ и т.д. Утратив одно значение, загадка приобретала другое, но никогда не теряла своей общественной функции, своего назначения – учить. Изменились цели и задачи обучения, общественная функция загадки – служить воспитанию в человеке тех или иных качеств, сохранились до наших дней» (Митрофанова, 1978: 86).

Не меньшее воспитательное значение имеют загадки на сообразительность, смекалку, ассоциативность и т.д. Развивающее воздействие оказывает используемый в загадках художественный прием – уподобление, метафорическое описание предмета. Основная цель загадок – умственное развитие ребенка, обогащение его новыми сведениями о природе и знаниями из самых различных областей человеческой жизни. Все это происходит в процессе активной мыслительной деятельности.

Дети очень любят придумывать загадки о человеке, в целом об отдельных органах, о частях тела. Голову называют избушкой, глаза – озером, волосы – мелколесьем, лесом. «У дедушки избушка маленькая, порог мхом оброс, ветродувы без

ставней, кровля покрыта ковылем». Загадки с одним и тем же ответом сочиняются детьми по-разному. Такой многосторонний подход к одним и тем же предметам в зависимости от взаимодействия его частей способствует развитию творческого мышления у детей. Загадки обогащают детский ум такими знаниями, которые содействуют формированию и других качеств личности. Загадки – это одно из действенных средств постижения гимнастики для ума.

*«Поктем-поктем – поктен ом шу, куржам-куржам – ом утло, тулышко кудалтат – ом йӱлӧ, вӱдышкӧ шуат – вӱд йымак ом кай». – Догоняю-догоняю – не догоню, бегу-бегу – не убегу, в о*гонь бросят – не горю, в воду бросят – не тону (тень).

Как отмечают ученые, загадка параллельно бытовала в репертуаре взрослых и детей и закономерно была введена методистами-исследователями в учебную литературу. Это было фактом признания педагогической ее ценности. «Каждая новая загадка, разгаданная ребенком, укрепляет в нем чувство собственного достоинства, является очередной ступенькой в развитии его мышления. Загадка стимулирует умственную деятельность детей, прививает вкус к умственной работе» (Мельников, 1987: 101).

Загадка всегда содействовала развитию сообразительности в человеке. В древности она была связана, в первую очередь, с обрядом инициации. Необходимо отметить, что у марийцев старое отношение к загадкам сохранялось вплоть до 30-х годов XX века. В народе существовало правило,

по которому запрещалось сказывать сказки и загадывать загадки летом и в начале осени, когда в крестьянском хозяйстве было много забот. Распространялся запрет и на раннюю весну, когда начинали телиться коровы и ягниться овцы. Загадывание загадок строжайше запрещалось, если в доме имелся больной. Люди верили, что нарушение запрета могло повлечь всевозможные несчастья. Рассказчика, нарушившего запреты, также должны были якобы преследовать несчастья. Существовало поверье – вечера сказок и загадок можно начинать только тогда, когда выпавший снег покроет шапкой пни или столбы ворот.

С течением времени, с изменением социально-экономического строя старые поверья, обычаи, суеверия либо исчезали, либо видоизменялись. Изменилось и само отношение к загадкам.

С помощью загадки, помимо знакомства с окружающим миром вещей и природы, дети раскрывают и метафизические богатства родного языка. При применении этого приема сопоставляются два предмета или явления. Исследователи детского фольклора отмечают, что этот прием развивает в детях «большую наблюдательность, учит быть их внимательными к окружающему миру» (Таракина, 1971: 168). Недаром загадку называют хорошо сложенной метафорой.

Ик лудо кок вуян. – «У утенка две головы» (шуша – челнок).

Приведенная в качестве примера загадка вызывает в сознании, прежде всего, яркое представление об утке как таковой. И лишь после некото-

рого раздумья и сопоставления ребенок приходит к выводу, что утка, у которой две головы, это не что иное, как челнок. Так признак живого существа – утки – он переносит на неодушевленный предмет – челнок. Образ птицы, изображенной в загадке, служит образным обозначением челнока в ткацком стане. Беспредельную художественную фантазию проявляет народ, изображая в загадках даже самые простые предметы. Воздействуя прежде всего на наши чувства и воображение, загадки учат мыслить образами, развивают разум и смекалку.

Метафора может быть очень смелой, только отдаленно напоминающей изображаемый предмет или явление:

Ачаже точмашке эргыже мия – «На рождение отца сын приходит».

Поначалу загадка кажется нелепой. Но оказывается, что под сыном в ней подразумевается копна, а под отцом – скирда. Ясно, что скирда формируется путем объединения нескольких копен.

Марийские метафорические загадки часто строятся на зрительных впечатлениях, но им присущи и звуковые образы. Такого рода загадки в основном отражают процессы человеческого труда, поведение зверей, птиц, насекомых. Они свидетельствуют о наблюдательности, умении подмечать малейшие оттенки, казалось бы, самого простого явления. Например, маленькая юркая и быстрая ласточка в загадке представлена следующим образом:

Тит-тит-тура
Тут-тут-тура
Коман-тару-ватру.
– Качыри-кучыри, качыри-кучыри,
Куда пошла, зачем пошла?
– Муку купить
– Мука почем?
– Руб сорок, руб сорок, трь-и-ик!

Человек настолько наблюдателен, что при желании способен уловить буквально даже звук роста растения. Звукоподражания в марийских загадках бывают междометные и словесные. Междометное звукоподражание чаще всего используется в загадках о трудовой деятельности человека. Процесс шерстобиения в загадке изображен так:

– Шаман тур-тур,
Шаман тур-тур,
Яншкелде - ошкелде,
Пылып-пылып, чиван-чиван,
Паскырля вошт тӱрлӧ
Шакляк мур.

Необходимо отметить, что междометные выражения в разных населенных пунктах и районах звучат по-разному. В Новоторъяльском районе тот же процесс шерстобиения озвучен по-другому:

– Тут-тут, тама ту,
Ошканат канат керет,
Плеш-плеш Тарля,
Тарля вошт шакляк тӱк?

В ряде случаев междометные звукоподражания воспроизводят целый комплекс трудовых действий. Например, прядение, навивку, тканье и околачивание холста:

– Мра-мра Мамра,
Сиге-сиге Сигельде,
Ски-ски сыгырдым,
Дым-дым йогырдым,
Тӧрт-тӧрт.

В марийских загадках часто употребляются междометия, создающие зрительный образ действия:

– *Шиште чок-чок,*
Киса быр-быр.
(Товар ден шанчаш)

– *Дятел чок-чок,*
Синица быр-быр.
(Топор и щепки)

Кызыр-козыр Орина,
Йыртыш-юртым Тарля.
(Товар ден шанчаш)

Неуклюжая Арина,
Попрыгунья Дария.
(Топор и щепки)

Словесные звукоподражания в марийских загадках употребляются не по семантическому при-

знаку, а по фонетической близости.

Народная загадка часто обращается к богатству детского фольклора – считалкам, жеребьевкам, скороговоркам и словотворчеству – как к материалу словесного звукоподражания. Например, в деревне Кукнур Сернурского района детскую считалку

Тыргедык-тыргедык;
Шиклан-петухлан,
Шагылым-шагылым,
Тӱгмым-чварым-лочокым

пожилые люди преподносят как загадку о запрягании лошади.

А скороговорку
Туп-туп тувашын,
Кылта вашын-овашын,
Ик-кок кыладик,
А вараже йывылдик

жители деревни Конганур Куженерского района загадывают как загадку о молотьбе цепом.

Отдельные слова этой загадки можно перевести на нормальный язык:

«Туп-туп тувашын» – спина к спине,
«Кылта вашын – овашын» – сноп к снопу,
«Ик-кок палыдик» – удары раз и другой,
«И вараже йывылдик» – потом убегаю.

В загадках принимается во внимание специфика детского восприятия. «Звукоподражательные загадки в школьных кружках, на уроках родного языка используются для развития речи как скороговорки, для выразительного чтения, выработки четкого произношения тех или иных фонем» (Китиков, 1973: 95-97).

Чашкер мурызем мокталта:
«Шӱкшӱ пӱй!
Шӱкшӱ пӱй!»

Лесная певунья хвалится:
«Старый зуб!
Старый зуб!»

Выражение «шӱкшӱ пӱй» (старый зуб) при быстром повторении довольно точно воспроизводит пение пташки. В этой загадке слова *шӱкшӱ* – старый и *пӱй* – зуб не несут своего семантического значения. А в школьной практике загадки подобного рода очень удобно использовать в качестве чистоговорок, скороговорок, а также как примеры звукоподражания.

Марийские народные загадки прочно вошли в материалы методических пособий и учебников по марийскому языку. Автор многих учебников профессор С.Д.Дмитриев отмечает, «что в любой загадке или в ее ответе всегда можно найти тему для изучения грамматики» (Дмитриев, 1981: 6).

В основе композиционного построения многих загадок лежат принципы сопоставления и срав-

нения. В марийских загадках можно выделить ряд типов сравнений: простое, степенное, двойное, увеличительное, уменьшительное и т.д. Например:

Шуйнен возеш – вара кутыш, чумырген возеш – кынер кутыш – «Растянется – длиною с шест, свернется – с локоток» (вожжи).

«Загадки на сравнение насыщены поэтическими образами. Тем самым народные педагоги через красивые загадки развивали у подрастающего поколения эстетический вкус. Многосторонний подход к одним и тем же предметам в зависимости от взаимодействия его частей содействовал развитию творческого мышления у детей. Развитие мышления и памяти, обогащение ума знаниями – главное назначение загадок. Загадки обогащали детский ум такими знаниями, которые содействовали формированию и других качеств личности. Ум ребенка, отгадывающего загадки, обогащался не только мыслями умными, но и мыслями добрыми, красивыми» (Волков, 1999: 80, 81).

В последние годы на детском репертуаре загадок решающим образом сказались новые условия жизни. Многое из старинного крестьянского быта современным детям уже непонятно. Поэтому загадки, отражающие реалии крестьянского быта, к настоящему времени исчезли, вместо них появились новые. Во многих вариантах бытуют загадки о книге, достижениях техники и т.д. Но функции и значение загадок остались неизменными.

Сказки

Наверное, нет ребенка, который не любил бы сказки. Сказки с величайшим удовольствием слушает как малыш 2-3 лет, так и школьник 12-13 лет. Дети не только любят слушать сказки, они с удовольствием их иллюстрируют, домысливая сюжеты. Сказка формирует у ребенка представление о добре и зле. Поэтому положительный герой сказки в их рисунках – это воплощение добра и света, отрицательного – добра и мрака. С детства сказка закладывает в душу человека заряд оптимизма. Педагогическая ценность сказки неоценима. Сказка раскрывает перед ребенком все богатства родного языка, способствует развитию детского воображения, фантазии, приобщает к творчеству. Взрослым не следует жалеть о времени, проведенном с ребенком в мире сказки. Маленьким детям сказки лучше пересказывать, а не читать: ребенку в 2-3 года более доступны интонации разговорной речи, нежели книжной. Рассказывать сказки лучше перед сном, когда ребенка ничто не отвлекает, и он полностью погружается в сказку. Он живет и действует вместе с героями, слушая сказку, засыпает. Сказка воздействует не только на сознание маленького человека, но и на его подсознание. Воспитательное воздействие сказки незаметно, ненавязчиво и действенно.

Самым маленьким детям наиболее доступны сказки о животных. К восприятию их они

подготовлены еще колыбельными песнями и потешками. Звери в сказках, как и в потешках, живут подобно людям, они неотделимы от людей. Так же, как и люди, дружат, ссорятся, ходят друг к другу в гости. Сказки вводят ребенка в мир, где есть драматические конфликты, где хитрые и коварные обманывают простодушных или глуповатых, где непослушание и излишняя доверчивость приводят к беде.

Дети младшего возраста любят волшебные сказки. В них они встречаются с волшебниками и колдунами, лешими и домовыми и т.д. Такие сказки подают детям пример правильного поведения в сложной обстановке. Так, находчивость и смелость самого младшего из братьев в сказке *«Ныллe ик шояк»* («Сорок одна небылица») помогли добыть огонь, а Сереброзубой Пампалче («Сереброзубая Пампалче») – сбежать от ведьмы.

Сказки учат на примерах, в них нет прямо высказываемого поучения или, как в баснях, морали.

Дети постарше любят фантастические сказки о приключениях героев, так называемые новеллистические сказки о незаслуженных страданиях милых и трогательных героинь, о бедных и богатых, об умных и глупых людях.

Сказки, как правило, заканчиваются победой добра и справедливости, но до наступления этой счастливой развязки ребенок успевает поволноваться, разделить чье-то горе, посочувствовать обиженному, воспылать гневом

к обидчику. Открытое детское сердце способно сопереживать даже если сказка знакома и концовка известна.

Появившись еще в глубокой древности, сказка отражает мировоззрение народа, его отношение к действительности, стремление к независимости, мечты о будущем. В сказках разных народов мира можно выделить сходные сюжеты, идеи и образы. Однако сказки каждого народа имеют ярко выраженный национальный характер.

Под термином «детская сказка» понимаются тексты, рассказываемые взрослыми для детей и перешедшие из взрослого репертуара в детский, а также сказки, создаваемые самими детьми. Это могли быть и сказки о животных, и волшебные, и бытовые.

Поскольку детское и народное начала в фольклоре совпадают, сказки, бытующие во взрослой среде, легко могли переходить в детскую. Разграничить их порой крайне трудно. Тексты сказок усложняются соответственно возрасту ребенка. Сказка воздействует на ум и сердце ребенка, формирует миропонимание, эстетические вкусы, развивает в человеке качество величайшей ценности – фантазию.

Сказочные произведения имеют большое воспитательное значение. К.И.Чуковский писал: «...сказка совершенствует, обогащает и гуманизирует детскую психику, так как слушающий сказку ребенок чувствует себя ее активным участником и всегда отождествляет себя с тем из

ее персонажей, кто борется за справедливость, добро и свободу. В этом-то деятельном сочувствии малых детей благородным и мужественным героям литературного вымысла и заключается основное воспитательное значение сказки» (Чуковский, 1956:160).

Наиболее популярны среди детей волшебные сказки и сказки о животных. Капица О.И. считает, что «сказки о животных перестали интересовать взрослых и перешли в детский репертуар», поэтому «в русской этнографической литературе очень мало записано сказок с указанием, что они детские» (Капица, 1928:163).

Сказки о животных любимый жанр детей младшего возраста. Они просты и доступны по содержанию, невелики по размерам. Их герои наделены человеческими чертами, говорят на понятном людям языке все это близко возрасту малышей, которые нередко воспринимают сказку как реальный рассказ о жизни животных.

В настоящее время сказки преимущественно рассказываются с целью развлечения или поучения маленьких слушателей. В период же своего возникновения многие из них имели совершенно иное значение. Животные считались первопредками тотемами, покровительствующими роду. Вера в тотем повлекла за собой появление разного рода обрядов, которые у многих народов с течением времени превратились в культ животного. По мере изменения производственной деятельности изменялось и мировоззрение людей, разрушались

древние мифологические представления об окружающем мире. Животные уже не воспринимались как тотемы. Сказка стала соответствовать возрасту ребенка, его психике, уму. Она стала знакомить его с окружающей природой, с животным миром, с социальными отношениями между людьми.

Сюжеты марийских детских сказок о животных имеют много параллелей с сюжетами сказок различных народов мира. Композиция их так же интернациональна. Наряду с текстами, основной эпизод которых повторяется три раза, находят распространение и иные, включающие неопределенное число повторений, постепенно нагнетающих действие. Эта конструкция, называемая цепевидной или кумулятивной, зафиксирована в сказках многих народов.

Так, например, в марийской сказке *«Тумна ден рывыж»* («Сова и лиса») лиса поет:

Тумна, тум-тум!
Ик игетым кудалте, тум-тум;
Кӱзенат кочкам, тум-тум;
Воленат кочкам, тум-тум;
Руэнат кочкам, тум-тум;
Ик игетым кудалте, тум-тум!

Сова, тум-тум!
Сбрось одного детеныша, тум-тум!
Поднимусь и съем, тум-тум;
Спущусь и съем, тум-тум;
Срублю и съем, тум-тум;
Сбрось одного детеныша, тум-тум!

В марийских сказках о животных в одной и той же сказке могут присутствовать и домашние, и дикие животные. Типичными персонажами марийских сказок являются птицы: синица, ворона, лебедь, гусь, курица, сова; дикие животные: лиса, заяц, медведь, волк, лось; домашние животные: баран, корова, бык, лошадь, собака, кошка и т.д.

Марийские сказки о животных имеют свою специфику. Если в русских сказках у героев есть постоянные определения, как-то: «лисичка-сестричка», «серый волк», «зайка-плутайка», «кот-баюн», «коза-дереза» и др., то в марийских сказках таких определений нет. Вместо этого в них используются слова-звукоподражания. Именно они характеризуют степень доброты или кровожадности персонажа, например: *киса – «чий-чий», шогертен – «шогырдок», тумна – «тум-тум»* (синица – «чий-чий», сорока – «шогырдок», сова – «тум-тум»).

«Большую группу в марийском сказочном репертуаре составляют волшебные сказки. Они отличаются характерным охотничьим или крестьянским колоритом. Герои марийских сказок выражают взгляды охотников – предков и крестьянства. Цари и царевичи в такой сказке живут и разговаривают как простые труженики» (Сабитов, 1992: 11).

Типичный персонаж русской волшебной сказки – Баба-Яга. В марийской сказке такого существа нет, однако в марийской мифологии есть женский образ, подобный Бабе-Яге, именуемый *Кува* (баба)

или *Вувер-кува. Вувер-кува* – подземное существо, съедающее коровье вымя. Баба-Яга живет в избушке на курьих ножках, а Вувер-кува – в избе, сплетенной из ниток. В отличие от Бабы-Яги Вувер-кува несколько мягче характером. Образ *Вувер-кува* рисуется в сказках, как образ ведьмы – *Овда*: с большими грудями, с распущенными длинными волосами, она не летает на метле, как Баба-Яга, а скачет на лошади и всегда при этом поет.

Неизменными героями марийских волшебных сказок являются герои-богатыри: *Нӧнчык-патыр, Кӱ-патыр, Пӱнчӧ-патыр* и т.д. Детей привлекает в них не только могучая сила, но и их ловкость, мудрость, смекалка, меткость в стрельбе и т.д. Во время коллективных игр дети обычно стараются выбрать себе роль сказочного богатыря, подражать ему.

В.П.Аникин отмечает, что возникновение волшебных сказок есть результат «поэтического переосмысления древнейших рассказов, преследующих утилитарно-бытовые цели. Эти рассказы осложнены обрядово-магическими и мифологическими понятиями и представлениями» (Аникин, 1984: 184). В волшебных сказках детей увлекает красочный мир с его чудесами.

Привлекают детей и бытовые сказки. В марийских бытовых сказках высмеиваются лентяи, глупцы, жадные и хитрые люди. В текстах бытовых сказок встречается множество поговорок, смысл которых постигается не сразу, а лишь при внимательном прочтении или прослушивании. Дети

любят сами придумывать бытовые сказки. В современных детских периодических изданиях на марийском языке – журнале «Кече» («Солнышко») и газете «Ямде лий!» («Будь готов!») часто печатаются сказки, придуманные детьми. В основном они проповедуют трудолюбие, дружбу, взаимопомощь, честность, верность и т.д. В отличие от взрослых, у детей сказки получаются примитивными, скелетными, лишенными словесной обрядности. Отрадно то, что через свои сказки дети пытаются научиться дружбе, послушанию, взаимопомощи, смелости и честности, правдивости. Современным сказкам, сочиненным детьми, свойственно особое «детское видение мира», детский взгляд на эстетические ценности. В сказках *«Пырыс ден коля»* – «Кошка и мышка», *«Шиште ден маска»* – «Дятел и медведь» (тексты даны в приложении) дети, используя в качестве своих героев-персонажей животных, отражают мотивы поведения и характеры своих сверстников. Например, в сказке «Дятел и медведь» семилетний автор Дима Абукаев удачно использует образы дятла и медведя, чтобы раскрыть приобретенные знания об окружающей природе. Во всех других сказках, созданных детьми, присутствуют мотивы традиционных сказок, заимствованных из художественной литературы. Сказки, сочиненные детьми для детей, лишены словесной обрядности, наивны и прямолинейны. По большому счету, детское сказочное творчество – это продолжение вековых народных традиций.

Итак, сказки содействуют развитию творческой фантазии детей. За долгие столетия своего существования народная сказка вобрала в себя чувства и мысли многих поколений, обобщила социальный и художественный опыт миллионов людей и потому приобрела такие идейно-художественные достоинства, такую глубину содержания и совершенство поэтической формы, что в настоящее время может служить одним из важных средств социального, нравственного и эстетического воспитания молодежи.

Страшилки

В ряду жанров марийского детского фольклора жанр страшилки – *лӱдыктыш*, короткие устные рассказы со «страшным» сюжетом и, как правило, трагическим исходом – обыкновенно рассматриваются как жанр относительно новый и собственно детский, т.е. отражающий характерные особенности детской психологии.

Страшилки по русской терминологии «былички» соответствует марийскому названию *ужмо-колмо* (увиденное-услышанное). «Подобные повествования по своим композиционным и художественным особенностям близки русским фантастическим рассказам о встречах с нечистой силой или загадочными явлениями в природе, вызывающими у людей страх перед непонятным и необычным в окружающем мире» (Киткаева, 1998: 26).

По сравнению с другими жанрами устной прозы в марийских страшилках наиболее полно отражены народные верования и представления о мифологических существах: чёрте (ия), колдунах (локтызо) и др. Язык страшилок краток, лаконичен и даже обыден.

При этом сама «страшность» страшилки получает психологическое объяснение, согласно которому рассказывание «страшных историй» есть своего рода психотренинг, необходимый ребенку для того, чтобы научиться «сохранять в любой обстановке ясность ума, самообладание, способность действовать» (Мельников, 1987: 29).

«Это объяснение, идущее от Л.С.Высотского и К.И.Чуковского, аналогичным образом формулировавших идею безусловной полезности детской абсурдной поэзии, закономерно превращает и современную страшилку в нечто на самом деле нестрашное, псевдострашное, что, по-видимому, так или иначе связано с убеждением в ее основательной отдаленности от архаической традиции» (Тихомиров, 1990: 63).

Исследователи всегда уделяли должное внимание силе и средствам воздействия страшилок на аудиторию. В репертуаре исполнителей страшилки всегда занимали более скромное место, чем сказки. Постепенно страшилки-былички начали исчезать из взрослого репертуара и заняли определенное место в детском репертуаре. «Сверхъестественные события, фантастические образы сказок и страшилок также «реальны», «объективны». Поэтому страшилки активно бытуют в репертуаре современных детей, что не дает им окончательно разрушиться, а для суеверных рассказов начали использовать термин «страшилки» – *лӱдыкш*, *лӱдыктыш* (Киткаева, 1998: 28).

В настоящее время в репертуаре марийских детей большой популярностью пользуются фантастические истории о сверхъестественных событиях, о каком-либо страшном ужасном явлении. Дети не только с большим интересом слушают страшилки, но и сами их охотно рассказывают. Их привлекают тексты, в которых упоминаются имена знакомых или названия родных мест, они воспри-

нимают страшилку как сказку, происшедшую в действительности. Поэтому в их интерпретации страшилки (былички) сохраняют свои традиционные черты. Например, одна их страшилок современных детей: «Это случилось с парнем из нашей деревни. Он ходил на свидание к девушке, но однажды она не вышла на свидание. Парень ждал-ждал ее, не дождался и пошел обратно. А время было около полуночи. У деревни Иван-Сола ему навстречу вышел большой стог. Был стог черный-черный и двигался на него. Он очень сильно испугался и стал материться (ругаться), и стог после ругани исчез. Парень долго не мог прийти в себя. Старые бабки сказали, что это ия (черт) напугал его, а это к несчастью, поэтому он и заболел» (Иванова Таня, Куженерский район.)

«Страшилки – компилятивный жанр, образовавшийся на стыке гетерогенных суеверных явлений: сказочной традиции; суеверной прозы; бытовых, культурных реалий современности...» (Мухлынин, 1982: 135).

В страшилках могут быть использованы традиционные для быличек образы подземного существа – вувер, наводящего порчу – локтызо, хозяина дома, домового – пӧртоза, ведьму – овда, мертвеца – колышо, черта – ия – эти мифологические персонажи чаще других встречаются в рассказах детей.

«Для страшилки характерен острый трагический конфликт, который развивается на основе противостояния и борьбы двух традиционных фолк-

лорных систем: «добра» и «зла». Систему «добра» могут олицетворять мальчик, девочка, семья, группа лиц, которых «зло» стремилось погубить. «Зло» может быть представлено либо одушевленными образами (мачеха, старик, ведьма), либо неодушевленными (пятно, шторы, перчатки), за которыми, однако, скрывается одушевленное существо – элемент превращения» (Мельников, 1987: 78).

По характеру разрешения конфликта Г.И.Мамонтова выделяет несколько групп страшилок:

1. страшилки с трагическим исходом: «зло» побеждает «добро»;
2. страшилки с благополучным исходом: «добро побеждает зло»;
3. страшилки эффекта. Конфликт в них, как правило, не разрешается, а нагнетание ужасов завершается неожиданным восклицанием типа: «Отдай мое сердце!» или «Отдай мою руку!»
4. страшилка-наоборот, т. е. страшилка, вызывающая смех (Мамонтова, 1981: 20).

Страшилки, как и сказки, оперируют определенным цветовым спектром. Из сказки в страшилку пришло определяющее развитие сюжета табуирование (запрет) и последующее за нарушением запрета наказание.

По мнению фольклориста М.В.Осориной, страшилки наиболее популярны среди детей в возрасте от 6-7 лет до 13-14. Страшилки называют жанром «истинно детского фольклора», потому что влияние взрослых на него минимально даже по

сравнению со считалкой и дразнилкой (Осорина, 1981: 26). В них чрезвычайно четко и своеобразно отразились многие характерные черты ранней детской логики, детского мышления и восприятия мира, которые часто взрослым непонятны. Они и определяют требование предельной напряженности, динамичности сюжета, ведущей к одноэпизодности страшилок, строгой последовательности событий. «Сюжетная схема страшилок проста и даже бедна, ей недоступна сложная комбинация мотивов, многоплановость действия» (Мельников, 1987: 78).

Современные тексты марийских страшилок часто сходны по содержанию и характеру с текстами русских страшилок. Здесь сказывается сильное влияние фольклора русского народа. Часто от детей можно услышать почти переводные тексты.

* * *

Анализ и сравнение произведений разных жанров детского фольклора показывают, что в целом они сохранили свой национальный характер, но отчетливо прослеживается и влияние фольклора соседних и родственных народов: русского, татарского, коми, удмуртского и др. Особенно это влияние ощутимо в считалках, загадках, играх, сказках. Интерес к марийскому детскому фольклору с каждым годом возрастает. Широкая организация собирательской работы, глубина изучения художественных особенностей жанров крайне необходимы.

О художественных особенностях марийского детского фольклора

«Язык, по мнению лингвистов, есть настолько неотъемлемая принадлежность нашей жизни, что мы воспринимаем его как нечто само собой разумеющееся и редко задумываемся над тем, что же собой представляет наш язык, как мы говорим на нем, как мы обучаемся говорить, с каких слов, с какого словарного запаса мы начинаем проникать в тайны чудесной речевой деятельности» (Гордеев, 1982: 81).

Тайна того, как ребенок овладевает языком, давно волнует людей. Этот вопрос интересует ученых с античных времен и до сегодняшнего дня. Одни в основе овладения языком усматривают имитативный принцип: ребенок слышит слова, выделяет по аналогии грамматические конструкции и подмечает, к каким ситуациям они относятся. Другие в овладении речью первостепенную роль отводят творческому активному познанию. «Деятельность ребенка языком, как отмечают многие исследователи – это прежде всего, процесс имитации не готового «впитывания», а процесс творческого познания, активного поиска связей, закономерностей, отношений элементов языка, поиск правил, по которым ребенок мог бы строить новые высказывания, т.е. такие, которые он не слышал от взрослых» (Шахнович, 1971: 17).

Сначала ребенок учится отличать звуки окружающего мира (скрип двери, шум дождя, голоса

животных, гудение машин и т.д.) от звуков, обращенных непосредственно к нему. Следующей ступенью познания ребенка является переход от звуковой или знаковой стороны языка к правильному функциональному употреблению его, т.е. к процессу осмысления знака.

К трем годам у ребенка появляется интерес к форме слова, к словотворчеству, к «эксперименту» со словом. Для психического развития ребенка дошкольного возраста характерно преобладание эмоционально-образных явлений. Для нас чрезвычайно важно выяснить, какими словами дети оперируют в начале своего языкового развития.

Как упоминалось выше, в марийской фольклористике устное детское творчество осталось практически вне поля зрения исследователей, малоизученными до нынешнего времени остаются и материалы марийского детского языка. Следует отметить статью языковеда Ф.И.Гордеева «Слова детской речи как предмет историко-этимологических исследований» (1982), в которой автор анализирует происхождение детских слов во взаимосвязи с языками финно-угорских и тюркских народов.

Например, детское слово *аки* (дер. Нюкта Мари-Турекского района) означает «вода», *аким* – «пить воду». В сочетании с глаголом *ышташ* это звучит *ак ышташ* – букв. «делать ак», т.е. пить воду. В мансийском языке *ах, ахт* означает «поток между двумя озерами». Соответствие ему мы находим и в чувашском детском языке: чувашское слово *ах* – «вода». По всей вероятности, чувашс-

кое слово *ах* этимологически восходит к марийскому *ак* (вода).

Изучение детской лексики филологами-фольклористами может принести интересные результаты в поиске слов, которые, изменившись или изменив значение, перешли в детскую речь. Например, в марийской детской речи есть красивое слово *чача* (игрушка). Слово *чача* имеется и в эстонском языке оно означает «цветок». В эстонском языке также имеется слово *пли*, которое употребляется в марийской детской речи как *пылыш* (ухо). Слово из марийской детской лексики *няня*, обозначающее пищу, какую-либо еду, в коми языке означает хлеб.

Еще несколько примеров. Междометие *апа* в детском языке луговых мари означает «огонь» или «горячо». При сопоставлении с коми языком выяснилось, что слово *апа* в этом языке обозначает выражение ощущения боли, а эстонское слово *appi* переводится как призыв «На помощь!».

Ньоной, *ньоньо* и *ньоньок* – это формы ласкового обращения к маленьким детям. Чувашское детское слово *ньанька* переводится как «молокосос»; коми слово *нень* – «соски», «грудь»; удмуртское слово *ноны*, *нонтны* – «кормить грудью», а финское слово *päppi*, *päppä* – «сосок». Подобное сопоставление свидетельствует о научной перспективности изучения детского языка с точки зрения филологических и исторических наук для решения прблем языка.

При рассмотрении лексического состава произведений детского фольклора обращает на себя

внимание его чрезвычайное разнообразие. Он складывается из лексики произведений собственно детского творчества, лексики произведений, предназначенных для детей, но исполняемых взрослыми и, наконец, лексики устно-поэтических произведений взрослого репертуара, утративших былое значение и перешедших со временем в разряд детских. Сохранению или развитию особенных лексических образований способствуют также и специфика произведений детского фольклора.

В детском фольклоре большое место занимает словотворчество самих детей. В своей речи дети легко образуют из обычных слов новомодели (морфологические формы), значения которых отличаются от исходных слов. Словотворчество детей подчиняется внутренним законам языка. Довольно часто используются суффиксальные новообразования, например: *аньыки-муньыки*, *ики-бики*, *икчит-кокчит*. Такие новые слова могут быть образованы при помощи созвучия или аллитерации:

Кылдирикым – мулдырикым,
Стадникым, сотникым,
Чере-чиньке, булдо-болдо,
Казанский – Юлдырик.

В этой считалке не имеющие смыслового значения слова *кылдирикым – мулдырикым*, *чере-чиньке*, *булдо-болдо* созвучны ритму производимого расчета. В своем словесном творчестве дети часто используют звукоподражания. Например, в приведенной ниже загадке-закличке так дается подра-

жание шуму дождя:

– Канаган калт-калт,
Янаган калт-калт,
Кужу пондаш шу-у-у...

Канаган калт-калт,
Янаган калт-калт,
Длинная борода шу-у-у...

Или подражание звуку трогающегося поезда, составленное из имен собственных:

– Сапан Йыван, Сапан Йыван,
Ондри Микита, Ондри Микита,
Тнапий! Тнапий!

Таким образом, эти не имеющие смысла звукоподражания, точно передают звуки происходящего.

В считалках, дразнилках к словотворчеству побуждают ритм, окантовка и необходимость внутристрочной рифмы:

– Ики-вики, кавалер,
Кугу мӱшкыр, полдыш нер.

В некоторых случаях дети, не имея в запасе значащего слова, прибегают к новым сочетаниям звуков, не несущих смысловой нагрузки. Например, дразнилка:

– Онтон-тон-тон,
Пырнявуй тын-тон.

или считалка:

– Ика-тика,
Мама-тика,
Шылдыр-шолдыр,
Шарачок!
Чайн-пойн, пани-руки
Ипай, Инай, лек!

В данном примере только последняя строчка, как выводящая фраза считалки, содержит смысловое значение «Ипай, Инай, выходи!».

Такие же изменения происходят и в заимствованных текстах. При этом иноязычные слова подвергаются звуковой обработке в соответствии с фонетическими законами марийского языка:

Акыты-Пакыты
Чукыты-пе
Амбуль-памбуль
Ду-ма-не
Икс-пикс
Пере-пукс, наус.

В произведениях, исполняемых взрослыми для детей, встречаются совершенно неупотребляемые в их обыденной речи слова: *ньоньо* (ребенок) (ср. лит. *йоча*), *няня* (кушанье) (ср. лит. *кочкыш*), *апа* (огонь) (ср. лит. *тул*), *пава* (рубашка) (ср. лит. *тувыр*). Иногда новые слова

создаются путем удвоения односложной основы какого-либо слова, например: «вӱвӱ» (вода) (ср. лит. вӱд); иногда с помощью уменьшительно-ласкательных непродуктивных суффиксов *-ко, -ка*: *коко* (гусь) (ср. лит. *комбо*), *кака* (грязь) (ср. лит. *лавра*); иногда используется прием упрощения слова: *ками* (конфетка) (ср. лит. *кампет*) и т.д.

В марийских детских пестушках и потешках часто встречаются звукоподражательные возгласы. Например:

Учики-вачики,
Учики-вачики,
Изи пыси ӱлнӧ,
Изи Мичу кӱшнӧ.

Учики-вачики,
Учики-вачики,
Маленькая кошка внизу,
Маленький Коля вверху.

Так обычно бабушки-дедушки забавляют маленького ребенка, качая его на ноге.

В марийских колыбельных песнях нередко упоминаются мифические существа *Кужу пондашан чӱчӱ* (Дядька с длинной бородой), *Кугу чӱчӱ* (Большой дядька). Эти существа играют роль пугала, обозначают нечто плохое, чуждое, незнакомое.

В языке марийского детского фольклора присутствует множество малопонятных слов и выражений, этимология которых остается не проясненной, а также несуществующих в современном языке форм. В считалках, дразнилках и закличках часто встречаются парные созвучные ритмически связанные слова. Примером сказанному может слу-

жить считалка:

– Шындыр-мындыр, чича-мачи,
Ика-мика, кока-мока, кума-мума,
Ныла-мыла, вича-мича, кута-рож.

Вторая часть этих парных сочетаний обычно непереводима вследствие утраты своего лексического значения и фонетической трансформации. В переводе на русский язык данная считалка звучала бы примерно так:

– Шындыр-мындыр, чича-мачи,
Один – мика, два – мока, три – мума,
Четыре – мыла, пять - мича, шесть – дыра.

Возможно, подобные считалки отражают древний охотничий обряд и связанные с ним воззрения людей. Вероятно, за этим стоит стремление древних марийцев скрыть свой истинный замысел от духов – хозяев стихий, в которых верили и которых в то же время боялись в далеком прошлом.

Лексическая особенность произведений марийского детского фольклора заключается в том, что в них наряду с общеупотребительными словами имеется целый ряд особых древних и позднейших напластований, раскрывающих в целом природу и специфику детского фольклора.

Каждый ребенок употребляет свои особые, созданные им самим слова, словосочетания и образные выражения. Без детских слов в обращении к ребенку взрослые не обходятся. Это целая наука, позволяющая четко отделить дефекты речи

ребенка от его вполне осмысленного словотворчества. Тогда станет возможным составление словарей, содержащих первое в жизни осмысленное слово ребенка, а также первую его полноценную фразу.

Детский толковый словарь – это совокупность слов, придуманных самими детьми для доступного им упрощенного общения, и слов, созданных взрослыми для уменьшительно-ласкательного общения с детьми.

На настоящий момент опубликованного детского толкового словаря нет ни на русском языке, ни на каком-либо из финно-угорских языков. Однако потребность в таком словаре ощущается постоянно. Свою лепту в составление детского толкового словаря вносят детские писатели. Большую работу в этом направлении на протяжении всей своей жизни вел К.И.Чуковский, книга которого «От двух до пяти» неоднократно переиздавалась в нашей стране. Традицию К.И.Чуковского подхватили другие писатели: Л.Пантелеев создал книгу для родителей «Наша Маша», Н.Носов в «Повести о моем друге Игоре» поместил словарь своего внука, содержащий 35 слов. Повестью о маленьком современнике «Кто ты, земля?» эстафету продолжил писатель М.Шевченко.

В марийской детской литературе детская лексика встречается в произведениях поэтов А.Мокеева, В.Крылова и др.

Заинтересовавшись детской лексикой, автор данной книги Петухова А.Н предприняла попытку

составления марийского детского толкового словаря. В него вошло около 100 детских слов и словосочетаний. Ниже в качестве примера приводится часть слов из этого материала, сбор которого продолжается. Подобный словарь может быть полезен в работе воспитателей и педагогов, а также может служить в качестве исходного материала для исследователей языка детей.

Имена существительные в детском языке не всегда даются в именительном падеже единственного числа, а глаголы не всегда стоят в неопределенной форме. Чаще всего они стоят в той форме, которая соответствует данному детскому речению.

Иногда одни и те же изобретенные детьми слова могут означать разные понятия: *чапа* – обувь, ноги, *чап-чап ыштем* – побью, *чапа-чапа* – шагать.

И наоборот, одинаковые понятия разными детьми и взрослыми могут именоваться по-разному: деточка – *ньога, колой, пачката, паярка.*

Работа над словарем еще не завершена. Пока он еще состоит из отдельных, отрывочных записей, полученных в основном методом наблюдения. Однако мы надеемся, что эти разрозненные записи, сведенные воедино, смогут все же дать некоторое представление о развитии языка ребенка. Слова даны на луговом наречии марийского языка с переводом на русский язык.:

Детский словарь

1. Слова, обозначающие предметы:

ньога, колой, пачката, паярка, ньонъо / йоча – ребенок;

ава / ава – мама;

атьа (атя) / ача – папа;

вово / кова – бабушка;

чочо / коча – дедушка;

чапа / йол – ноги;

чап-чап / йолчием – обувь;

пли / пылыш – ухо;

киза / кид – руки;

пыси / пырыс – кошка;

ам-ам / пий – собака;

мӧ-мӧ – большой зверь;

чизаш – пустышка;

попо / шовыч – платок;

пово, пава / тувыр – рубашка;

качи, кази / каза – коза;

кака – бяка;

мака – глупый;

му, мӧ / ушкал – корова;

чук-чук / сӧсна – свинья;

чача / модыш – игрушка;

няня / кочкыш – еда;

ажи / йӱштӧ – холодно;

апа / шокшо – горячо;

аш / йолаш – штаны;

вӱвӱ / вӱд – вода.

2. Слова, обозначающие действия:

чи-чи каена – идем на улицу;
чип-чип каена – в баню идем;
чап-чап ыштем, чачем – побью;
чысыкташ – посикать;
нямеш – кушает;
тпрäӱ нямеш – молоко пьет;
коком нямам / парентгым кочкам – кушаю картошку;
ам-ам ышташ – кусать, кушать;
папа – спит;
аш / йӱаш – пить;
удуппа, аппа / кынелаш – вставать;
чик-чик ышта / чыгылта – щекотит;
тӱтӱт кая / кудалеш – едет (на машине);
пучук кает – упадешь;
чапа-чапа каяш – шагать и т.д.

Использование междометий

Междометий – это одна древнейших частей речи в языках финно-угорской группы. Как объект научного исследования междометие может служить источником ценных сведений по истории языка. Без междометий не обходятся произведения ни одного из жанров марийского детского фольклора, начиная с колыбельных песен и завершая сказками. По мнению исследователей-лингвистов, междометия или подражательные слова больше всего распространены в волжско-пермских языках, особенно в марийском и удмуртском, несколько меньше – в коми и мордовских языках. Встречаются внешне общие для финно-угорских, тюркских и других языков онома-топоэпические слова.

Междометия по своему характеру подразделяются на две группы: в первую входят междометия, выражающие эмоции, во вторую – императивные междометия. Каждая из этих групп генетически весьма разнообразна. Значения эмоциональных междометий типа *ай, эй, э-э-э, о-о-о, уй-й, м-м-м*, как правило, определяются не столько составом фонем, сколько интонацией. Несомненно, они были известны носителям финно-угорского языка-основы и древним марийцам. Междометия этой группы встречаются во многих языках различных генеалогических систем и в ряде случаев полностью совпадают по своему значению. Эмоциональные междометия образуются путем перехода из других частей речи: имен существи-

тельных, глаголов, наречий, местоимений, а также целых фразеологизмов.

Императивные междометия этимологически восходят обычно к тем или иным названиям животных, птиц и т.д. В качестве примера возьмем марийское подзывное слово для лошадей *ло-ло-ло* (с.Арбаны). Сопоставляем его с венгерским «lo» (logvat) – «лошадь», «конь». Мансийское слово «lo» (lokuv) также означает «лошадь». По-марийски «лошадь» – имне. Название животного, давшего начало междометию, слову подзыва, не сохранилось, но его удалось обнаружить в других родственных языках. Исследование междометий вообще, и используемых для подзыва и отгона животных в особенности, является важным. Оно неразрывно связано с изучением истории становления марийской лексики. Язык в диалектах донес до нас застывшие императивные (императив – повелительное наклонение) междометия, обращения к животным, птицам, а также названия животных и птиц. В этих словах-междометиях отразилась история связи древнемарийских племен с соседними. Об этом же свидетельствует и лексика детской речи. Простейшие марийские колыбельные песни полностью состоят из междометий, которые передаются ребенку пением, свистом, бормотаньем, писком и т.д. При этом наблюдается своеобразное пропевание звуков, как гласных, так и согласных.

– *О-о-о-о-о,*
– *Ш-ш-ш-ш,*
– *Фӱ-фӱ-фӱ.*

В частности, гласными переднего ряда выражаются более слабые и нежные действия, а

гласными заднего ряда более резкие.

«Подражательные слова, – по мнению Н.И.Ашмарина, – произносятся более повышенным тоном, чем другие разряды слов» (Ашмарин, 1918: 145). Углубляя это положение, Г.В.Корнилов отмечает, «что междометия в речи выражаются сразу по трем признакам: высотой тона, силой голоса и просто произношением, а не только повышенным тоном» (Корнилов, 1977: 63).

Тон же не обязательно должен быть «повышенным», он может быть сознательно «пониженным», главное – иным тоном. Тон, сила голоса и скорость произношения создают особый мелодический рисунок. Именно мелодический рисунок с разными тонами выражения особенно важен при исполнении пестушек.

Приводим примеры встречающихся междометий в потешках и пестушках:

1. Кус-кус-кус-с-с, – говорят, поглаживая младенца во время потягивания;

2. Туп-туп-туп... Сукыржо кӱын уке-е?, – похлопывая малыша по спинке;

3. Учики-вачики, учики-вачики, – качая ребенка на ноге;

4. Куп-куп-куп, куп-кувырдик, кувырдик, – во время «катания» ребенка на плечах или спине;

5. Трли-Онтон, трли-Онтон... (и так бесконечно), – держа ребенка на коленях, под звуки плясовой музыки взрослый имитирует танец.

Большое место звукоподражание занимает и в марийских детских закличках и приговорах.

Так, например, закличка о солнце почти полностью состоит из междометий:

– Канаган-калт-калт.
Янаган-калт-калт.
– Канаган-кап-кап.
Кухху пондаш-шу-у-у.
Янаган-кап-кап.

Длинная борода шу-у-у.
Канаган, кай-кай,
Канаган, уйди-уйди,
Янаган, кай-кай.
Янаган, уйди-уйди.
Чевер кече, лек!
Ясное солнышко, выходи!

Или другая, обращенная к ласточке:

– Тит-тит-тура.
Тит-тит-тура.
Комантару-ватру.

Широко используются междометия и в игровом фольклоре. Нередко действие в игре сопровождается возгласами и словами. Скатываясь с ледяной горки, например, традиционно говорят:

– Ӳярня йор-йор,
Кутан лор-лор.
– Масленница йор-йор,
Заднница лор-лор.

Многие марийские детские считалки состоят почти полностью из междометий, их практически невозможно перевести на русский язык:

– Чий-чий-чичала,
Чича-мачи чавала,
Икчий-кокчий,
Таганчий,
Таганчи, моя есть!

Объясняется это тем, что произведения различных жанров детского фольклора, состоящие из одних междометий, или содержащие большое их количество, связаны с системой запретов, бытовавших среди марийцев. Нельзя было вслух произносить имена людей, называть птиц, животных, высказываться о своих желаниях и намерениях.

Самый богатый по использованию междометий жанр – это загадка. Большинство текстов марийских загадок полностью состоят из междометий, звукоподражаний. Например, загадка о зайце:

– Чылдым-чылдым, лаптым парня пасмырля.

Или о белке:

– Этыш-этыш шуэтым,
Чика рика йылметым,
Казна капка почедыш.

Подражательные слова генетически могут восходить к различным источникам. Одни – собственно марийского образования – имеют ономато-поэтическое происхождение. Другие имеют те или иные соответствия в родственных

языках, а третьи подражательные слова представляют заимствования из языков соседних народов.

Звукоподражания, внутренние и спонтанные образования языка дают ключ к разгадке происхождения значительного количества слов. Подражательные слова и междометия представляют также интерес при изучении словарного состава языка и пополнения словаря повседневной жизни. В произведениях марийского детского фольклора междометия украшают текст, делают его более привлекательным, колоритным.

Междометия, используемые в пестушках, потешках и загадках

1. Бо-бо-бо! До-до-до! – Подзывание лошади.
2. Бах! Бах! – Бодается баран.
3. Бырзым дыр-дыр,
   Бырзым дыр-дыр,
   Чикоп-коп,
   Чикоп-коп. – Шум свадьбы.
4. Лак-лак-лак,
   Ларт-ларт-ларт,
   Вак-вак-вак. – Крик утки.
5. Вучи-вучи-вучи,
   Ви-ви-ви. – Подзывание уток.
6. Го-го-го. – Гусиный гогот.

7. Кагак-кагак-кагака.

8. Дига-дига-дига. – Подзывание гусей.

9. Кож-гож-гож. – Шум леса.

10. Коа-коа-коа. – Крик вороны.

11. Дыр-дыр-дыр, – Звук движущегося
Выр-выр-выр, автомобиля.
Йўр-йўр-йўр.

12. Дўр-дўр-дўр. – Раскат грома.

13. Дыр-дыр-дыр. – Земля трясется.

14. Лўп-лўп-лўп. – Чувствуется на воздухе

15. Дўб-дўб-дўб, – Звук барабана.
Тўп-тўп-тўп.

16. Кыте-мыте, кырча-кырча.
– О чем-то незначительном, пустяках.

17. Кыт-кыт-кыт.
– Подзывание петухом кур.

18. Вуж-вуж-вуж. – Свист ветра.

19. Колдыр-голдыр.
– Звук бубенчика у коровы.

20. Кочырт-кочырт.
Шокырт-шокырт. – Скрип сапогов.

21. Кульдыр-гульдыр.
Кульдыр-гульдыр. – Крик индюка.

22. Кыдек да кыдек. – Кудахтанье кур.

23. Кылдырым-кылдырым.
Кылдин-кылдин. – Звон гуслей.

24. Кытыр-кытыр. – Царапанье кошки

25. Кэкрек-крэк-эк! – Крик петуха.

26. Лонгыр-лонгыр, лон-лон
Йынге-йонго, йон-йон-н.
– Звон колокола.

27. Лыт-лыт-лыт. – Смех.

28. Лыптек-лыптек.
– Звук при просеивании муки.

29. Йурткульдым.
– Звук прыгающей лягушки.

30. Мыгыльдым-мыгыльдым да мыгымдык.
– Про зайца, который бежал да сел.

31. Мыклык-моклык.
– При покачивании зыбки.

32. Тили-тили, тьоп-тьоп-тьоп.
– Пение соловья.

33. Шиште – Чок-чок. – Дятел.

34. Киса – Выр-выр. – Синица.

35. Тульуль-льуль,
Тульуль-льуль. – Крик журавля.
36. Чылдым-чылдым,
Лаптым парня пасмырля.
– Про зайца.

37. Цип-цип цивилдик,
Коп-коп коволдик
Кошай вате буладик.

38. Чыви-чыви, кана-вана, кӱчык нер.
– Про утку.

39. Лыптыр-лаптыр Пигельде.

Детский фольклор как средство народной педагогики

Фольклор – сокровищница не только народного поэтического слова, музыки, но и народной педагогической мысли. Именно в фольклоре тысячелетним народным педагогическим опытом страны отобраны самые естественные и необходимые формы развития речи, музыкальных и поэтических способностей, логического и образного мышления, смекалки, юмора, трудовых и физических навыков. И не просто отобраны, как сумма неких сухих методических приемов, а воплощены в художественной форме.

Фольклор – это художественная педагогика, воспитание словом, музыкой, движением, ритмом. Это система эстетического воспитания детей, которую мы еще только пытаемся осуществить в школе с помощью изучения литературы и искусства. В фольклоре эта система заложена изначально. «Народная педагогика, воплощенная в фольклоре, попросту не знает иных методов и форм, кроме эстетического воспитания. Причем, не только для избранных, наиболее одаренных, а для всех» (Калугина, 1990: 83).

«Задачу вырастить свою смену умной, смелой, доброй, трудолюбивой жизнь ставила не только перед нами, нашими отцами и дедами, но и перед дедами наших дедов – в веках и тысячелетиях. И века и тысячелетия решалась эта задача: осмысление, сохранение и передача следующим поколениям не только того всеобщего, на чем только зиждется все человечество, но и

того частного, что составляет неповторимое лицо каждого народа» (Васильцова, 1983: 24).

Народная педагогика – это система принятых в данной местности данным народом приемов и методов воспитания, которые передаются от одних поколений к другим и усваиваются ими, прежде всего как определенные знания, умения и навыки, приобретенные людьми в процессе жизни. Народная педагогика проявляется в законах морали. Существуя со времени возникновения человеческого общества, колыбельная песня впитала в себя вековые обычаи и требования, предъявляемые к воспитанию детей.

Виктор Астафьев писал: «Если у человека нет матери, нет отца, но есть родина – он еще не сирота. Все проходит: любовь, сожаление о ней, горечь утрат, даже боль от ран проходит, но никогда-никогда не проходит и не гаснет тоска по родине. Родина – это все и прежде всего язык, природа, древняя история своей страны, ее праздники, народные песни, память о предках и уважение к родителям, а главное – труд, творческий, созидательный, труд во имя своей страны, своего народа» (Цитир. по: Васильцова, 1983: 17).

С помощью каких средств народная педагогика взращивает в душах детей чувство любви к Родине, чувство причастности к окружающему миру?

Веками на земле народ просеивал через невидимое сито создаваемые духовные и нравственные ценности, и то, что, пройдя испытание

временем, дошло до нас, нам особенно дорого. Вот почему мы должны хранить и оберегать старые колыбельные песни, народные пословицы, поговорки, национальный костюм, свой родной язык. Язык питает корни патриотических чувств. Язык, который усваивает ребенок через народные песни, музыку, через игры и игрушки, которыми он забавляется в младенчестве, через восприятие природы родного края, труда, быта, нравов и обычаев своего народа. В образах, звуках, красках и в эмоциях предстает пред человеком Родина в детстве. Любовь к Родине зарождается в самом раннем возрасте, именно этот период развития ребенка отличается особой восприимчивостью.

Отмечая удивительную силу первых детских впечатлений, видный собиратель фольклора П.В.Киреевский говорил, что тот, «кто не слышал народной песни над своей колыбелью, и кого ее звуки не провожали во всех переходах жизни, у того, разумеется, сердце не встрепенется при ее звуках, она ему ничего не напомнит» (Цитир. по: Волков, 1999: 23). Не имея представлений о существовании памяти детства, о психологическом портрете ребенка, который складывается в первые пять лет его жизни, тысячелетиями матери отдавали своим детям лучшие порывы души, самые нежные слова и мелодии. В любой культуре нежность, ласка, любовь, внимание к детям исходит прежде всего от женщины. Возникает вопрос: способен ли ребенок на первом, втором году жизни понять содержание песни? Народная педагогика основана на вере в то, что ребенок с первых дней своего

рождения мыслит, что материнская песня западает в его душу и со временем непременно отзовется в ней.

Польский педагог-гуманист и писатель Януш Корчак в своей книге «Как любить ребенка» писал: «Крайне любопытен рефлекс страха у существа, столь далекого от понимания опасности, когда новорожденный во время купания вздрагивает и взмахивает руками, теряя равновесие, как бы говорит: «Боюсь!» или даешь грудь – не берет, как бы говорит: «Не хочу!» Протягивает руку к желаемому предмету: «Дай!» Тянется за чем-нибудь, с трудом достает и глубоко вздыхает – этим вздохом облегчения он говорит: «Наконец-то!». Не эти ли примеры того, что ребенок врожденным своим чутьем прекрасно понимает и упорно стремится овладеть тайной окружающего мира, неведомыми стихиями, откуда исходит добро и зло, желает одолеть враждебные силы и заставить служить на благо добрых духов. У него есть два занятия, которыми он пользуется, прежде чем завоюет третье чудесное орудие воли: свои руки. Эти два занятия – крик и сосание.

Младенец мыслит ожиданием приятных впечатлений и боязнью неприятных, не только зрительными, но и звуковыми образами. Об этом можно судить хотя бы по заразительности крика: крик, сопровождающийся улыбкой, или крик, выражающий неудовольствие» (Корчак, 1990: 40).

Все начинается с далеких отголосков уличного шума за окном, тиканья часов, разговоров и шорохов и, кончая обращенными

непосредственно к ребенку словами, – все это создает хаос раздражений, которые он должен понять и классифицировать для себя. Сюда следует отнести звуки, которые издает сам ребенок: крик, агуканье, гуление.

Прежде чем он научится различать свои звуки и звуки окружающего мира, пройдет много времени. Когда он лежит и произносит свои звуки и т.д., он слушает и исследует свои ощущения, которые он испытывает, шевеля губами и языком, напрягая гортань. Когда к младенцу обращаются на его собственном языке: *«агу, авва, адда»* и т.д., он с удовольствием концентрирует внимание на существе, издающем знакомые звуки.

Знакомая, ласковая колыбельная мелодия, многократно повторяющиеся в ней знакомые уже слова, например: «учи-учи-учики», «вачи-вачи-вачики», закрепляются в памяти ребенка навечно.

Лежа в колыбели, ребенок изучает свои руки: сгибает и распрямляет их, размахивает, растопыривает и сжимает их в кулачки, берет погремушку, перекладывает ее из одной руки в другую, сует в рот, вынимает, разглядывает – и все это сосредоточенно и без спешки. Это не игра, а волевой процесс постижения неведомого, его можно сравнить с ученым в лаборатории, ищущим решение проблемы величайшей важности, которое от него ускользает.

Ребенок оперирует сведениями и средствами, которыми он располагает. Совершая ошибки, обобщая отдельные явления, он устанавливает причинно-следственные связи. Не в этом ли,

например, источник интереса и симпатии к башмачкам *«чап-чап»*, которым он приписывает способность ходить самостоятельно – *«чап-чап кая»* («башмачки идут»). Так и пальто наделяется волшебным свойством переносить из дома в мир чудес – на прогулку – *«чи-чи каена»* («гулять пойдем»).

Наблюдать за развитием интеллекта младенца неимоверно трудно, ибо младенец помногу раз усваивает и забывает: процесс продвижения сочетается с периодами затиший и отступлений. Именно это – изменчивость самочувствия – играет главную роль в данный период его жизни.

Как же идет развитие ребенка? Это зависит от природы его потребностей и от развития дарования, от любознательности и воображения, от того, как взрослые будут стимулировать развитие любознательности и воображения ребенка на самом раннем, младенческом этапе его жизни. Развивать внутреннюю потребность изучения окружающего мира нужно именно в колыбельном возрасте. Очень важно не упустить это благоприятное время

Мать, приучившая своего ребенка с самого раннего возраста слушать колыбельные песни, радоваться веселым пестушкам, потешкам и прибауткам, в будущем может рассчитывать на его развитое воображение, любознательность, нацеленность на добро.

Очень важно еще в раннем детстве составить многолетнюю программу развития ребенка. Согласно вековой мудрости народа, в раннем

детстве на воспитание человека влияют два основных фактора: мать и ее колыбельные песни.

Летчик-космонавт Андриан Николаев как-то сказал: «Человек, если он помнит главные песни своего народа, никогда не перестанет быть его настоящим сыном. Пусть даже возникнут трудности с материнским языком... Благодаря поэтическим словам и красивым мелодиям, они оказывают на чувства и сознание детей сильное влияние и надолго сохраняются в их памяти» (Волков, 1999: 89).

Через колыбельную песню младенец получает первые понятия об окружающем мире. Трудно сказать, когда именно пробуждаются в человеке добрые начала, возможно, решающим фактором их пробуждения являются доброта и любовь матери. Главное содержание колыбельных песен – любовь матери к своему ребенку, ее мечты о его счастливом будущем. Для этого мать использует поэтические образы птиц, диких и домашних животных, забавных или страшных, мифологических существ, приходящих в песне к колыбели ребенка.

– Меранг иге
Кож йымалне мала,
Маска иге
Вынемыште мала,
Изи кайык
Пыжашыште мала,
Изи Саша
Маленький Саша

Шöпкаште мала.

– Зайчонок
Под елкой спит,
Медвежонок
В берлоге спит,
Маленькая птичка
В колыбели спит.

В колыбельной песне нежность, любовь матери к ребенку проявляется с необыкновенной силой, концентрированно: ребенка называют «милым», «пригожим», «серебряной крошечкой», употребляются разные варианты ласкательных имен. В песнях нежность переносится и на окружение ребенка, в них фигурируют и «котенька-коток» и «псиям-псиям», и «птичка», и «зайчонок» и т.д.

В марийских колыбельных песнях обычно повествуется о самых близких ребенку людях, перечисляются все члены семьи, говорится о делах и заботах отца и матери, причем все они изображаются в процессе труда: «отец ушел на охоту, мать пошла в поле», «дедушка рубит дрова, бабушка доит корову» и т.д. И сам младенец в песне подается как будущий их помощник. Поется о том, как важно в повседневной жизни трудиться, и чем будет заниматься сам малыш, когда станет взрослым. А плачущего ребенка, покачивая колыбель, утешают, рисуя приятную, светлую перспективу: мать ушла в лес – ягод принесет, отец на базар поехал – пряников привезет.

В колыбельной песне матери рассказывают

об окружающей жизни, вслух размышляют о ее цели и смысле, повествуют о своих печалях, радостях и заботах. Мать в колыбельной песне дает выход своим чувствам, получает возможность выговориться, высказаться и в какой-то мере психологически разрядиться.

У колыбельных песен нет конкретных авторов, их создает народ. В устах мамушек и бабушек, вынянчивших не одного ребенка, колыбельные получали свою интерпретацию, художественную обработку. Совершенствуя народные творения, исполнительницы возвращали их обратно народу.

Талантливые создатели и исполнители колыбельных песен одновременно были и галантливыми любящими детей педагогами. Дело тут не только в том, что без любви к детям невозможно создать прекрасные колыбельные песни, но и в их непосредственном воздействии на ребенка. Колыбельная песня никогда не исполнялась просто так, она имела четко определенную цель – убаюкать младенца. Сочетание таланта поэта с талантом педагога было характерным явлением в народе. Если лучшими создателями колыбельных песен могли быть и воспитатели чужих детей, то лучшими их исполнителями могли быть только матери. В этом смысле материнское чувство совершенствовало поэзию и музыку народа, сокровенные движения души человека, его духовное богатство. Поэт Расул Гамзатов называет песни матери источником и семенами поэзии, которые она сеет в чувствах и

мыслях ребенка.

Исполнение колыбельных песен традиционно сопровождается покачиванием колыбельки, что, по мнению Рочева, «в древности могло иметь значение магического ритуала» (Рочев, 1972: 147). Как уже отмечалось, главное содержание колыбельной песни – любовь матери и ее мечты о счастливом будущем своего ребенка. Колыбельная песня – это пожелание матери. Колыбельные разных народов свидетельствуют о том, что пожелания могут быть самыми разными. Так, например, в эрзянской колыбельной мать желает ребёнку заснуть *«сном старой свиньи»*. «Не связано ли это с древним обычаем бросать в люльку горсть соломы перед тем, как первый раз положить в нее ребенка, чтобы он спокойно и крепко спал» (Гребле, 1960: 46). Этот обычай существовал у латышей. А марийцы всю постельку в люльке стелили из соломы или из наземной сухой травы *«йожгашудо»* – вейника. Называлась эта постелька *«кож-гож»*, т.к. сухая трава издавала характерный шуршащий звук. *Йожгашудо*, по поверьям мари, имела магическую силу оберега. У марийцев колыбель (люлька) называется *«шепка»* или *«лепш»*. Различие состоит в том, что *«лепш»* – это переносная люлька продолговатой формы, сделанная из липового луба. Дно ее большей частью было сетчатое, плетеное из луба молодых липок. Липа у марийцев считалась священным деревом. В священных рощах молились у самой высокой старой липы. Женщина-марийка в прошлом носила ребенка всюду с собой: в поле,

на работу, в гости и т.д. Люлька *«лепш»* была удобной для переноски ребенка. Стремясь оградить ребенка от страха, нечистой силы, сглаза, порчи, на дно люльки клали рябиновую ветку. Этнографы считают, что рябина у марийцев, так же как и у других финно-угорских народов являлась важным магическим атрибутом.

Колыбель *шушка* (зыбка) традиционно подвешивалась веревочной петлей на специальную жердь *кӱшкс вара (очш)* (*Молотова, 1993: 85*).

Следует отметить, что колыбельные песни, связанные с культом деревьев (рябины, липы), не сохранились, а магическая функция этих оберегов в наши дни не осознается как реликтовое явление

В условиях современного города не столь страшно, что ребенок не может отличить яблоню от груши, если на них нет плодов, что не различает цвет по их цвету, а цветы видит только на клумбах. Другое важно: научили ли его родители понимать и чувствовать, что мир – это не только квартира, пусть даже самая комфортабельная, не только семья, даже самая большая и дружная, мир – это цепочка поколений, которые, трудясь на земле, создавали ее красоту, которые своими трудами, как по ступеням, возвели нас на наши этажи, не как на вершину, а для шага в будущее, для сохранения следующего звена цепочки жизни.

Помним ли об этом мы, взрослые в суете наших будней? Передадим ли эту память о наших предках своим детям? И кто, кроме нас, родителей, передаст им духовные богатства своего народа? Таким сокровищем является мудрая народная

педагогика, бабушкина педагогика, которая вобрала в себя целый мир, чтобы сильнее напитать целебными соками жизни росток детского сознания.

«Материнским своим чутьем, опытным глазом бабушка первой видит в неуверенных шагах и лепете младенца его характер, воспринимает его не как прожорливый комочек, а как Человека. Осторожно, ласково она вводит юное существо в Мир» (Васильцова, 1983: 18).

Наивно было бы полагать, что одними средствами народной педагогики сегодня возможно разрешить все сложные проблемы современного бытия. Однако можно с уверенностью сказать, что в опыте наших отцов и дедов, мам и бабушек сконцентрирована такая мудрость, зерна которой и в наш век прорастут и дадут добрые всходы в душе ребенка.

К великому сожалению, колыбельные песни неуклонно уходят из жизни. Современные молодые мамы редко знают старинные колыбельные. Изменился бытовой уклад жизни, и современный ребенок лежит уже не в колыбели, а в кроватке, его теперь не принято качать, но нравственные установки колыбельных песен не утратили своего значения, и поэтическое слово по-прежнему способно воздействовать на ребенка. С пеленок малыш впитывает колорит национального певческого языка, учится отличать обычную разговорную интонацию от музыкальной.

Наивно было бы полагать, что одними средствами народной педагогики сегодня возможно разрешить все сложные проблемы современного

бытия. Однако можно с уверенностью сказать, что в опыте наших отцов и дедов, мам и бабушек сконцентрирована такая мудрость, зерна которой и в наш век прорастут и дадут добрые всходы в душе ребенка.

К великому сожалению, колыбельные песни неуклонно уходят из жизни. Современные молодые мамы редко знают старинные колыбельные. Изменился бытовой уклад жизни, и современный ребенок лежит уже не в колыбели, а в кроватке, его теперь не принято качать, но нравственные установки колыбельных песен не утратили своего значения, и поэтическое слово по-прежнему способно воздействовать на ребенка. С пеленок малыш впитывает колорит национального певческого языка, учится отличать обычную разговорную интонацию от музыкальной.

В развитии современной педагогической науки основной упор делался на поиск новых направлений, методов и приемов, что является вполне оправданным и закономерным явлением. Однако новое без старого, без преемственности традиций ведет к подрыву собственных корней, к воспитанию «Иванов-родства-непомнящих». Так приходит расплата за пренебрежительное отношение к благотворным народным традициям в воспитании. Недаром же народная мудрость гласит: «Не стреляй в свое прошлое из пистолета будущее выстрелит в тебя из пушки».

Большего внимания заслуживают такие средства воспитательного воздействия, как пестушки и потешки – короткие стихотворные припевы, которыми сопровождают движения

ребенка при пестовании. Так, например, матери-марийки, когда младенец потягивается, поглаживают его, при обыкновенных потягушеньках высказывают пожелание:

– Кус-кус-кус.
Йогыжо йол мучашке йоген кайыже.
Пиалже вуй мучашке кӱзыжӧ
Ӱдыремже – каче помыш.
Эргымже – ӱдыр помыш.

– Кус-кус-кус.
Лень пусть стекает к ножкам.
Доченька – за пазуху жениху.
Сыночек – за пазуху невесте.

Используемое в пестушках междометие *кус-кус-кус* восходит к повелительной форме глагола *куш* – «расти». Дается установка на трудолюбие, активность: *«Йогыжо йолмучашке йоген кайыже»* («Пусть лень стекает к ножкам»). Ласковый массаж, сопровождаемый веселой незатейливой песенкой, вызывает у ребенка бодрое, веселое настроение. В марийских пестушках учитываются все основные этапы физического развития ребенка. Это, к тому же, наилучший способ развития координации движений, своеобразная народная аэробика. Делая определенные упражнения с ножками и ручками младенца, мать или бабушка вместе с тем закладывают в его сознание первые понятия о трудолюбии, честности, справедливости. Ребенка естуют, например, такими словами:

– Сорока-белобока
Кашу варила,
Детей накормила.
Этому дала,
Этому дала,
Этому дала.
А этому,
Самому ма-аленькому, не дала.
– Воду не носил,
Дрова не колол.
Нет тебе каши!

Как в жанровом отношении квалифицировать это произведение детского фольклора: пестушка, потешка, прибаутка или считалка? И то, и другое. Более того, это почти доступная младенцу поэтическая сказка. И самый первый в жизни ребенка гимн труду и театр одного актера: бабушка или мама выступает и в роли сороки, и в собственной роли, и в роли рассказчика, режиссура тоже ее. Великий воспитатель – родное слово! Никакая книга, никакой магнитофон, никакой телевизор никогда не сможет заменить непосредственное общение с матерью. «Сорока-белобока» – это одна из самых известных русских пестушек. Многовариантность, подчеркивая индивидуальное творчество каждого рассказчика, свидетельствует о том, что в воспитании детей вкладывается душа.

При исполнении марийской потешки *Кӧн пылышыже?* (Чье ухо?) взрослый, держа ребенка

за ухо, спрашивает: «Чье ухо?». Получив ответ, задает следующий вопрос:

– Чья рука?
– Что в руке?
– Что купишь?
– Конфетку.
– С кем съешь?

Если ребенок отвечает: «Один», его теребят за ухо, приговаривая: «Не ешь один!». У марийцев принято так, что, если взрослый дает ребенку конфеты, пряники и т.д., то обязательно должен вручить две или более, чтобы ребенок мог угостить других.

В фольклоре марийского народа есть поэтические произведения на все случаи жизни ребенка, для всех основных этапов его развития. Велик и гениален народный эпос, адресованный ребенку.

Значительное место в жизни крестьянских детей занимали различные заклички и приговорки. Песенные заклички и словесные приговорки были преисполнены веры в могучие силы земли, неба и воды. Они приобщали крестьянских детей к жизни и труду. Закличка наполняла детское сердце той же, что и у взрослых, надеждой на обильный урожай, достаток и богатство. Марийские дети рано приучались разделять печали и радости, труд и заботы взрослых.

Для развития речи в народной педагогике существует народная логопедия – скороговорки. Незаметно и ненавязчиво уже к трем-четырем годам

от роду ребенок оказывается вполне подготовленным к самостоятельному словотворчеству. Пройдя необходимую музыкально-поэтическую школу, он получил представление о ритме и рифме.

Если поэзия пестования закладывала основы эстетического воспитания, то сказки – нравственного. Все детские сказки дидактичны и основаны на нравоучении, на педагогических «табу». Любое нравоучение в сказках скрыто и ненавязчиво.

В пословицах и поговорках народ отразил глубокое уважение к труду и человеку-труженику. Те, кто не любит труд, становятся объектом бичевания дразнилок.

Путь ребенка от колыбельных песен до былин – это путь подготовки к постижению сложного окружающего мира. Фольклор – это еще и школа патриотического воспитания. В устно-поэтическом наследии каждого народа есть свои образы героев-богатырей. У марийцев – это Нӧнчык Патыр, Акпарс, Онар, Чоткар Патыр, Чумбылат. В данном случае важна не столько степень достоверности их богатырских подвигов, сколько само стремление создать образы богатырей – защитников родной земли.

Говоря о детском фольклоре, как о средстве народной педагогики, нельзя не сказать о «педагогических табу» – мудрых, ненавязчивых, глубоко проникающих в душу и в сознание ребенка наставлениях и поучениях. Например: *«Омса лодемыш ит шич – тулыкеш кодат»*. – Не садись на

порог – сиротой останешься. Маленький ребенок на всю жизнь запоминал такую фразу: никто не хотел остаться сиротой. А объяснение этому поучению совсем простое. Сидя на пороге, ребенок может простудиться, мешает прохожим переходить за порог и т.д. Подобного рода запреты есть у каждого народа. В них сконцентрирован многовековой опыт, они отражают этнопсихологию народа. Народная педагогика тесно связана с бытом. В повседневной жизни она требовала соблюдения определенных обычаев и правил поведения. Говоря детям слова-поучения, мать, нацеливала их, создавала установку на трудолюбие, уважение к старшим, на неприятие пустословия и праздности.

В народе наставления-запреты передавались из уст в уста, из поколения в поколение. Каждая мать знала их четко.

– *Кочмо годым кинде шултышым кодаш ок йӧрӧ – шке киндет деч корангат.* – За едой не оставляй недоеденный кусок хлеба – без хлеба останешься.

– *Ӱстел вуй лукышко шинчат – шужен илаш тӱнгалат* – Не садись в угол стола – голодать будешь.

– *Конга лукышто шогет – ойган илышым илет.* – Не стой за печкой в углу – жить с печалью будешь.

– *Тулыш (вӱдыш) шӱведаш ок йӧрӧ – тӱрвыштет лӱмӧ шочеш.* – Нельзя плевать в огонь (воду) – на губах болячка выскочит.

– *Енгын омсалодемым тошкал пураш ок лий – шалетым кодет.* – Не наступай на чужой порог – счастье оставишь.

– *Торык когыльым пеле гыч ит тодыл – ушкал шӧрым ок пу.* – Не ломай творожный пирог пополам – корова молоко не даст.

– *Корныш тарваныме годым ит урго. – шалетым ургет* – Не шей на дорогу – дороги не будет (удачу пришьешь).

– *Ӱрстел ӱмбач чара кид дене ит ӱшт. – шургымаш лиеш.* – Не вытирай со стола рукой – шум, ссора будет.

– *Йол кокла гыч ит лек – лочо лият.* – Не пролезай между ног – не вырастешь.

– *Кӱварым кастене ит ӱшт – оксат ок лий.* – Не подметай пол вечером – денег не будет.

– *Эрдене шуко малет – качет шонгемеш.* – Будешь по утрам долго спать – жених состарится.

– *Кӱварым мушмо годым ночкым кодет – качет йӱшӧ лиеш.* – Не оставляй лужи после мытья пола – муж пьяницей будет.

– *Енгын ит нал, шкендынымат ит кышке.* – Чужое не бери, свое не раскидывай.

– *Икана шойыштат – колымешкет шояче лият.* – Один раз соврешь, до смерти обманщиком будешь.

– *Ойлаш лиеш, да поген налаш ок лий.* – Сказать можно, да обратно сказанное не вернуть.

В детском фольклоре, в великом наследии педагогического опыта и творческого гения народа, заложены основы эстетического, нравственного и патриотического воспитания. Народная педагогика осуществляет комплексный подход к воспитанию, в ней все взаимосвязано.

Заключение

У марийского народа так же, как и у любого другого, в течение веков развивалась особая устная народная поэзия, предназначенная для детей. Она сопровождала человека в детстве, играла большую роль в познании мира, эстетическом и нравственном воспитании, пробуждала интерес к творчеству, воспитывала любовь и уважение к народным традициям.

В марийской фольклористике до настоящего времени не было специальных работ, посвященных исследованию проблем детского творчества. Данное исследование является первой попыткой рассмотрения марийского детского фольклора как неотъемлемой части устно-поэтического наследия марийского народа, обобщения и жанровой систематизации произведений.

Автором впервые был изучен и систематизирован обширный архивный, полевой материал, опубликованная литература, служившая базой для научной классификации жанров и их сопоставления с детским фольклором других народов.

В данной работе проанализировано художественное своеобразие колыбельных песен, пестушек, приговорок, потешек, прибауток, являющиеся основными жанрами поэзии пестования, сопутствующей ребенку в ранний период его жизни. В ходе работы автором впервые предложены марийские термины обозначения жанров поэзии пестования: *малтыммур* –

колыбельная песня, *онгарчык* – пестушка, *онгайчык* – потешка, *мыскаранчык* –прибаутка, *йӱконгартыш* – закличка, *сӧрвалтыш* – приговорки, *лӱмдылтыш* – дразнилка, *мутмодыш* – игры словами, *лӱдыктыш* – страшилка.

За основу систематизации колыбельных песен нами был взят принцип импровизации при исполнении. С этой точки зрения марийские колыбельные можно разделить на две группы. Первую составляют песни с изменяющимся, импровизированным при исполнении текстом, вторую – песни с постоянным, устойчивым текстом.

По степени сложности марийские колыбельные песни, как и колыбельные других финно-угорских народов, могут быть объединены в три большие группы. Для колыбельных первой группы важна мелодия, для них характерно повторение определенных звуков или звуковых сочетаний. Вторую группу составляют колыбельные песни с более сложными текстами. Обычно в них, обращаясь к младенцу, мать сулит ему что-то приятное, хорошее. В третью группу вошли колыбельные, полностью построенные на обращении матери к ребенку, который уже реагирует не только на голос матери, но и понимает ее речь. Тематически колыбельные третьей группы могут быть разделены на два вида: а) песни, повествующие о будущем ребенка; б) песни о трудах и заботах отца и матери.

Тесно связаны с колыбельными песнями пестушки и потешки. Они сопровождают ребенка в первые месяцы жизни. В основном это словесные

формулы, высказываемые при пеленании, потягивании или купании ребенка. Характерным признаком произведений указанных жанров являются палеология или повтор отдельных слов и словосочетаний.

Как правило, все предметы и вещи, фигурирующие в потешках и пестушках, называются в них ласковыми именами, понятными детям в этом возрасте. Это так называемые детские слова (*дига, коко, мӧмӧ, ньоньо* и т.д.). Тексты марийских пестушек не всегда являются постоянными, четко оформленными, часто они бывают импровизированными.

По такому же принципу создаются и тексты потешек – коротеньких песенок, сопровождаемых простейшими элементами игры с пальцами, ручками и ножками ребенка. Часто потешки строятся на сравнении, например, ручки малыша сравниваются с кленовым листом, ножки – с дубовым.

Следующие группы рассмотренных нами произведений относятся к внеигровому фольклору – заклички и приговорки. Эти жанры связаны с древней языческой мифологией, глубоко вошедшей в сознание и быт марийского народа. Со временем магическое значение обрядовых действий утрачивалось, и они в конечном итоге превращались просто в игру, в развлечение. Основой закличек является обращение к силам природы (солнцу, дождю, ветру и т.д.) или к животным, птицам, насекомым (медведю, ласточке, божьей коровке и т.д.). Так, по всей видимости закличка-обращение к дождю – это отголосок древнего языческого

обряда зазывания дождя. Закличка, как правило, состоит из двух частей: в первой заключается обращение с просьбой, во второй – обещание, посул вознаграждения за выполнение просьбы или мотивировка самой просьбы. В настоящее время в бытовании закличек главная роль отводится игровому элементу.

Для такого жанра как приговорки-обращения близки звуковые подражания пению птиц. Начальные слова в этих песенках обычная имитация естественных звуков природы. Как правило, лексического значения они не имеют, фонетически оформляются в соответствии с языковыми законами и поэтому узнаваемы. В марийском фольклоре наиболее распространенным является образ ласточки.

Все исследователи детского фольклора в своих работах выделяют игровой фольклор, к которому относят произведения, исполнителями и потребителями которых являются сами дети. Эти жанры бытуют самостоятельно. Они имеют немало общих черт с детскими играми других народов Поволжья и Русского Севера. Их структура не имеет яркой национальной самобытности. Однако большая часть марийских детских игр, начиная со способов построения игроков и жеребьевок и кончая игровым фольклором и игровыми наказаниями, весьма своеобразна и придает игре национальный колорит.

В последнее время традиционные народные игры утратили свое былое значение и популярность в детской среде. Игровой

репертуар стремительно беднеет и сужается. В некоторых играх, еще бытующих в среде марийских детей, многие традиционные элементы заменяются новыми. Постепенно из игрового репертуара уходят и исчезают считалки, которые прежде занимали значительную часть игрового времени. Для национальных игр характерна связь с условиями труда и быта народа, проживающего в лесном краю. В зависимости от характера содержания марийские игры условно можно разделить на следующие группы: шутки-фокусы, хоровые и плясовые (кругом, шеренгой); настольные, подвижные (спортивные) и с драматическим содержанием.

Одним из основных компонентов игры с давних пор является считалка – своеобразная игровая поэтическая миниатюра, или, так называемая игровая прелюдия. Термин считалка – *шотлеммут* произошел от глагола считать – *шотлаш.* Именно наличие счета является особенностью этого жанра и формирует его поэтику. Чаще всего употребляются числа первого десятка. Это, вероятно, объясняется тем, что цифры первого десятка наиболее доступны детскому восприятию, а также числом игроков.

Некоторые считалки построены по принципу искаженного счета. Как известно, в древности марийцы большое значение придавали именно такому счету: искажениям имен собственных и искажениям названий животных во время охоты. Почвой для искажения в считалках может послужить и двуязычная среда.

По-видимому, из-за незнания других языков при употреблении в текстах считалок не все слова бывают понятными, но их внешнее оформление происходит по законам родного языка, порой вводится смешанная лексика. Звучные слова и словосочетания привлекают детей, и они увлеченно скандируют их. Иногда дети сознательно искажают слова, находя удовольствие в самом словотворчестве, что ведет к появлению заумных считалок.

Главной характерной особенностью считалок является строгое соблюдение ритма. В марийских считалках ритмоорганизующим элементом, как правило, являются ударные слоги. С помощью аллитерации и ассонансов достигается их интонационная окраска.

В настоящее время считалки остаются одним из самых популярных жанров детского репертуара. Благодаря профессиональному творчеству писателей их отряд пополняется.

Ярким образцом детского словесного творчества являются дразнилки – весьма распространенный и популярный в детской среде жанр словесного игрового фольклора. Песенки-дразнилки, песенки-насмешки представляют собой оригинальные и весьма забавные произведения детского словотворчества. Чаще это просто рифмованные прибавления к именам или прозвищам.

Дразнилкам характерно употребление вульгаризмов. Хотя дразнилки порой малоэтичны, дети в своих играх без них не обходятся. Дразнилки в большинстве случаев высмеивают внешность человека. В них осуждаются такие пороки, как

ябедничество, обжорство и лень. Словно в кривом зеркале отражая пороки и недостатки, страшилки способствуют их исправлению.

Игры словами в последние годы, можно сказать, совсем исчезли из игрового репертуара детей. Практически забыта, например, игра *Шолыт ой* (тайный язык). Пик ее популярности пришелся на 40-60-е годы XX века. Играя, дети вставляют в слова какие-либо заранее оговоренные слоги или меняют слоги местами. Это сложная, но увлекательная игра.

Ярко выраженную развлекательную установку заключают в себе жанры скороговорки и палиндромы. Что касается палиндромов, их в марийском языке очень много. Дети с удовольствием ищут и сочиняют их сами.

Бытование загадок в среде взрослых явление распространенное. Однако собиратели загадок отмечают, что более типичным является бытование их среди детей, причем детей всех возрастов. В обоих случаях загадки сохраняют присущую им издревле воспитательную функцию, развивают логическое мышление и смекалку.

На репертуаре детских загадок решающим образом сказались новые условия жизни. Многое из старинного крестьянского быта современным детям уже непонятно. Поэтому архаичные загадки в настоящее время исчезают, вместо них появляются новые, с обновленной тематикой, обусловленной достижениями научно-технического прогресса. Много современных загадок посвящено книге, радио, предметам быта, нашла в них свое место и космическая тематика.

В марийской фольклористике сказки и загадки исследованы весьма основательно, в данной работе они рассматривались лишь в плане специфики детского восприятия и приверженности к ним детей.

Страшилки как жанр марийского детского фольклора в данной работе впервые стали объектом научного исследования. Марийские *лӱдыктыш* соответствуют марийскому названию «ужмо-колмо» т.е. рассказы об увиденном и услышанном. Страшилки – это короткие устные рассказы со «страшным» сюжетом. Следует отметить, что страшилки – относительно новый и собственно детский жанр, отражающий характерные особенности детской психологии.

В книге впервые сделана попытка выявить лексические особенности детского фольклора, точнее детского языка. В ней положено начало собиранию материала для детского толкового словаря. Автором предпринята попытка доказать необходимость научного изучения детского языка, его лексики, для того, чтобы с его помощью воссоздать утраченные формы марийских слов, прояснить этимологию некоторых из них, а также выявить некоторые стороны взаимоотношений между финно-угорскими, тюркскими и другими языками. В составленный автором марийский детский толковый словарь вошли слова, придуманные самими детьми и слова, придуманные взрослыми для общения с маленькими детьми.

Также впервые обобщается материал об использовании различных типов междометий в ряде жанров марийского детского фольклора.

Исследование показало, что больше всех междометий встречается в произведениях марийского, а затем удмуртского детского фольклора. Без междометий не обходится ни одна из жанровых форм марийского детского фольклора. Они дают полезные сведения для изучения истории языка. Относящиеся к числу древнейших частей речи в финно-угорских языках, междометия достойны быть объектом научных исследований не только лингвистов, но и фольклористов.

В главе «Детский фольклор как средство народной педагогики» подчеркивается неразрывная связь детского фольклора с народной педагогикой, отдается должное традиционному народному воспитанию с помощью произведений детского фольклора. В работе рассматривается система принятых в данной местности, данным народом приемов и методов воспитания, которые передаются от одного поколения к другому и усваиваются ими, прежде всего как определенные знания, умения и навыки.

Нельзя не согласиться с мнением, что фольклор – это художественная народная педагогика. Это та самая система эстетического воспитания детей, которую еще только пытаются осуществить в школе с помощью преподавания литературы и искусства.

При всем многообразии жанров марийского детского фольклора, при наличии параллелей с фольклором других народов, в нем ярко проявляется национальное своеобразие.

В настоящее время необычно расширились средства и формы распространения произведений детского фольклора. Они передаются по радио, телевидению, печатаются в газетах и журналах.

Итак, в работе выделено пятнадцать самостоятельных жанров детского устно-поэтического творчества, которые в соответствии с возрастом ребенка могут быть сгруппированы в следующей последовательности: колыбельная поэзия (колыбельные песни, пестушки, потешки, прибаутки); внеигровой словесный фольклор (заклички, приговорки, дразнилки, игры словами, скороговорки, палиндромы, т.е. произведения взрослых, перешедшие в репертуар детей); связанный с играми игровой фольклор (детские национальные игры и считалки) и далее – самостоятельно бытующие в детской среде жанры – загадки, сказки, страшилки.

В приложении приведены наиболее яркие образцы произведений всех жанров марийского детского фольклора, собранные автором во время полевых экспедиций и извлеченные им из различных рукописных фондов и печатных источников, многие из которых в настоящее время являются библиографической редкостью.

Приложение

Рӱпшыммур-Колыбельные песни

1. – О-о-о-о-о!
Изи Эка папалта.

– О-о-о-о-о!
Маленькая крошка спит.

2. – О-о-о-о-о!
Маска иге папалта,
Тумна толын тӱкалта.

– О-о-о-о-о!
Медвежонок спит-поспит,
Прилетит сова и заденет.

3. – О-о-о-о-о!
Мӧмӧ кая, пыси толеш,
Изи падыраш папалта.
Мыйын ӱдырем огыл тиде,
Маска иге, пире иге,
Меранг иге папалта.

– О-о-о-о-о!
Мохнатый уходит, кисонька приходит,
Маленькая крошка спит
Это не моя доченька,
Это медвежонок, волчонок,
Зайчонок спит.

4. – Куван аза шепкаште,
Пу моклака конгаште.
Мемнан чинче падырашна
Мотор шепкаште папалта.

– У женщины ребенок в люльке,
Полено в печке.
Наша серебряная крошечка
Спит в красивой люльке.

5. – О-о-о-о-о!
Изи колой папалта.
Куку мӧмӧ каялеш,
Изи пыси толалеш.
О-о-о!
Изи колой папалта.

– О-о-о-о-о!
Маленькая крошечка спит.
Кукушка домой улетает
Маленький котенок идет
О-о-о!
Маленькая крошечка спит.

6. – О-о-о-о-о!
Куку, чача, чанга, ӧрш
Пӧрткайык, киса, тумна иге,
Маска иге папалта
Кизажат папа, чапажат папа
Чичажат папа – чылажат папа

– О-о-о-о-о!
Кукушка, игрушка, галка, снегирь,
Воробей, синица, совенок,
Медвежонок спит.
И ручонки спят, и ножки спят,
И глазки спят – все спит.

7. – О-о-о-о-о!
Изи ньоньо папалта.
Ава эрден кынелеш,
Мелнам кӧшташ тӱнгалеш.
Ача пазарыш кая,
Тамле пряникым конда.

– О-о-о-о-о!
Маленький нехорошенький спи
Мама встанет рано,
Блины начнет печь.
Папа на базар поедет,
Сладких пряников привезет.

8. Ш-ш-ш-ш!
Ший падырашем папалта.
Ачаже чодыра гыч толеш,
Мӱйым поген конда.
Аваже пасу гыч толеш,
Ӱйым пуа.
Ӱй ден мӱйым нямалеш
Маска гай патыр лиеш.

Ш-ш-ш-ш!
Моя серебряная крошка спит.

Папа из лесу придет,
Мед собранный привезет.
Мама с поля придет,
Масла даст.
Масла с медом поест,
Сильным, как медведь, станет!

9. – О-о-о-о-о!
Папе вашке, колоем,
Шинчат кумо, падырашем,
Мӧмӧ толын руалта,
Шем чодырашке нагая.
Кай, Мӧмӧ, ит тол!
Мый тыланет эргым ом пу
Кай тышеч!
Мӧмӧ кайыш!

– О-о-о-о-о!
Засыпай быстрее, маленький,
Закрой глазки, крошенька,
А то Мохнатый придет, схватит,
И в темный лес унесет.
Уходи, Мохнатый, не ходи сюда!
Я тебе сыночка не отдам.
Уходи отсюда!
Ушел Мохнатый!

10. – О-о-о-о-о!
Изи падраш папалта.
Мӧмӧ толеш
Кӧ тӱрыштӧ мала,
Тудым нанггая.

– О-о-о-о-о!
Маленькая крошка спит.
Мохнатый идет,
Кто на краю спит,
Того унесет.

13. –Ӧ-ӧ-ӧ, ӧ-ӧ-ӧ-ӧ!
Изи пийже ит опто,
Ош ушкалже ит ломых,
Агутанже ит шӱргых!
Мемнан Савий папалта,
Шем шинчажым петыра...
Тиде авийын малыме вер,
Тиде Савийын чечен вер.
Мардеж тӱнӧ пеш лӱшка,
Ӱстембалне тул йӱла.
Авий тувырым урга,
Тӱнӧ йӱштӧ чот шога...
Ӧ-ӧ-ӧ, ӧ-ӧ-ӧ!
Изи пийже ит опто...

–Ӧ-ӧ-ӧ, ӧ-ӧ-ӧ-ӧ!
Маленькая собачка не лай,
Белая корова не мычи,
Петух не кукарекай!
Наш Савий засыпает,
Черные глазки закрывает...
Это мамина спальня,
Это красивое место Савий.
Ветер на улице шумит,

На столе огонь горит.
Мама платье шьет,
На улице мороз трещит...
Ӧ-ӧ-ӧ, ӧ-ӧ-ӧ!
Маленькая собачка не лай...
(Повторяется с начала).

14. – О-о-о-о-о!
Изи Олюк папалта,
Тылзе лектеш пыл шенгеч,
Папалта изи межнеч!
О-о-о!
Кайык-шамыч малат,
Янлык-шамыч малат.
Шыпак толын тамле омо,
Изи Олюкым малташ.

– О-о-о-о-о!
Маленькая Оленька спит,
Месяц выходит из-за туч,
Спит моя маленькая!
О-о-о!
Птицы спят,
Звери спят,
Тихо сладкий сон приходит,
Чтобы маленькую Олю убаюкать.

15. О-о-о!
Кече волыш чодыра шенгек
Тылзе шылын пыл шенгек.
Мардеж возын шудо коклаш,

Олюк возын папалташ!
О-о-о!
Изи куэ шып шога,
Мардеж тудын ден ок мод.
Олюкын курчакше шинча,
Олюк тудын ден ок мод.
О-о-о!

О-о-о!
В сторону солнца за лесок
Месяц спрятался за тучи.
Ветер улегся в траву,
Оленька легла спать!
О-о-о!
Маленькая березка тихо стоит
Не играет ветер с ней.
Олина куколка сидит,
Не играет Оля с ней.
О-о-о!

16. – О-о, о-о, о-о-о!
Изием, колоем, папалте, ньоньоем.
Ачатше, ачатше – шем чодыр пире,
Аватше, аватше – шем чодыра кашка помыш.
(Тулык икшывылан муреныт).

– О-о, о-о, о-о-о!
Маленький мой, спи, нехорошенький.
Отец-то, отец-то твой - волк в темном лесу,

Мать-то, мать-то твоя – лесной валежник.
(Эту колыбельную поют сиротам).

17. – Изи пыси конгамбалне
Мыр-р, мыр-р папалта.
Капка йымал изи пийже
Шинчам кумен нералта.
Мемнан изи Сергушнаже
Ший шöпкаште лӱнгалта.

– Маленький котенок на печке
Мыр-р, мыр-р спит.
Маленькая дворняжка,
Закрыв глазки, дремлет.
Наш маленький Сергуша
В серебряной люлечке покачивается.

18. – О-о, падырашем,
Тӱрыш ит воч, чукаем.
Мӧмӧ коштеш эскерен,
Кугу комдыш сакалтен,
Шем чодырашке нангая,
Тыйым кочкын пытара.
Папе вашке, изием,
Мӧмӧм поктен мый колтем.

– О-о, крошечка моя,
Не ложись на краю, маленький.
Мохнатый ходит, следит,
В большое лукошко положит,
В темный лес унесет,

И съест тебя.
Засыпай быстрей, мой маленький,
Я Мохнатого прогоню.

19. – О-о-о-о-о!
Изи колаем папалта,
Ачаж ден авaжым вучалта.
Ачаже чодыраш каялын,
Чодырам руэн ярналын.
Аваже пасушко каялын,
Комдым нумал ярналын.
Изи падыраш кушкеш,
Чылалан полшаш тӱнгалеш.

– О-о-о-о-о!
Маленькое дитятко спит,
Маму с папой поджидает.
Отец в лес ушел,
Лес рубил, устал.
Мать в поле ушла,
Лукошко таскала, устала.
Маленькая крошка вырастет,
Всем помогать будет.

20. – Изи колой папалта,
Ачаже Чарлашке каен.
Урым, мераҥым ужала,
Калачым, мӱгиндым конда.
Изи падраш нямеш – кугу лиеш.
Аважлан, ачажлан полшаш тӱнгалеш.

– Маленькое дитя спит,
Отец в город (в Царевококшайск уехал)
Белку, зайца продаст,
Баранки, пряники принесет.
Маленькая крошечка поест –
большой станет.
Маме, папе будет помогать.

21. – Тек тувырет лиеш шоло лышташ,
Вакшет лиеш писте лышташ.
Ачат лиеш сур меран.

– Пусть рубашкой тебе будут листья вяза,
Постелькой – листья липы.
Отцом тебе будет заяц-русак.

Онгарчык – Пестушки

При пробуждении и потягивании:

1. – Кус-кус-кус-с!
Йогыжо йол мучашке,
Пиалже вуй мучашке.
Кече пыл помыш,
Коля кашка помыш.
Мичу аваж помыш,
Оза паша конгга йымаке.

– Кус-кус-кус-с!
Лень к ногам,
Счастье к голове.
Солнце в облака,
Мышка в валежник,
Мичу в мамину пазуху,
Работа хозяйки под печку.

2. Кус-кус-кус-с!
Йогыжо йоген кайыже,
Сайже модын кӱзыжӧ,
Ӱдыремже – каче помыш,
Эргымже – ӱдыр помыш.

Кус-кус-кус-с!
Пусть лень его утекает,
Хорошее, играя, поднимается,
Доченька моя – в объятия жениха,
Сынок мой – в объятия невесты.

3. Кус-кус-кус,
Кус-кус-кус!
Оляшкан лашка – вӱдан лашка.
Шӱжеран лашка – Чим лашка.

– Кус-кус-кус,
Лапша Оляшки – водяная лапша.
Чима лапша молочная.

4. – Сукыржо кӱын, уке-е-е?
– Уке-е-е!
– Кӱын.
– Ночкырак!

– Каравай испекся, нет?
– Не-е-т!
– Испекся.
– Сыроват еще!

5. – Могай кугу лиеш?
– Тыгай-тыгай кугу лиеш!

– Какой большой будет?
– Такой-такой большой будет!

6. – Киндым пыштем,
Киндым пыштем,
Чук – конгашке.

– Хлеб пеку,
Хлеб пеку,
Чук – в печку!

Когда ребенка учат ходить:

7. – Изи Олюкым аваже
Тагынаште кузе лонгеш?
– Лын-лын, лын-лын лонгеш!

– Маленькую Оленьку как
Мама в корытце качает?
– Лын-лын, лын-лын качает!

8. – Изи эргым кузе кепшылым руа?
Тып-топ, тып-топ руа!

– Мой маленький сынок как путы рубит?
Тып-топ, тып-топ рубит!

9. Тьоп-тьоп, тьоп-тьоп!
Изи чапа кушко кая?
Моко погаш кая.
Шырт-шорт погалеш,
Тьоп-тьоп ошкылеш.
Топ-топ, топ-топ!
Маленькие ножки куда идут?
Мох собирать идут.
Шырт-шорт собирает,
Топ-топ шагает.

10. **Изи пыси кай тышеч,**
Тореш ит воч тый корнеш.
Изи Танюш ошкылеш,
Тыманмеш поктен шуэш!

Маленький котик, уходи отсюда,
Поперек дороги не ложись.
Маленькая Танюша шагает,
Сейчас тебя догонит!

11. **Изи чапа тьоп-тьоп!**
Изи чича коп-коп!

Маленькие ножки топ-топ
Маленькие глазки коп-коп!

12. **– Поктем, поктем –**
Поктен ом шу,
Кучем, кучем –
Кидем ок шу.
А-а, тевыс изи чукаем,
Ынде мӧнгӧ нангаем.

– Догоняю, догоняю –
Не догоню,
Ловлю, ловлю –
Руки не достают.
А, вот она, моя маленькая,
Теперь домой унесу.

13. Шуар печкеш шурем-шурем,
Шӱльым шурем,
Уржам шурем.
Чи-чи толеш,
Чук! – ышта.
Писын курж,
Чи-чи покта!

В ступке толку-толку,
Овес толку,
Рожь толку.
Курица придет.
Чук! – клюнет.
Быстрей беги,
Курица догонит!

14. – Куп-куп, куп-куп,
Куп-кувырдик,
Кувырдик-кувырдик,
Чочо деке кудалеш.

– Куп-куп, куп-куп,
Куп-кувырдик,
Кувырдик-кувырдик,
К дедушке поехал.

<u>При купании младенца:</u>

15. – Вӱд-ава, вӱд-ава!
Шемым ошым ыштет,
Лавырам яндарым ыштет.
Осалжым, шакшыжым
Мушкын колто!

Мать-вода, мать-вода!
Ты черное делаешь белым,
Грязное – чистым.
Все злое, нечистое
Смой!

16. – Вӱд ава, вӱд ава!
Шемым ошым ыштет,
Лавырам яндарым ыштет.
Изи эргым деч
Чыла лавыражым-чержым
мушкын колто!

Мать воды, мать воды!
Ты черное делаешь белым,
Грязное – чистым.
Смой с моего маленького сына
Всю грязь и болезни.

17. – Маска иге – чип-чип,
Пире иге – чип-чип,
Меранг иге – чип-чип.
Мыйын эргым огыл тиде.
Маска иге, пире иге,
Меранг иге!

– Медвежонок – чип-чип [купается],
Волчонок – чип-чип [купается],

Зайчонок – чип-чип [купается].
Этот медвежонок, волчонок,
Зайчонок – не мой сынок!

18. – Кузе комбо шулдыр гыч вӱд йога,
Туге Ваню ӱмбач Осалже йоген кайыже!

– Как с гусиного пера стекает вода,
Так и с Вани все плохое пусть стечет!

19. Ший памашын ший вӱдшӧ
Чыр-чыр йогалеш.
Шер падыраш гай изием,
Как бусинка, мой маленький
Чип-чип мушкалеш.
Шоптыр гае шинчаже
Коп-коп модалеш,
Чевер олма чурийже
Пыль-пыль шыргыжеш.

Серебряная вода серебряного ключа
Чыр-чыр течет.
Как бусинка, мой маленький
Чип-чип умывается.
Глазки, как смородинки,
Коп-коп поигрывают,
Личико, как яблочко румяное,
Пыль-пыль улыбается.

20. **Кузе ош комбо (лудо, чыве)**
Вӱд йоген вола,ӱмбач
Изи Сашик ӱмбач
Туге осалже йоген волыжо...

Как с белого гуся (утки,курицы)
стекает вода,
Так и с маленького Саши
Злое пусть истечет...

21. **Вӱдлан – йогаш,**
Эргымлан – кушкаш!

Воде – течь,
Сыну – расти!

Когда ребенок начинает самостоятельно стоять:

22. **Тӱньык шикш,**
Тура шикш!
Тӱньык шикш,
Тура шикш!
Лай мардеж, ит пуал!
– Дым из трубы,
Прямо дыми!
Дым из трубы,
Прямо дыми!
Ласковый ветер, не трогай!

При ушибе и болях:

23. – Маска игын коршта,
Рывыж игын коршта,
Мераҥ игын коршта,
Изи Сашан ок коршто.

У медвежонка болит,
У лисенка болит,
У зайчонка болит,
У маленького Саши не болит.

24. – Кузе салма ӱй шоҥ шулен кая,
Туге Сашикын корштымыжо шулен кайыже!
Кузе шӧр шоҥ шулен кая,
Туге Сашикын корштымыжо шулен кайыже!

Уф, уф, уф-ф!

Как тает на сковороде пена на масле,
Пусть также Сашина боль растает!
Как тает пена на молоке,
Пусть также Сашина боль растает!
Уф, уф, уф-ф!

25. Корштымыжо шем маскалан лийже,
Черже сур пирылан лийже,
Изи Таня вашке тӧрланыже.

Пусть боль черному медведю уйдет,
Пусть болезнь серому волку уйдет,
Пусть маленькая Таня быстрее
поправляется.

26. **Ит шорт, ит шорт,**
Калачым пуэм!
Шӱлышкет сакалтем,
А вара чаманем!

Не плачь, не плачь,
Дам калач!
На шею повешу,
А потом похалею!

27. **Шорт, шорт!**
Шем шорыкым пуэм.

Плэчь, плэчь!
Черную овечку дам.

Онгайчык – Потешки

1. **Взрослый качает ребенка на стопе вверх-вниз.**

– **Учики-вачики,**
Учики, вачики.
Изи пыси ӱлнӧ,
Изи Мичу кӱшнӧ.

– ***Учики-вачики,***
Учики-вачики.
Котенок внизу,
Маленький Миша вверху.

2. – **Куку, Чачи, чанга,**
Ӧрш, пӧрткайык,
Киса, тумна иге.

– ***Кукушка, Чачи, галка, снегирь,***
Воробей, синица, совенок.

Держа ребенка на коленях, взрослый имитирует игру на гармошке, щекочет его.

3. – **Пӧртет уло?**
– **Уло.**
– **Илаш лиеш?**
– **Лиеш.**
– **Гармонет уло?**
– **Уло (Уке).**

– Шокташ лиеш?
– Лиеш. (Ок лий.)

– Дом у тебя есть?
– *Есть.*
– *Жить можно?*
– *Можно.*
– *Гармонь у тебя есть?*
– *Есть (Нет).*
– *Играть можно?*
– *Можно (Нельзя).*

4. – Пазарыш(ке) миенат?
– Миенам.
– Гармоньым налынат?
– Налынам.
– Йӱкшӧ уло?
– Уке (Уло).
– Улыс!..

– *На базар ходил?*
– *Ходил.*
– *Гармонь купил?*
– *Купил.*
– *Звук есть?*
– *Нет (Есть).*
– *Как нет! Е-есть!..*

5. – Кычальым, кычальым,
Шийым муым.
Шийхым кувайлан пуышым –

Кувайже тулвуйым пуыш,
Тулвуйжым ерыш шуышым –
Ерже колым пуыш,
Денис дене коктын
колым кочкын шинчена ыле.

Чевер агытан тольо да
кек-рек-крек манын,
Денисын ӱпшым кӱрын кайыш.

– Искала, искала
Серебро нашла.
Серебро бабушке отдала –
Бабушка головешку дала,
Головешку в озеро бросила –
Озеро рыбу дало,
С Денисом вдвоем сидели и ели рыбу.
Вдруг петух прибежал,
ку-ка-ре-ку закричал,
Дениса за волосы пощипал.

(После этих слов ребенка легонько дергают за волосы).

6. – Шарнет, икана тый денет
Корем воктене ошкылына ыле.
Кайышна, кайышна –
Лакыш пурентгайышна.
Тый – мӱй лакыш,
Мый – шур лакыш.
Лаке гыч пыкше-пыкше лекна.
Ну-у вара эрыктена.

Мый тыйым нулем,
Тый – мыйым!

– Помнишь, как-то мы с тобой
Шли с тобой возле оврага.
Шли, шли –
В яму провалились.
Ты – в яму с медом,
Я – в яму с г...ном.
Из ямы еле-еле выбрались.
Ну-у друг друга чистить.
Я тебя облизываю,
Ты – меня!

7. – Псиям-псиям,
– Куван окса кушто?
– Омарта йымалне,
Кумыж дене пӱтырымӧ.
– Кунам налаш лиеш?
– Кумышто марте, йывышт!

– Киса, киса,
– Где бабушкины деньги?
– Под ульем,
– В бересту обернуты.
– Когда можно взять?
– Послезавтра, втихаря!

8. – Ой, Микувыр, Микувыр,
Поравече коремыштет
Сар кукужо уло ыле мо?

– Ой, Никифор, Никифор,
На речке кукушка
Была или нет?

9. **– Кертеш, кертеш!**
Кушан гына шочын,
Кушан гына кушкын?
Ачаж дечат мастар,
Аваж дечат мастар!
Ушкал вӱташ(те) шочын,
Шорык вӱташ(те) кушкын,
Аваж(ын) тувырым чиен,
Ачаж(ын) йолашым чиен,
Мелгандырам кылден,
Поснагандырам пӱтырен,
Кертеш, кертеш!

– Может, может (умеет, умеет)!
Где только родился,
Где только вырос?
Талантливей папы,
Талантливей мамы!
Родился в хлеву коровы,
Вырос в хлеву овечки,
Мамину рубашку надел,
Отцовы штаны надел,
Завязал завязку,
Намотал бечевку,
Может, может (умеет, умеет)!

Взрослый трогает каждый пальчик, начиная с большого.

10. – Тиде – чочо (большой палец),
Тиде – вово (указательный),
Тиде – ача (средний),
Тиде – ава (безымянный),
Тиде – Саша (мизинец).

– Это – дедушка,
Это – бабушка,
Это – папа,
Это – мама,
Это – Саша.

11. – Эргаш-эргаш,
– Кушко миенат?
– Тиде иза дене
Чодыраш миенам,
Тиде иза дене энгерыш миенам,
Тиде иза дене кочкынам,
Тидын дене модынам.
– А тиде иза дене мом ыштенат?

Мальчик-мальчик,
Куда ходил?
– С этим братцем
В лес ходил,
С этим братцем – на речку,
С этим братцем кушал,
С этим играл.

12. – Шыдырдок-шыдырдок,
Ош тупан шогертен
Пурсам погеи,
Вакшеш йонгыштен,
Пуштым шолтен,
Игыжым пукшен.
– Кугу акалан пыштен пуэн,
– Изи акалан пыштен пуэн,
Кугу изалан пыштен пуэн,
Изи изалан пыштен пуэн.

Шыдырдок-шыдырдок,
Сорока с белой спинкой
Горох собирала,
В мельнице молола
Толокно варила,
Детей кормила.
Старшей сестре наложила,
Сестре помладше наложила,
Старшему брату наложила,
Брату помладше наложила.

Когда останется большой палец, его взрослый зажимает своими пальцами и теряет, приговаривая:

А тиде изи падырашлан
Пыштен огыл!
Пурсам погеи огыл,
Йонгышташ миен огыл,
Вӱдым конден огыл,
Пуштым шолтен огыл.

А этой крохе
Не наложила!
Горох не собирал,
Молоть не ходил,
Воду не носил,
Толокно не варил.

Импровизируя пляску:

13. Тырли – Онтон,
Три – Онтон... *(бесконечно).*

14. – Псиям, псиям,
Логалат тый мылам!
Тый нӧрӧпыш миенат,
Лайым нулен, толынат.
Теве тылат, кадыр поч!
Конгамбаке кӱзен воч!

– Киса, киса,
Попадешься ты мне
Ты в погреб ходила,
Сметану лизала.
Вот тебе, кривой хвост!
Полезай на печку, лежи!

15. – Ко-ко-ках!
Кушко куржында адак?
Агытан сырен пешак!
Чыве-влакше
Кыт-кыт, кыт-кыт пелештат.
Тыштак улынас, калтак!

Ко-ко-ках!
Ко-ко-ках!
Куда опять убежали?
Петух очень рассердился!
А курицы
Кыт-кыт, кыт-кыт говорят.
Да здесь же мы, здесь.

16.– Тиде кӧн нерже?
– Савин.
– Савиже кушко миен?
– Пазарыш.
– Мом налын?
– Калачым (кампеткым).
– Кӧн ден кочкеш?
– Шкетын!
– Шкет ит коч!
– Шкет ит коч!

– Чей это нос?
– Савин.
– Куда Сави ходил?
– На базар.
– Что купил?
– Калачи (конфеты).
– С кем ест?
– Один!
– Не ешь один!
– Не ешь один!

Мыскаранчык – Прибаутки

1. – Мо? – *Что?*
– Мокш да шодо. – *Печень да легкие.*

2. – Кузе?
– Кузе, кузе, Кузьмала,
Рожын мӱшкыр Чокайла.
– *Как?*
– *Как, как, как, Кузьма,*
Как Чокай – дырявый живот.

3. – Мо?
– Мо, мо, монча!
Монча воктен тенгыл,
Тенгылыште Ванюш,
Ванюш воктен Начук.

– *Что?*
– *Что, что, баня!*
Рядом с баней скамейка,
На скамейке Ваня,
Рядом с Ваней Настя.

4. – Чодырашке мийышым.
– Мыят.
– Пуым руышым.
– Мыят.
– Волым ыштышым.
– Мыят.

– Тушан шорым.
– Мыят.
– Сӧсна кочко.
– Мыят.

– *В лес сходил.*
– *И я.*
– *Дрова рубил.*
– *И я.*
– *Корыто сделал.*
– *И я.*
– *Туда накакал.*
– *И я.*
– *Свинья съела.*
– *И я.*

5. – Метрий, а Метрий!
Айда ӱдаш каена.
– Мӱшкырем коршта.
– Метрий, айда тӱредаш каена.
– Йолем коршта.
– Метрий, пучымышым кочкат?
– Кушто мыйын кугу совлам?!

– *Метрий, а Метрий!*
Дайвай сеять пойдем.
– *Живот болит.*
Дайвай жать пойдем.
– *Ноги болят.*
– *Метрий, кашу есть будешь?*
– *Где моя большая ложка?!*

6. – Опанас, Опанас!
Мо, тӱрвет шуэн шинчынат?
– Тувырем йӱлен.
– Рожшо кугу мо?
– Шӱшаже веле кодын.

– *Опанас, Опанас!*
Что губы вытянул?
– *Рубашка сгорела.*
– *Дыра-то большая?*
– *Только воротник и остался.*

7. – Йыван, кушто улат?
– Тыштак.
– Мом ыштылат?
Маскам кученам.
– Тышке кондо.
– Огеш кай.
– Тугеже шке тол.
– Огеш колто.

– *Иван, ты где?*
– *Здесь же.*
– *Что делаешь?*
– *Медведя поймал.*
– *Тащи сюда.*
– *Не идет.*
– *Тогда сам иди.*
– *Не отпускает.*

8. – Ачий, мый мерангтым ужынам.
– Кушто?
– Пакча шенгелне.
– Молан кучен отыл?
– Ок лий, почшо кӱчык,
Ала кӧ пӱчкын.

– Папа, я зайца видел.
– Где?
– За огородом.
– Что ж не поймал?
– Нельзя, у него хвост короткий,
Кто-то отрезал.

9. –Сапани, Сапани,
Айда рывыж лӱяш каена.
– Рывыж дене мом ышташ?
– Рывыж ушшым ыштем.
– Рывыж ушш дене мом ыштет?
– Ӱдыр ончаш каем.
– Пондашет дене мом ыштет?
– Нӱжем.
– Нӱжет гын, йорангеш.
– Йорангеш гын, йытын ӱйым шӱрем.
– Йылгыжеш гын, мом ыштет?
– Ӱдырым шупшалам да пыта.

– Сапани, Сапани,
Пойдем лису стрелять.
– Что из лисы делать будешь?
– Лисью шапку сошью.

– Что из лисьей шапки?
– Поеду невесту выбирать.
– С бородой что делать будешь делать?
– Сбрею.
– Побреешь – болячки будут.
– Будут болячки – намажу маслом растительным.
– Если блестеть будет – что делать станешь?
– Поцелую девушку – пройдет.
Что делать будешь?

10. **– Марий, марий, куш кает?**
– Сату налаш каем.
– Кушан возын малет?
– Чевер олыкыштет.
– Мом тонгед малет?
– Ӱмыр шиалем.
– Кушан шӱргетым мушкат?
– Эр лупсеш.
– Мо дене шӱргетым ӱштат?
– Макарын солыкеш.

– Мужик, мужик, куда идешь?
– За товаром.
– Где ночевать будешь?
– На красивом лугу.
– Чего постелешь?
– Свое счастье.
– Где лицо умоешь?

– В утренней росе.
– Чем лицо вытирать будешь?
– Полотенцем Макара.

11. – Марий, марий, куш кает?
– Полдыран кӱраш каем.
– Полдыранже молан?
– Шем вуян ушкалым пукшаш.
– Шем вуян ушкалже мом пуа?
– Ведрак пелак шӧржым пуа.
– Ведрак пелак шӧржӧ дене мом ыштет?
– Шӱдӧ коло туарам ыштем.
– Шӱдӧ коло туаражым кӧлан пукшет
– Шем вуян ӱдырым пукшем.

– Мужик, мужик, куда идешь?
– Борщевик рвать.
– Зачем тебе борщевик?
– Черноголовую корову кормить.
– Черноголовая корова что дает?
– Полтора ведра молока дает.
– Что будешь делать с полутора ведрами молока?
– Сто двадцать творожников сделаю.
– Черноволосую девушку накормлю.
– Кого ста двадцатью творожниками кормить будешь?

12. – Киса чи-чи, мом нямат?
– Кугу ревым нямам.

– Кугу ревыжым мо дене нямат?
– Изи паккӱзӧ дене нямам.
– Изи паккӱзетше кушто?
– Копна йымалне.
– Копнаже кушто?
– Кугу тул йӱлатен.
– Кугу тулжо кушто?
– Кугу вӱд йӧртен.
– Кугу вӱдшӧ кушто?
– Йошкар ӱшкыж йӱын пытарен.
– Йошкар ӱшкыжшӧ кушто?
– Лавыраш пижын колен.
– Лавыраже кушто?
– Юмын ояр коштен дашем корак кочкын пытарен.
– Шем коракше кушто?
– Кува деке иге ышташ каен.
– Игыжын лӱмжӧ кузе?
– Лычык-Лачык ден Тыли-Тали.
– Куваже мом ышта?
– Азам рӱшшен шинча.
– Азажын лӱмжӧ кузе?
– Калыквика.
– Куван кугырак ӱдыржӧ мом ышта?
– Вынерым куа.
– Вынерже дене мом ышта?
– Рогозам.
– Исыже мо?
– Укшан кече кокла.
– Куван кыдалаш ӱдыржӧ мом ышта?

– Вуйжым шереш.
– Вуйжо мо?
– Мӧдывуй.
– Ӱпшӧ мо?
– Шаршудо.
– Ӱпшым до дене шереш?
– Шерге дене.
– Шергеже мо?
– Шорвондо.
– Куван межнеч ӱдыржӧ мом ышта?
– Возак пундаште пурсам пургедеш –
Мемнам сийлынеже.

– Синичка, синичка, что кушаешь?
– Большую репку кушаю.
– Маленьким ножиком кушаю.
– Маленький ножик где?
– Под снопом.
– А сноп где?
– Большой огонь сжег.
– Большой огонь где?
– Большая вода потушила.
– Большая вода где?
– Красный бык выпил.
– Красный бык где?
– В грязи застрял и умер.
– Грязь где?
– Божье тепло высушило да
черная ворона съела.
– Черная ворона где?
– К бабке деток выводить улетела.

– Как детишек зовут?
– Большую репку чем кушаешь?
– Лычик-Лачик да Тыли-Тали.
– Что делает бабка?
– Ребенка качает.
– Ребенка как зовут?
– Калыквика.
– Бабкина старшая дочь что делает?
– Холст ткет.
– Что из холста делает?
– Кошовку.
– Бердо что?
– Между днями.
– Бабкина средняя дочь что делает?
– Волосы расчесывает.
– Голова что?
– Кочка.
– Волосы что?
– Топтун-трава.
– Волосы чем расчесывает?
– Гребенкой.
– Гребенка что?
– Грабли.
– Бабкина младшая дочь что делает?
– Под очагом горох ищет –
Нас угостить хочет.

13. – Мераҥ, мераҥ, кушко кает?
– Шопке нулташ каем.
– Чапат кушан лаптырген?

– Ий ӱмбалне лаптырген.
– Почет кушан кӱчыкемын?
– Озан пийже пурлын налын.
– Пылышет кушан шемемын?
– Пӱнчӧ шикшеш шемемын.

–Заяц, заяц, куда идешь?
– Осину грызть иду.
– Где лапы придавил?
– На льду придавил.
– Где хвостик укоротил?
– Хозяйская собака откусила.
– Где уши почернил?
– В сосновом дыму почернил.

14.– Мо?
– Мо-мо, моклака!
Моклака воктен тенгыл.
Тенгылыште Ванюш,
Ванюш воктен Начук!

– Что?
– Что-что, комок!
Рядом с комком скамейка,
На скамейке Ванюша,
Рядом с Ванюшей Начук!

Йўконгартыш – Заклички

1.– Кече онча, йўр йўреш,
Маска ўдырым налеш!

– Солнце светит, дождь идет,
Медведь женится.

2. – Йўр йўреш, лум лумеш,
Маска ўдырым налеш!

–Дождь идет, снег идет,
Медведь женится!

3. – Йўр-йўр, йўрок,
Йўр-йўр, йўрок!
Пряникым пуэм.

– Дождик, дождик, лей,
Дождик, дождик, лей!
Пряник тебе дам.

4. – Вўд-ава, йўрым пу,
Вўд-ава, йўрым пу!
Немырводым пуэм,
Ший совлам пуэм.
Нугыдым пуэм,
Коштал-коштал!
Ведрам пуэм,
Оптал-оптал!

– Мать-вода, дай дождя,
Мать-вода, дай дождя!
Дам тебе кашку,
Дам серебряную ложку.
Гущу дам,
Черпай-черпай!
Дам ведро,
Лей, лей!

5. Тыра-тыр-тыр,
Тыра-тыр-тыр!
Йӱр йӱреш гын, ӱлык,
Йӱр ок лий гын, кӱшкӧ!

Тыра-тыр-тыр, (Божья коровка.)
Тыра-тыр-тыр!
Если будет дождь – лети книзу,
Если дождя не будет – лети кверху!

6. – Тыра-тыр-тыр,
Тыра-тыр-тыр!
Йӱр йӱреш гын, ӱлык,
Ояр лиеш гын, кӱшкӧ!

– Тыра-тыр-тыр,
Тыра-тыр-тыр!
Если будет дождь – книзу,
Если будет солнечно – кверху!

7. – Чарагутан кая!
Чарагутан кая!

– Бесштанный идет!
Бесштанный идет!

8. – Трей-трей, Максым-трей.

– Трей-трей, Максим трей.

9. – Канаган калт-калт,
– Янаган калт-калт,
Кужу пондаш – шу-у-у.
Канаган кай-кай,
Янаган кай-кай,
Янаган уйди-уйди,
Чевер кече, лек!

– Канаган калт-калт,
– Янаган калт-калт,
Длинная борода – шу-у-у,
Канаган уйди-уйди,
Яркое солнце, выйди!

11. – Турий-тур-тур,
Турий-тур-тур,
Ший кӱмежытат уке,
Шӧртньӧ совлатат уке.
Кӱшкӧ кузет, ӱлык волет,
Юмын ӱдырым садак налын от керт.

– Жаворонок,
Жаворонок,
Нет у тебя серебряной тарелки,

Нет у тебя золотой ложки.
Вверх поднимаешься, вниз
опускаешься,
На дочери бога все равно
жениться не сможешь.

12. – Тит-тит-тура,
Тут-тут-тура,
Коман тару-ватру. *(Про ласточку)*

Сӧрвалтыш – Приговорки

1. – Коля, коля,
Вӱдым пу
Совлам мушкаш,
Кӱмыжым мушкаш.

– *Мышка, мышка,*
Тарелки помыть.
Ложки помыть,
Дай водицы

2. – Коля, коля,
Мод, мод да луктын пу!

– *Мышка, мышка,*
Поиграй, поиграй да отдай!

3. – Эй, чодыра марий
Кыргорий, лек!

– *Эй, лесной мужик*
Григорий, выходи!
(Про зайца на охоте)

4. – Качыри-кучыри,
Кушко кает?
Молан кает?
– *Ложашым налаш.*
– Ложашыже мош?
– Ик тенгеат нылле.
трь-и-ик.

– *Качыри-кучыри,*
Куда пошла?
Зачем пошла?
– Муки купить.
– *Мука почем?*
– *Руб сорок, руб сорок.*
(Про ласточку)

5. – Шун-чык-чык,
Шун-чык-чык!
Чоя Метрий,
Чоя Метрий!

Шун-чык-чык
Шун-чык-чык!
Хитрый Метрий,
Хитрый Метрий!
(Про ласточку)

7. – Сапан Йыван, Сапан Йыван.

Ондрей Микита, Ондрей Микита.
Тынапий! Тынапий!
(Звукоподражание, составленное из мужских имен)

8. – Кычи-качи, кычи-качи,
Айык-майык, айык-майык,
Сита-тиз, сита-тиз.
(Звукоподражание о работе коноплемялки).

9. – Пырыс, пырыс,
Кадыр поч,
Шинчал дене киндым коч.
Мӱшкыретше темалеш гын,
Конгамбаке кӱзен воч.

- Киса, киса,
Кривой хвост,
Ешь хлеб с солью.
Когда наешься,
Полезай на печку.

10. – Пырыс, пырыс, йолагай,
Йол йымачын коранг кай.

– Котик, котик, ты лентяй,
Убирайся из-под ног.

11. – Коля, коля!
Шӧран пӱэм коч,
Луан пӱэтым пу!

– Мышка, мышка!

Съешь мой молочный зуб,
А свой костяной зуб мне отдай!
(При выпадении молочного зуба)

Шолыпой – Игры словами

1. Игра слов со словом *ший* – «серебро»:

Шийлай – булай.

Шийсай – парсай.

2. Игра слов со словом *шыри:*

Шыри-шари шаршудет,
Шыри-бури вургемет.

Шыри-шари травка,
Шыри-бури твои вещи.

3. Игра со слогом ши:

Айда, модаш каена (Айда, играть пойдем).

– Айшидаши, мошидашишши кашиешинаши.

4. Игра со слогом фа:

Айда, модаш каена (Айда, играть пойдем). –

Айфадафа, мофадафашфа кафаефанафа.

5. Игра с перестановкой слогов и со слогами ши + нс:

Таче тӱнӧ йӱштӧ
(Сегодня на улице холодно).

– Шичетанс шинӧтӱнс шиштӧйӱнс.

Писылудыш – Скороговорки

1. *Кавырля кевыт гыч краплям конден.*

Кавырля из магазина грабли принес.

2. **Качий, Качий кува,**
Чырам конгашке чыка.

Бабушка Качий
В печку лучину сует.

3. **Пыш-пыш, пыш-пыш,**
Поездна шем шикшым
Шенгеке шикшеш.
Пыш-пыш, пыш-пыш,
Наш поезд черным дымом
Назад дышит.

4. **Латкок подкогыльым,**
Латкок подкогыльо тодыльым.

Двенадцать пирогов,
Двенадцать пирогов надломил.

5. **Шонго шонгшо**
Шокшо пуштым пеш шолта.

Старый ёж
Варит горячее толокно.

6. **Василийым вашлийым.**

Встретила Василия.

7. Савлийын саска – ший саска.

Ягоды Савлия – серебряные ягоды.

8. Орол Олорым орола.

Охранник охраняет Олоры.

9. Шошым Саша шоссеш кошто.

Весной Саша ходил на шоссе.

10. Пундыш воктен пончгыжо!
Пончгым поген пончгызо.

Рядом с пеньгом - грибы!
Грибник собрал грибы.

11. Оролым ом орло: рол орола.

12. Шышем шем шорык.

Семь черных овечек.

11. Оролым ом орло: рол орола.12.

13. Рывыж – рожыш,
Ожо – шожыш.

Лиса – в норку,
Жеребец на ячменное поле.

14. Тыште – писте, тушто – шиште,
Кушто писте – тушто шиште.

Здесь – липа, там – дятел,
Где липа – там и дятел.

15. **Шемыжым ошемде,**
Ошыжым шемемде.

Черное – отбели,
Белое – очерни.

16. **Пигол пижын огыл шол –**
Шийгол пижын.

Не рыба усач попалась –
Попалась рыба сом.

Мöнгеш-оньыш лудыш-Палиндромы

1. Анушем, ме шуна.	*Ануш, мы успеем.*
2. А мочоло чома?	*А сколько жеребцов?*
3. Алка мыйым акла.	*Алка меня ценит.*
4. Ешет: ават, ачат... Эше?	*Семья: мама, папа... Еще?*
5. «Кученам», ман, Эчук.	*Эчук, скажи: «Поймал».*
6. Ловал ала вол?	*Лещ или корыто?*
7. Малыде, кӱш шукедылам.	*Не спавши, высоко толкаю.*
8. Ок чумо шошо мучко.	*Не пинается всю весну.*
9. Очук, мыйым кучо.	*Очук, держи меня.*
10. Пыштет шып.	*Кладешь тихо.*
11. Таум муат.	*Найдешь спасибо.*
12. Темыч – чымет.	*Наелся – убегаешь.*
13. Тереш темет шерет.	*На телеге успокоишься.*
14. Тыге тегыт.	*Такой деготь.*

15. Тылат шып пышталыт. — *Тебе тихо положат.*

16. Уна изи Ану. — *Вот маленькая Ану.*

17. Уна, кевыт ты век, Ану... — *Вот, магазин в нашу сторону, Ану...*

18. Ура! Ольош шольо ару. — *Ура! Брат Алексей чистый.*

19. Шем шукш кушмеш, ош шукш кушшо. — *Чем расти черному червяку, белый червяк вырос бы.*

20. Шем шун нушмеш... — *Черную глину месив...*

21. Шўшалан налаш ўш... — *Взять за воротник...*

Койдарчык – Дразнилки

1. – Васли-кусли, шопке рож,
Лудо шоло, муш пондаш.

– Васли-кусли, дыра вяза,
Кишка утки, мочало бороды.

2. – Ики-вики кавалер,
Кугу мӱшкыр, полдыш нер.

– Ики-вики кавалер,
Большой живот, нос пуговкой.

3. – Йогыр-Йогыр, йолагай.
Мӱшкыр-тӱмыр, пудий гай.
Пашам ышташ ӧркана,
Ӱй ден мӱйым йӧрата.
– Йогыр-Йогыр, лентяй.

Живот-барабан, как у клопа.
Работать ленится,
Любит масло с медом.

4. – Андрий-Мундрий,
Шопке рож,
Агытан муным
Шолтен коч.

Андрий-Мундрий,
Осиновая дыра,
Петушиное яйцо
Свари и съешь.

5. – **Андрий-мундрий таракан,**
Китайский сарафан.

6. – **Ач-уч! Мерач!**
Фадей Макакович черан.

– Ач-уч! Заяц!
Фадей Макакович болен.

7. – **Очи-очи-оч!**
Тол воктекем воч,
Кампеткым коч.

– Очи-очи-оч!
Иди, ложись рядом,
Ешь конфетку.

8. – **Эчан – пелчан.** *– Саша – бодяк.*

9. – **Ондан – шондан.** *– Антон – туалет.*

10. – **Гентос – паровоз.** *– Гендос – паровоз.*

11. – **Ольош – польош, рожын колош.**

– Алексей – польош, дырявая калоша.

12. – **Настачи – картаси.**

13. – **Серге – шерге, шокте рож.**

– Сергей – гребенка, дырявое сито.

14. – **Люда – пуда.** *– Люда – гвоздь.*

15. – Наташ – лапаш. – *Наташа – жижа.*

16. – Миклай-коклай, кок тенге,
дыр налаш вич тенге.

– Николай-коклай, два рубля,
Жениться – пять рублей.

17. – Семон-Семон, семь копек,
Ӱдыр налаш три копек.

– Семен-Семен, семь копеек,
Жениться – три копейки.

18. – Васли – кӱсле. – *Васли – гусли.*

19. – Петр – котр, таракан мӱшкыр.

– Петр – в болячках, тараканий живот.

20. – Онтон – тон-тон,
Пырнявуй – тын-тон.

– Антон – тон-тон,
Конец бревна – тын-тон.

21. – Раз, два, три, – *Раз, два, три,*
Кужу Йынатий, *Длинный Игнатий,*
Мешак тичак ший. *Полный мешок серебра.*

22. – Чара вуй чангалтыш,
Кудло вуй йомдартыш.

– Безволосый, жадный,
Шестьдесят раз потерянный.

23. – А – прем,
Б – прем –
Епрем!

– А – прем,
Б – прем –
Ефрем!

24. – Куку вика Яшкина
Малых вэра ӧдшара.

– Кукушка – вика Яшкина
Малых шест, коромысло.

25. – Пече ломаш Орина,
Олым ора – тугара.

– Жердь забора Орина,
Стог сена – сырник.

26. – Василй-кусли –
Шур йолаш.

– Василй-кусли –
Грязные штаны.

27. – Василй-кусли – шопке рож,
Лудо шоло, муш пондаш.

– Василй-кусли – осиновая дыра,
Кишки утка, борода из кудели.

28. – Йыван-Йыван-Йывыштик,
Клатомса – кыдырдик,
Ӱй вочко – йыдырдик.

– Йыван-Йыван-Йывыштик,
Дверь клети – кыдырдик,

Марийские детские игры

(давние, забытые)

1. «Йос дене модмо» – «Игра с горностаем».

Радам дене шинчыше-влак шенгеке потам пунен кудалтат. Потажым» «йос» маныт. Тудым кид гыч кидыш коштыктат. Иктым кычалаш луктыт.

Играющие садятся в ряд. За спины играющих бросают плетеный пояс. Этот пояс называют *«йос»* – «горностай». Играющие прячут в руках «горностая», передают друг другу. Водящий должен найти пояс.

2. «Шавыкш тумыштышо» – «Заплатка».

Иктым мыжер дене леведыт, тудым тӱчыт (перат). Леведалтше ок пале гын, адак возеш, пала гын, тучын (перен) колтышо возеш.

Одного играющего накрывают кафтаном и по очереди его ударяют. Если водящий узнает, кто его стукнул, под кафтан садится тот, кого узнают.

3. «Йыр-йыр, йош-йош».

Рвезе-влак нурышто модыт. ӱштым кандырала пунат, шылтен йыр тыртышын шинчыт. Икте кычалше лиеш. Кычалшым ӱштым мумеш, ӱштыж дене кырат. Кандыражым тудлан огыт ончыкто. Кычалше кӧн кидыште кандырам муэш, тудо кычалше лиеш.

Дети играют на лугу. Пояса сплетают в веревку. Один играющий водит, т.е. ищет веревку. Остальные прячут ее за спинами, а по возможности стараются хлестнуть ею водящего. В чьих ру-

ках водящий перехватит веревку, тот водит.

4. «Ешым тӧрлем» – «Семью поправляю».

Йыр шинчын, кӧ кӧлан йӧра, ок йӧро, маныт. Телым пӧртыштӧ, кенгежым тӱжвалне модыт.

Дети садятся в круг. Водящему сообщают, кто кому годится в пару. В эту игру играют зимой в доме, а летом на улице.

5. «Шӱжер ленгеж» – «Кувшин с молоком».

Модмо годым оза лиеш. Икте пырыс, молыжо шӱжер ленгеж лийыт. Озаже шӧрым рат дене шындымек малаш возеш. Пырыс, толын, шӧрым йӱешат ленгежым «йӧрыктен» кода. Оза кынелешат, пырысым кычал муын кыра.

Играющие выбирают «хозяйку», «кошку», остальные – «кувшины с молоком. «Хозяйка» ложится спать, «кошка» подкрадывается, «выпивает» молоко, кувшин опрокидывает. «Хозяйка» просыпается, ловит «кошку» и наказывает.

6. «Карта».

Кугу кумдыкышто капка ончылно лумым чаткан гына эрыктен шындат. Покшелне онган кӱртньӧ тоям кырат, тушко кӱжгӧ кандырам кылдат. Чоткыдырак лийже манын, вӱдым оптат, тыге кандыра кӱртньӧ тояш кылмен пижеш. «Карталан ныл-вич мужыр йыдалым, тынарак шӱкшӱ калошым пеле гыч руалын, менгге йыр оптат.

Перед домом на улице убирают снег, делают игровую площадку. В середине забивают железную палку, к которой привязывают поясную веревку. Чтобы узел был крепче, его поливают водой.

Веревка примерзает к палке. Вокруг железной палки ставят 4-5 пар старых лаптей и столько же рваных галош. Играющие должны выпинать из круга лапти и галоши. Водящий крутит веревкой и не дает войти в круг.

7. «Чибкла-кагакла» («Парпанга») – «Щелчки и крючки».

Тиде модыш дене 8-15 ияш эрге икшыве-влак телым модыт. Кугу парня кӱжгыт писте пашкарым налын, посна ужашлан шеледат. Модыш дене кӱвар ӱмбалне модыт. Ик кид дене пашкарым кӱшкӧ кудалта, тиде жапыштак, тиде кидше денак моло пашкр-влакым кучаш тӧча.

Играют зимой мальчики от 8 до 15 лет. Щелчки готовятся из липовых палочек, толщиною с большой палец. Берут палку и режут ее на несколько частей, изображающих маленькие цилиндрики. Играют на полу несколько человек.

8. «Мужангла модаш» – «Ворожея».

Пӱкенышке вӱдышӧ шинчеш. Тудын вуйжым шовыч дене петырат да тӱкалат. Тудо кӧ тӱкен манын палшаш.

На стул садится один из играющих, ему накрывают голову платком. Задача его заключается в том, чтобы угадать, кто до него дотронулся.

9. «Лайа-лайа».

Верыш коклаште коден, кум модшо менгге гае шогат. Кодшо-влакше кидыш кучен «лайла» манын нунын коклаште кошташ тӱнгалыт, нуным тӱкаш огеш лий.

Трое участников становятся «столбиками» улья. Остальные берутся за руки и проходят вокруг каждого «столбика», напевая «лайа-лайа», при этом никто не должен задевать «столбик».

10. «Ваш шӱведен» – «В плевки».

Кок модшо тӱшка кидым ваш кучен вашталешла ошкылыт. Ты годым тыгай мутым пелештат:

«Эр кечылан тӱсыж дене кап-касыже кечылан мелын почылтын, имньыланна шудо кӱлеш, ушкаланна кинде кӱлеш, эргыланна ӱдыр кӱлеш», – манын ваш шуын шӱведен мӧнгеш чакат.

Две команды взявшись за руки, идут навстречу друг другу, при этом говорят слова:

«К утреннему солнцу лицом, к вечернему солнцу открываясь, лошадям сено надо, корове хлеб нужен, сыну девушку надо», – играющие сходятся, плюют и расходятся обратно.

11.«Салтакыш ужатыме» – «Проводы в солдаты» (общественная пародийная игра).

«Салтакышке налыше» дене полышкалышыже» пуйто армийыш кайышым вискалат, корныштo «взяткым-йозакым» налыт. «ӱдырамаш-влак» ава-влак семын шке семынышт мутланат, шортыт. «Чӱчӱ» у салтак-влакым «тунықта», перкалмыже дене «сийла».

«Военный приемщик» и «помощник» меряют рекрутов, «берут» по пути взятки. «Женщины» причитают, изображая матерей. «Дядька» «обучает» новобранцев, «угощая» их зуботычинами и тумаками в бока.

Шотлеммут – Считалки

1. – Ик алче,
Кок алче,
Кум алче,
Ныл алче,
Вич алче,
Куд алче –
Шымалче!

2. – Икыт-кокыт (икыт-микыт)
Каза пача,
Кузьма Япык,
Колтинча!

3. – Ика рожж,
Кока рожж,
Кума рожж,
Ныла рожж,
Вича рожж –
Кутарожж.

4. – Разик, дваэик, трикузик,
Шындыр-мындыр,
Око-око Евентюк.

5. – Чий-чий чичала,
Чича-мачи чавала.
Икчий, кокчий, таганчий,
Таганчи, моя есть!

6. – Ценге, лёнгё
Кылтик-калтик, лоц!

7. – Оки, пыски, пояси,
Околицым, поколицым,
Шаи-шаи-шапляка,
Шинча мари шинчара.

8. – Пыргыде, вургеда, пэсья, судья,
Подимо, илета, сам чэрк,
Айдэ, вуйдо, чокмуш.

9. – Ачли-вучли, авта-йовта,
Артма-ортма, чывта, оч!

10. – Пыргедал-тургедал,
На четыре побежал.
Пятый, шутый,
Якын черный,
Муглан баран,
Тиглай, Тикын – пошел вон!

11. – Кылдырикым-мулдырикым
Стадникым сотникым
Чере – чиньке, булдо-булдо
Казанский – Юлдырик.

12. – Шарик-Шурик на меня,
Тоня призик козырек.
У Шурика на меня –
Чыж-чож!

13. – Икыты-пикыты,
Чукыты-на,
Арым-павыль,
Аль-ма-на,

Экс, пекс,
Пу-ля пус-наус.

14. – Аньыки-муньыки,
Ший каласи,
Аньики-муньики, ба!

15. – Ик марий каен-каен,
Мӱй вочкыш пуренгаен.
– Один мужик шел-шел,
В бочку с медом упал.

16. Шопке воктеч куку каен,
Почешыже йоча каен.
Йоча ойлен кукулан:
– Ик игет кудалте-ян!
Куку манеш:
– Уке, Яку. Ондак мыйым
кычал му!
Шла кукушка мимо осины,
За ней шел ребенок.
Говорит ребенок кукушке:
– Брось мне одного кукушонка!
Кукушка говорит:
– Нет, Яку. Сначала найди меня!

17. – Икыт, кокыт, кумыт, нылыт,
Визыт, кудыт, шымыт,
Кандаш, индеш, лу –
Кампет налаш оксам пу!

– Один, два, три, четыре,
Пять, шесть, семь,

Восемь, девять, десять –
Дай денег конфеты купить!

18. – Илен улмаш ик марий,
Тудын лӱмжӧ Метырий.
Конгам олтен петырен,
Пырыс почым йӱлалтен.

– Жил-был мариец,
Звали его Метрий.
Печку затопил, закрыл,
Коту хвост опалил.

19. – Чыве шылеш вараш деч,
Меранг чыма пире деч.
Почеш ит код, мӧчырес!
Икыт, кокыт, кандаш, лу,
Саню, мемнам поктен шу!

– Курица прячется от коршуна,
Заяц убегает от волка.
Не отставай, тихоня!
Раз, два, восемь, десять,
Саня, догоняй нас!

20. Чывиге чып-чап,
Лудыге лырт-ларт,
Лышташ выр-выр,
Мый йыр-гор.

Цыпленок чып-чап,
Утенок лырт-ларт,

Листья выр-выр,
Я йыр-гор.

21. – Колым вӱд гыч шупшын лукташ
Мыняр метр кандыра кӱлеш?
– Кудыт.
– 1, 2, 3, 4, 5, 6!

– Чтобы вытянуть рыбу из воды,
Сколько метров веревки надо?
– Шесть.
– 1, 2, 3, 4, 5, 6!

22. – Ик марий чодыраш каен,
Ораваже шаланен,
Орава ачалаш мыняр пуда кӱлеш?
- 1, 2, 3!

– Один мариец пошел в лес,
Телега сломалась.
Отремонтировать телегу
сколько надо гвоздей?
– 1, 2, 3!

23. – Шыж-когыж,
Кенет-нерет,
Виш-туш.

24. Йактем-тнгыл
Лач-шыч караган
Мараган-кекрек
Шоклек, вайта, дий!

25. – Игыр-когыр,
Йактам-тӱвес,
Шылаган-мылаган,
Пиангган-сангган,
Кекрек-шокльыкдий!

26. – Икым, кокым,
Кумым, нылым,
Виат, куат,
Тыкым-пакым,
Тумем-пытлоч!

27. – Ика-тика,
Мама-тика,
Шылдыр-шолдыр,
Шарачок!
Чайн-пойн, пани-руки,
Ипай, Инай, лек.

28. – Акыты-Пакыты,
Чукыты-пе,
Амбуль-Памбуль,
Ду-ма-не.
Икс-Пикс,
Пере-пукс, наус.
Торба-орба, шыдыр-маки,
Дэу, дэу, космадэу, бау!

29. – Ана-бене, рес,
Твинтер-Гвинтер, хес,
Ано-бонэ, ряба,
Твинтер-Гвиндет – хаба.

30. –Чик-чок пятачок,
Шере муно калачок!
– Чик-чок пятачок,
Бессолое яйцо калачок!

31. – Ойки-тойки,
Мый – мойки.
Савыри-саска,
Мый – саска.

32. – Маска кӱзен писте вуйыш,
Мӱйым йышт тамлен ончаш.
Шинчын мӱкш маска нер вуйыш –
Кушко нерже кок пачаш.
Толын мӱкш мемнан коклашке,
Пӱшкылеш – куржаш торашке!

– Медведь влез на верхушку
липы,
Втихаря отведать меду.
Пчела села медведю на кончик
носа –
Нос стал в два раза больше.
Теперь пчела прилетела к нам,
Ужалит – разбегайтесь подальше!

33. – Икыт, кокыт, кандаш, лу,
Корем воктен олмапу.
Кӧ шылын шуктен огыл,
Мый кычалшаш омыл.

– Раз, два, восемь, десять,
Возле речки яблоня.
Кто не успел спрятаться,
Я искать не буду.

34. – Карман тура курык гыч
Иман мундыра кудалеш.
Тудым кӧ куча гын,
Мемнам кычалеш.

– С горы Карман-курык
Катится клубок с иголками.
Кто его поймает,
Будет нас искать.

35. – Матран Метрий каен-каен,
– Мӱй вочкыш пуренгаен.

Метриев Матран шел, шел
И упал в бочку с медом.

36. – Оки-пеки-пояси,
Околыш-поколышим.
Шал-шал-шапляка,
Шинча-мари-шинчара!

Тушто-влак – Загадки

1. Туштым туштсм – туштанай:
Кадыр йолан Токтанай.
(Тулвондо)

Загадку загадаю – отгадай:
Кривоногий Токтанай.
(Кочерга)

2. Тумо, тумо ӱмбалне шоло,
Шоло ӱмбалне шисте,
Писте ӱмбалне куэ.
(Тер)

Дуб, на дубе вяз,
На вязе липа,
На липе березка.
(Сани)

3. Кызыр-козыр Оршна,
Йыртым-Юртым Тарля.
(Пудий, шурпо)

Неуклюжая Оршна,
Попрыгунья Дарья.
(Клещ, блоха)

4. Вайдя вуйым
Шайдя чӱчгта.
(Киса кышсм чӱктатэ)

Головку Вани
Клюет Шейка.

(Синичка клюет конопляку)

5. — Кот-мурлыка мои куплет!
— Клевки повторяем.

(Поет)

— Кричи-кричи, что просишь?
— Кто спросту.

(Повторяет)

6. Кати-кати, кати-кати,
Яблок-мобок, яблок-мобок,
Сяпа-тяпа, сяпа-тяпа.

(Комплимент)

7. Ты-ты туда,
Ту-ту туда,
Кошке ту-ту беду.

(Пастушка)

8. Пушок серый мой
Знает ли грусть?

(Шуган)

Дает и молоко он
Умеет ли играть?

(Пример)

9. Ваня где-то,
Где-то ветлами старый сад

(Ваня)

Берешь – так бери,
Нет – так за другого замуж пойду.
(Хмель)

10. **Вли, вли, влича,**
Пигашлик-ташлик,
Азик-вузик, тувузук,
Водо корка чумбаш,
Корем воктен акмата чапа...
(Лудо)

Вли, вли, влича,
Пигашлик-ташлик,
Азик-вузик, тувузук,
Вечерний ковш чумбаш,
Возле оврага акмата ножки...
(Утка)

11. **Канаган кают-кают,**
Янаган кают-кают,
Кужу пондаш – шу-шу-у!
(Кӱдырч, волгенче, йӱр)

Канаган идут-идут,
Янаган идут-идут,
Длинная борода – шу-шу-у!
(Гром, молния, дождь)

12. **Этым-этым шуэтым,**
Чика-рика йылметым,
Казна капка почедыш.
(Ур – Белка)

13. Йўшт ӧ годым – когыльо,
Шокшо годым – перемеч.
(Пий)

В холод – пирог,
В жару – ватрушка.
(Собака)

Йомак-влак – Сказки

Пырыс ден коля

Иленыт улмаш пырыс ден коля. Пырысын лсмжз – Незнайка, колян – Умница. Пырыс нимомат пален огыл, а коля пеш ушан лийын.

Икана Умница пырыслан ойла:

– Мый туныктышет лиям. Илаш туныктем.

– Келшем, – пелештыш пырыс.

– Уке гын, эре шужен коштам.Тугеже кузе мсшкырым темаш туныкто веле!

Тыге коля пырыслан шуко возыкташ, лудыкташ тснгалын. Пырыс эре ойым колыштын. Незнайкажат колям кочкын кертме нергенат пален налын. Вес кечын Незнайка Умница деке толынат, тудын ойжым колыштын огыл, вигак смбакыже тзрштен да мсшкыржым темен.

Тиддеч вара пырыс колям эре ванген коштеш.

Марина Максимова,
Волжский р-н, Карай школ, 6 класс.

Юзо пыстыл

Ик нужна кугыза ден куван Чопай эргышт улмаш. Тудым ялыште эн патырлан шотленыт. Икана кутыраш тснгалынат, пуйто мланде тсрыштз юзо пыстыл уло. Тудо чыла шонымашым шуктен кертеш. Чопай тиде пыстылым кычал, корныш лектеш.

Каен-каен, кугу кс курыкыш миен шуэш. Тушто азыр псян янлык илен. Чопай тудын дене

шым кече да шым йсд кучедалеш. Шуко всрым да снарым йомдара. Туге гынат сенгымаш тудын дек толеш.

Чевер кече ончалеш – юзо пыстыл мланде тсрыштз волгалт кая. Тудым ужын, Чопай пыстыл почешыже куржаш тснгалеш. Латвич кече да латвич йсд куржеш. Пыстылым миен куча. Ош имньыш шинчын, кава гыч мотор сдыр кудал вола. А пыстыл, юзо кайыкыш савырнен, кече деке чонгешта. Чопай мотор сдырым йзратен шында, пелен мзнгыжз конда. Туштыжо нуным ачаж ден аваже тичмаш кинде-шинчал дене вашлийыт, ссаным тарватат.

Аля Сунгурова,
Параньга, Олор,
5 класс.

Лӱдыктыш – Страшилки

1. Ик рвезе мӧнгыштыжӧ шкетын шинчен. Кенета окна почылт кая и шеме деч шеме кид лектын шинчеш. Кидыштыже шеме деч шеме перчатка. «Шеме деч шеме кид» рвезе деке липемеш да рвезе кидшым руалтен кычкыралеш: «Мыйын кидем пу!» Шем перчатка рвезын кидшым чот кормыжталеш.

Петухов Сергей.
Коклала, Шернур р-н

Мальчик сидел дома один. Вдруг открылось окно, и появилась черная-пречерная рука. На руке черная-пречерная перчатка. Черная-пречерная перчатка потянулась к мальчику. «Отдай мою руку!!!» Черная перчатка сильно хватает руку мальчика.

1. Тиде мемнан ял рвезе дене лийын. Тудо пошкудо ялышке ӱдыр деке коштын. Икана ӱдыр рвезе деке лектын огыл. Рвезе вучен-вучен да мӧнгеш каен. Жап пелӹӱд лийын. Йывансола шенгелне ваштарешыже кугу каван лектын шогалын. Каван шеме-шеме лийын. Тудын ӱмбакыже лишемын. Рвезе осал шомакым кычкыраш тӱнгалын. Каван тунымак йомын. Тиддеч вара рвезе чот черланен. Шонгго кува-влак тудым «ия лӱдыктен» маныын ойлат.

Иванова Таня.
Конганур ял, Кужерен р-н

Это случилось с парнем из нашей деревни. Он ходил на свидание к девушке. Но однажды она не вышла на свидание. Парень ждал-ждал ее, не дождался и пошел обратно. А это было в полночь. У Ивансолы ему навстречу вышел большой стог. Был стог черный-черный и двигался прямо на него. Парень сильно перепугался и стал материться. Стог после ругани исчез. После этого парень сильно заболел. Старые бабки сказали, что это проделки чертей.

Список литературы

1. Аникин В.П. Русские народные пословицы, поговорки, загадки и детский фольклор: Учебное пособие. – М.: Просвещение, 1984.
2. Аникин В.П. и Круглов Ю.Г. Русское народное поэтическое творчество – Л.: Просвещение, 1983.
3. Ашмарин Н.И. Общий обзор народных тюркских говоров. – Баку, 1926.
4. Ашмарин Н.И. Болгары и чуваши. – Казань, 1918.
5. Баранцев А.Д. Детские считалки как фольклорный жанр // Вопросы развития жанра в русской литературе и устном народном творчестве / Ученые записки Калининского госуниверситета им. М.И.Калинина. – Калининград, 1970. – С. 48-59.
6. Буслаев Ф.И. Исторические очерки русской народной словесности и искусства. Т. I. – СПб, 1864.
7. Барташевич Г.А. Белорусский детский фольклор. Стихотворные жанры. Дис. канд. филол. наук. – Минск, 1974.
8. Бахтин В.М. От былины до считалки: Рассказы о фольклоре. – Л.: Детская литература, 1990.
9. Василенко В.А. Об изучении современного детского фольклора // Современный русский фольклор: Материалы и исследования. Изд. I. – М.: Высшая школа, 1956.
10. Василенко В.А. Русское народное поэтическое

творчество. – М.: Высшая школа, 1986.
11. Васильев В.М. Марий мутер. – М., 1928.
12. Васильев В.М. Марий калыкын йомакше, ойлымашыже, туштыжо, тошто мутшо, мурыжо. – М., 1931.
13. Васильев В.М. Марий мут. Тошто гыч тӱнгалын таче марте ойлымо муро, тушто, йомак, пале, туныктымо мут, молыжат. Вып. 1. – Казань, 1918.
14. Васильев В.М. Марла ойлымаш-влак. Калык ойлымо гыч колыштын, шке гыч шонен, кусарен возымашым савыктыме. – Краснококшайск, 1926.
15. Васильев В.М. Сборник загадок на луговом черемисском языке (наречии), собранных в разное время учителем М.Васильевым 1885-1886 гг. – РФ научной библиотеки им. Н.Лобачевского Казанского гос. ун-та им. В.И.Ульянова-Ленина. Д. 1751. Тетр. 2.
16. Васильцова З.П. Мудрые заповеди народной педагогики: Заметки журналиста. – М.: Педагогика, 1983.
17. Ветухов А.С. Народные колыбельные песни / / Этнографическое обозрение. – 1982. – № 2.
18. Виноградов Г.С. Русский детский фольклор Сибири. Кн. I. – Иркутск, 1930.
19. Волков Г.Н. Этнопедагогика. — М.: Изд. центр «Академия», 1999.
20. Воскобойников М.Г. Об эвенской народной песне // Советская этнография. – 1951. – № 1.

21. Гордеев Ф.И. Этимологический словарь марийского языка. Т.1: А-Б. – Йошкар-Ола, 1979.
22. Гордеев Ф.И. Слова детской речи как предмет историко-этимологических изысканий // Вопросы марийского языка. – Йошкар-Ола, 1982.
23. Гребле В.П. Латышская колыбельная поэзия. – М.-Л., 1960.
24. Горький А.М. Собрание сочинений в 30-ти томах. Т. XXV. – М.: Гослитиздат, 1953.
25. Дмитриев С.Д. Марий йылме дене занимательный материал. – Йошкар-Ола, 1981.
26. Дмитриев С.Д. Шочмо йылме. – Йошкар-Ола, 1993.
27. Долганова Л.Н. Удмуртский детский фольклор. Дис. канд. филол. наук. – Ижевск, 1990.
28. Долганова Л.Н. Удмуртский детский фольклор: Песенки, потешки, считалки, дразнилки. – Ижевск, 1992.
29. Евсеев В.Я. Колыбельные песни карел и других прибалтийско-финских народов // Вопросы литературы и народного творчества: Труды Карельского филиала АН СССР. Вып. – Петрозаводск. 1962.
30. Емельянов П.Е. Тӱнгалтыш классланште шочмо йылме кружок. – Йошкар-Ола, 1979.
31. Зорин П.К. Как веселится черемисская молодежь? // Вятские губернские ведомости,

1919. – № 2.
32. Иванов И.Г. Кок пачашан мут // Ямде лий. – 1971. – 11 сент.
33. Игры народов СССР / Сост. Былеева Л.В., Григорьев В.М. – М.: Физкультура и спорт, 1985.
34. Известия общества ОАИЭ при Казанском университете. Т. III (1880-1882). Т. IV (1884).
35. Капица О.И. Детский фольклор: Песни, потешки, дразнилки, сказки, игры: Изучение. Собрание обзорного материала. – Л.: Прибой, 1928.
36. Калугина В.И. Русская народная игровая песня // Русский фольклор: Материалы и исследования. М.-Л.: АН СССР, 1990.
37. Киткаева Л.С. Марийские былички. Дис. канд. филол. наук. – Таллинн, 1998.
38. Китиков А.Е. Изучение межэтнических общностей и связей в марийской фольклористике // Межэтнические общности и взаимосвязи фольклора народов Поволжья и Урала. – Казань, 1983. – С. 43-48.
39. Китиков А.Е. Марийские народные загадки.– Йошкар-Ола, 1967.
40. Китиков А.Е. Марийские народные загадки. – Йошкар-Ола, 1973.
41. Китиков А.Е. Фольклор в дореволюционных письменных памятниках на марийском языке // 200 лет марийской письменности. – Йошкар-Ола, 1975. – С.20-24.

42. Китиков А.Е. Современное состояние малых жанров марийского фольклора // Вопросы марийского фольклора и искусства. – Йошкар-Ола, 1977. – С. 16-31.
43. Китиков А.Е. Пире, шире, йолагай. – Йошкар-Ола, 1990.
44. Китиков А.Е. Модыш – уш погыш. – Йошкар-Ола, 1990.
45. Корнилов Г.В. Художественное слово в воспитании детей. – М.: Педагогика, 1977.
46. Крылов В.В. Сескем. – Йошкар-Ола, 1994.
47. Кече. – 1990-2001 гг.
48. Корчак Я. Как любить ребенка. – Москва, 1990.
49. Литвин Э.С. К вопросу о детском фольклоре // Русский фольклор. Вып. III. – М.-Л.: Наука, 1958. – С. 59-64.
50. Ложкина О.Н. Марийские народные игры как средство развития младших школьников // Крупицы опыта в помощь начинающему учителю начальных классов. – Йошкар-Ола, 1996.
51. Мамонтова Г.И. Русский фольклор. – Л., 1981, вып. XX.
52. Мельников М.Н. Русский детский фольклор Сибири: Дис. канд. филол. наук. – Томск, 1987.
53. Митрофанова В.В. Песня о девице-семилетке и ее славянские параллели // Русский фольклор. Т. XI. – М.-Л., 1978.
54. Махмутов Х.Ш. Мал золотник, да дорог. –

Казань, 1980.
55. Мухлынин А.Н. Прием обращения в народных колыбельных песнях // Вопросы поэтики литературы и фольклора. – Воронеж, 1982. –
56. Молотова Т.Л. Шочеш айдеме ош тӱняшке // Марий Эл. – 2000. – 25 март.
57. Молотова Т.Л. Родильные обряды марийцев / Полевые материалы Марийской этнографической экспедиции 80-х годов. АЭМК. Вып. 22. – Йошкар-Ола, 1993. – С. 85-94.
58. Матвеев С.В. Тушто-шамыч // РФ научной библ. им. Н.Лобачевского Казанского гос. ун-та им. В.И.Ульянова-Ленина, фонд 7365.
59. Марийские народные сказки / Сост. Е.А.Тудоровская и С.Эман. – Йошкар-Ола: Маркнигоиздат, 1945.
60. Марла Календарь. – 1908, 1909, 1910.
61. Мухаметзянов Р.М. Жанры татарского детского фольклора // Фольклор народов РСФСР. Вып. 17. – Уфа, 1990.
62. Мухаметзянов Р.М. Календарная поэзия пермских татар Башкирии. – Уфа, 1982.
63. Осорина М.В. Русский фольклор, Л., 1981, вып. XX.
64. Померанцева Э.В. Русское народное творчество. — М.: Просвещение, 1979.
65. Перевозчиков Е.А. Детские игры, преимущественно русские в связи с историей, этнографией, педагогикой и гигиеной. – М.: Физкультура и спорт, 1982.

66. Пенгитов Н.Т. Сопоставительная грамматика русского и марийского языков. Часть 1. – Йошкар-Ола, 1958. – 175 с.
67. Петров А.А. Фольклорные материалы (песни, загадки, сказки) и материалы для словаря Казанского уезда // РФ научной библиотеки им. Н.Лобачевского Казанского гос. ун-та им. В.И.Ульянова-Ленина. – Д. № 2260.
68. Петухова А.Н., Крылов В.В. Шольым дене шотлена. – Йошкар-Ола, 1996.
69. Петухова А.Н. Писын лудаш тунемына. – Йошкар-Ола, 1995.
70. Пионер йӱк. – 1932. – №7; 1934 – №10-11.
71. Рочев Ю.Г. Детский фольклор коми. Дис. канд. филол. наук. – Сыктывкар, 1972.
72. Рочев Ю.Г. Колыбельная поэзия коми // Проблемы изучения финно-угорского фольклора. – Саранск, 1969.
73. Рыбникова М.А. Загадка, ее жизнь и природа // Загадки. – Л., 1935.
74. Радова И.Н. О художественном методе народной поэзии // Русский фольклор. – М.-Л., 1976. – С. 19-22.
75. Сабитов С.С. Сказки луговых мари. – Йошкар-Ола, 1992.
76. Соколова В.К. Весенне-летние календарные обряды русских, украинцев, белорусов XIX – начала XX вв. – М.: Наука, 1979.
77. Сави В. (Мухин). Илыш йӱк. – Краснокок-шайск, 1926.
78. Сави В. (Мухин). У корно: Кок ий тунемаш коштшо йоча-шамычлан лудшашлык книга.

– Краснококшайск, 1924.
79. Садовников Д.Н. Языческие сны русского народа. — Детское чтение, 1976.
80. Таракина Э.Н. Мордовский детский фольклор. Дис. канд. филол. наук. – Тарту, 1971.
81. Таракина Э.Н. Роль фольклора в детском воспитании // Семейные обряды мордвы: Традиции и инновации. – Саранск, 1984.
82. Тихомиров С.В. Поэтика русского фольклора: Учебное пособие для филологических факультетов университетов. – М.: Высшая школа, 1990.
83. Татарские народные сказки / Составитель Л.Ш.Махмутов. – Казань, 1999.
84. Усова А.П. Русское народное поэтическое творчество в детском саду: // Книга для воспитателей детских садов. Изд. 3-е. – М.: Просвещение, 1969.
85. У вий. – 1923 – №1; 1929 – №2, №3; 1930 – №1.
86. Чавайн С.Г. Ойырен лукмо сылне мут-влак. – Йошкар-Ола, 1935.
87. Чуковский К.И. От двух до пяти. – М., 1963.
88. Чуковский К.И. Мастерство Некрасова. – М., 1956.
89. Четкарев К.А. Из истории собирания и публикации марийского фольклора до 1917 года // Труды МарНИИ. Твып. 1. – Козьмодемьянск, 1939.
90. Шахнович М. Первобытная мифология и философия. Предистория философии. – Л.: АН СССР, 1981.

91. Энгельс Ф. Происхождение семьи, частной собственности и государства // К. Маркс и Ф. Энгельс: Сочинения. Т. 21., – М., 1961.
92. Ягофаров Р.Ф. Колыбельные песни. – Казань, 1997.
93. Ямде лий. – 1935. – 14 ноябрь; 1937. – 28 май; 1939. – 22 январь; 1939. – 22 апрель.
94. Beke Ö. Volksdichtung und Gebräuche der Tscheremissen (Maris). – Budapest, 1951.
95. Beke Ö. Tscheremissische Texte. – Budapest, 1957.
96. Genetz A. Ost-tscheremissische Sprachstudien 1. Sprachproben mit deutscher Übersetzung. – SUSA, V11. – Helsinki, 1889.
97. Paasonen H. Tscheremissische Texte. – SUST, LXXVIII. – Helsinki, 1939.
98. Porkka V. Tscheremissische Texte mit Über setzung. Herausgegeben von Arvid Genetz. – SUSA, XIII. – Helsinki, 1895.
99. Ramstedt G.J. Bergtscheremissische Sprachstu dien, – SUST, XVII. – Helsingfors, 1902.
100. Päsänen M. Tscheremissische Zeit – und Mass bestimungen. – SUST, LII. – Helsinki, 1924.

СОДЕРЖАНИЕ

1.Введение 4

2.Из истории собирания и изучения марийского детского фольклора 7

3.Колыбельная поэзия

3.1.Колыбельные песни 24

3.2.Пестушки 38

3.3. Потешки 54

3.4. Прибаутки 63

4.Календарный детский фольклор

4.1. Заклички 69

4.2. Приговорки 75

5.Словесный детский фольклор

5.1. Игры словами 80

5.2. Скороговорки 84

5.3. Палиндромы 86

5.4. Дразнилки 88

6.Игровой фольклор

6.1. Подвижные детские игры 95

6.2. Считалки 107

7.Детский бытовой фольклор

7.1. Загадки 126

7.2. Сказки 137

7.3. Страшилки 146

8.О художественных особенностях марийского детского фольклора

8.1. Лексические особенности 151

8.2. Использование междометий 163

9.Детский фольклор как средство народной педагогики 172

10.Заключение 191

11. Приложения 201

12. Список литературы 278

Петухова А.Н. - кандидат филологических наук, старший преподаватель кафедры дошкольной и специальной педагогики МГПИ им.Крупской. Автор книги “Природа - колыбель человека”, соавтор сборника “Мы с братишкою считаем”, а также автор идеи по выработке у младших школьников техники быстрого чтения “Писын лудаш - сайрак улмаш” (“Учимся быстро читать”).